

ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 1:316
ББК 60.01

М. Н. Щербинин

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО САМОТВОРЕНИЯ КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

В статье показана предыстория сравнительно нового направления философской мысли - «эстетической антропологии». Автор дает оригинальную оценку историческому процессу самопознания человека посредством совмещения мыслительной деятельности с художественной, актуализируя фигуру художника-мыслителя, способного синтезировать множественный индивидуальный, социальный и художественный опыт не только в пространстве творчества, но и в контексте научной мысли. Автор приходит к выводу о наличии некоторого порога, находящегося во внутреннем мире субъекта самопознания, который разделяет художественное и мыслительное, образное и понятийное, обуславливая инфинитизм в развитии и становлении человечества.

Ключевые слова: история самоосуществления, фигура, конфигурация, самопознание, художник, зеркальность, самоопределение, человеческая сущность.

Представить интеллектуальному сообществу эстетическую антропологию как перспективное для философской мысли нашего времени направление – означает осуществить довольно сложную задачу. Сложность заключается в многоплановости направления, где исследуется эстетическая линия антропогенеза и социогенеза, сам ход истории развития и становления собственно человеческой сущности под влиянием эстетических факторов. Разноплановый предмет эстетико-антропологического исследования включает как развитие возможностей самопознания человека и человечества посредством разнообразных форм эстетического опыта, так и сам процесс антропогенеза, определяемый и обеспечиваемый индивидуальной и коллективной социальной активностью, запечатленной в творческих достижениях.

Эстетическая антропология в качестве специфического философского направления уже заявила о себе довольно отчетливо. Примечателен тот факт, что пространство эстети-

ко-антропологического поиска сформировалось именно в России на основе отечественных культурных традиций. В природе такого рода антропологии, уходящей своими корнями вглубь эстетического переживания, закономерно прослеживается российский «след». Данная закономерность проявляется как в собственно философских идеях русских философов последних двух веков, так и в особенностях совмещения этического и эстетического «начала» русской литературы. В русской литературе и русской философии эстетическая антропология обретает не только свое рождение, но и само свое название.

Тем не менее, термин «эстетическая антропология» сравнительно редко используется в философской литературе, что требует от представителей этого течения большей определенности и дополнительных уточнений. В перечне современных философских «антропологий» (культурная антропология, религиозная антропология, педагогическая антропология и т.д.) именно эстетическая антропология возникла

недавно, в течение последних 15 лет. Например, только в 2004 году Л.А. Антонова напишет, что именно «эстетическая антропология вполне вписывается в философскую антропологию с помощью принципа антропомерности вкуса» [1. С. 46]. В 2001-2004 годах обозначены данным термином и наши собственные работы, изданные в Тюмени. Сформировавшаяся под этим названием тюменская философская школа объединила уже два поколения исследователей в научной и преподавательской среде нескольких городов Урала и Сибири. Проведенные всероссийские и международные конференции свидетельствуют об укрепляющемся интересе к эстетико-антропологической проблематике, спектр которой постоянно расширяется, наряду с развертыванием спектра методологии.

В настоящее время вполне можно утверждать о собственно эстетико-антропологической методологии, включающей в себя специфические и дополнительные методы. Осуществляющийся в области эстетической антропологии теоретический синтез имеет, однако, собственную предварительную «подготовку» в аксиологическом «формате» русской философии и русской художественной культуры. В качестве «подготовительной платформы» для эстетической антропологии мы рассмотрим тот синтез эмоций, чувств, переживаний, мыслей и действий, который был достаточно ярко представлен в отечественном искусстве, и, как следствие, сформировавшийся «аксиологический синтез» наиболее фундаментальных ценностей русской культуры, русского философского человековедения. Бесспорно и то, что эстетическое направление современной антропологии нуждается в своеобразном зеркале как отечественной, так и зарубежной художественной и мыслительной практики. Классическим примером сравнения русского философского капитала, накопленного в эстетико-антропологической области, с западноевропейским осмыслением проблемы, послужит нам труд Ж. Рансьера «Эстетическое бессознательное».

В свое время В. В. Зеньковский, глубокий и основательный исследователь творчества Н. В. Гоголя, применительно к оригинальной позиции этого русского литературного классика и к его мыслительному таланту и своеобразию употреблял термин «эстетическая антропология». По оценке В. Н. Жукова и М. А. Маслина, внимание В. В. Зеньковского привлекла «духовная раздвоенность» Н. В. Гоголя – писателя (создателя «Ревизора» и «Мертвых душ») и Н. В. Гоголя – религиозного мыслителя (автора «Выбранных мест из переписки с друзьями») [3. С. 7].

Обозначив факт творческой исключительности Н. В. Гоголя, В. В. Зеньковский был заворочен и увлечен мыслью писателя, что только лишь поэту открыта высшая сторона в человеке, «что в самом ничтожном человеке есть «поэтический огонь», который закрыт и обычно не проявляется, и есть формула «эстетической антропологии» Гоголя» [4. С. 165]. Несмотря на то, что со временем Н. В. Гоголь отойдет и от эстетической утопии, и от эстетического гуманизма, на протяжении всей его жизни сохранится тесная связь художественного творчества с идейными исканиями (как именно эстетико-антропологический принцип). Причем два этих уровня эстетико-антропологического поиска были здесь обусловлены вполне определенным образом, что подчеркивал еще В. В. Зеньковский: «мыслитель в Гоголе опирался на то, что открывалось его художественному зрению» [4. С. 188], а не наоборот, что и для нас является принципиальным.

Вспоминается тот факт, что в России признается положение о первичности русской литературы и о вторичности русской философии, что еще раз показывает «уместность» эстетической антропологии в российском самосознании. Дело здесь не просто в авторитете, всемирной известности русских писателей, и далеко не в кажущейся неполноценности собственно философской мысли. Вспоминается попытка сотворения «художественной антропологии» Андреем Платоновым, уже за пределами XIX века.

Безусловно, специфика эстетико-антропологического подхода, сконцентрированного в особом пристальном интересе к собственно человеку и его развертывающейся сущности, не сводится к предметной специфике эстетики, искусствоведения, литературоведения и т.п. Предложенная нами ранее многоплановая конструкция эстетической антропологии включает несколько этапов, уровней и форм самопознания. Этапы эстетико-антропологического самообнаружения и становления человеческой сущности мы сопоставляли с историей последовательного доминирования видов и жанров искусства. К уровням человеческого самопознания мы относили художественно-эстетический и собственно философский, предполагая исторические факты их непосредственного взаимодействия и взаимодополнения. При этом особым образом оформлялась методоло-

гия самой эстетической антропологии, куда помимо общенаучных методов были отнесены дополнительные и специфические, такие, как: иносказание, гиперболизация, эстетическая восприимчивость, эстетическое потрясение, олицетворение, эстетическое вдохновение, преображение, «возведение в степень», предвосхищение, перевоплощение, художественная интуиция, исповедальность, принцип зеркальности самосознания, самообнаружение через творчество и прикличение, портретизм, фигуративность, откровенный характер разговора автора с читателем устами героя «от третьего лица» вместо «прямой речи», маскарадность. Свидетельство О. Уайльда находит свое обоснование: истины метафизики есть «истины масок» [9. С. 344], а «правда в искусстве — это Правда, противоположность которой тоже истинна» [9. С. 344].

Мы исследуем факт своеобразной совместимости дорационального, внерационального, иррационального и рационального человеческих моментов, художественного и мыслительного, образного и понятийного, сознания, подсознания и бессознательного, вымысла, домысла и реальности, представляющие в форме сложно-комбинированного единства, «дробной целостности». При этом значимым является тот факт, что многим философствующим индивидам одновременно было свойственно иметь способности Художника. Исторический взгляд улавливает постепенное сближение этих поначалу почти полярных для отдельных людей способностей. В последние столетия число таких вдвойне одаренных людей стало явно возрастать, о чем свидетельствует даже самое простое перечисление наиболее известных имен и фигур: Вольтер, Ломоносов, Шопенгауэр, Ницше, Соловьев, Марсель, Камю, Сартр, Лосев и многие другие.

Искусство, выступающее зеркалом, в котором человек узнавал самого себя, притягивало собственно философское внимание сразу несколькими нитями: во-первых, привлекало к себе философов как остро чувствующих, переживающих, наполненных яркими впечатлениями, страстями и эмоциями индивидов; во-вторых, являлось предметом рефлексивного философского обдумывания; в-третьих, открывало в философе именно художественную натуру как его вторую сущность. Во все времена существовал довольно широкий круг людей, без всякого ущерба объединивших в себе мыслительную и художественную ода-

ренность, людей, принадлежащих собственно Науке, среди которых наблюдаются и великие физики, и великие химики. Однако именно для философов такое противоречивое единство часто становилось внутренней «пружиной», «муками совести» всей их творческой активности в целом и философии, в частности. И там, где эти два вида одаренности переливались друг в друга психологически непосредственно (Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Г. Марсель и мн. др.), можно было ожидать мощного выброса откровения, срывающего покровы с таинства человеческой сущности, с самого сокровенного. В ряде случаев так и происходило. В Гоголе, по мнению В. В. Зеньковского, вполне состоялся так называемый «эстетический подход к человеку, который <...> сродни всем «лирическим отступлениям»» в его произведениях. Данный подход в то же время был определяющей силой творчества Гоголя [4. С. 164–165]. Другим примером, как полагает тот же В. В. Зеньковский, служит все, написанное Достоевским, которое вообще «касается только человека — в его устремлениях и тайных движениях; оттого его произведения задевают каждого из нас, вскрывают какие-то наши тайны, наши скрытые движения» [4. С. 115]. Именно Н. В. Гоголю принадлежит заслуга рождения эстетической антропологии, на что неоднократно обращает внимание В. В. Зеньковский.

С точки зрения Н. В. Гоголя, особая сила эстетического вдохновения, побуждающая тех или иных героев художественных произведений к решительным действиям, есть способность утверждения силы эстетического вдохновения уже самого Художника. По свидетельству современников, Н. В. Гоголь, погружаясь в творческий экстаз в «Мертвых душах», перед зеркалом посредством собственного переодевания и перевоплощения «обыгрывал» изображаемые им фигуры, *выталкивая* их в общество, в так называемый свет на всеобщее обозрение, как омертвелые пороки человеческой души. Так возникала своеобразная «питательная среда» для эстетических переживаний самого писателя, «отзеркаливающая» эти переживания в виде рельефно выведенных действующих фигур. Откровения и признания писателя по этому поводу *самоочищения*, высказанные в «Выбранных местах из переписки с друзьями», не менее показательны и впечатляющи.

Примечательны и примеры эстетического вдохновения, которыми писатель наделил

собственных персонажей. В подтверждение приведем высказывание В. В. Зеньковского, рассуждающего о том, как Андрий в «Тарасе Бульбе» «в силу эстетического вдохновения, отрекся от родины, веры, своих родных» [4. С. 181]. Сам Тарас говорит о русском чувстве как вдохновении: «если проснется у кого крупница русского чувства – тот... схватит себя за голову, готовый муками искупить позорное дело» [4. С. 181]. Порой, уже посредством комического, приходится лечить практику тотального лицемерия, когда, как в «Ревизоре», только смех остается «единственным честным лицом» [4. С. 202]. Вот тут-то и состоится **«гимн свободе человеческого духа, способного на самый крутой поворот в жизни, – но все здесь основано на энтузиазме, который питается из эстетического вдохновения»** [4. С. 181].

В вышеозначенном двойном **переносе** субъективности чувств и мыслей автора на героя и обратно обнаруживается особый драматизм или даже трагизм бытия художника-философа. Во всяком случае, так обнаруживает себя очень рискованное для индивидуальной «авторской» психики столкновение этического и эстетического. Например, в «Ганце Кюхельгардене», по оценке того же В. В. Зеньковского, в качестве как автобиографического материала, так и «идейного смысла поэмы», мы имеем «признание юным Гоголем скрытого внеморализма эстетической сферы и неукротимой силы, присутствующей эстетическим переживаниям» [4. С. 194].

Все это говорит о наличии весьма примечательной раздвоенности субъекта философской мысли, выражающейся в его потребности высказываться не от первого (собственного), а от третьего лица, от лица своих героев, уже посредством искусства. Данная потребность, в значительно менее выразительной форме, проявлялась и в собственно философских произведениях, принимая характер психологической и смысловой привязанности авторов к диалоговой форме, к речи, в оформлении собственной философской позиции. Достаточно вспомнить работы Г. В. Ф. Лейбница или Дж. Беркли. Правда, при этом фигуры сугубо философского спора на страницах именно философских произведений выглядят какими-то обессиленными, «блеклыми» субъектами разговора на фоне мощной потусторонней фигуры самого автора – в отличие от крайне энергичных, активных фигур какого-либо собственно драматургического действия, о чем свидетельствует, например, творчество философствующего

вообще только от третьего лица Шекспира. Возможно, поэтому именно в ряде тех литературных и драматургических произведений, где авторами выступают философствующие Художники, герои впервые нагружаются не только способностью к философским суждениям, но и способностью действовать.

При этом сами формы активности героев такого драматического действия определяются исторически по-разному. Для Ж. Рансьера, в его психоаналитическом подходе, Эдип и Гамлет как главные фигуры действия деятельны совершенно по-особому. Эдип, «свидетель дикой античности» и «Пафоса мысли» [8. С. 50], выступает героем «мысли, которая не знает, что она знает, хочет того, чего не хочет, действует, претерпевая, и говорит своим немотствованием» [8. С. 50]. Однако Гамлет предстает современным героем «мысли, которая не действует, или, точнее, мысли, которая действует самой своей бездеятельностью» [8. С. 49].

Возможно, корни комбинированной многоплановости эстетической антропологии поможет обнаружить именно психоаналитическая подсказка, которую содержат и гомеровские «образные абстракции, единственно путем которых мысль, равно не способная ни абстрагировать, ни индивидуализировать, может фигурально представить добродетели – отвагу, ум, мудрость, справедливость, – тогда как постичь, или назвать их как таковые она бессильна» [8. С. 29]. Причем, эстетико-антропологический след обнаруживает себя еще глубже, поскольку люди, «прежде чем ... перейти к членораздельной речи... на самом деле пели» [8. С. 29]. По оценке Ж. Рансьера, «фигуру Эдипа... предваряет герменевтическая фигура «подлинного Гомера». Она предполагает режим художественной мысли, при котором искусству свойственно быть тождественностью сознательного начинания и бессознательного производства, волимого действия и невольного процесса, а именно, тождественностью некоего *логоса* и некоего *пафоса*, которая и удостоверяет факт искусства. Мыслиться она может двумя противоположными способами: как имманентность *логоса пафосу*, мысли – немислию, или, наоборот, как имманентность *пафоса логосу*» [8. С. 30].

На наш взгляд, во внутреннем мире субъекта самопознания существует некоторый **порог**, который разделяет бессознательное и сознание, образное и понятийное, художественное и мыслительное, пафос и логос. Этот порог предупреждает о пределах самопознания, отделяя

процессуальность человеческого бытия от его результативности, инфинитизм познания от его финитизма как живое бытие от мертвого, указывая на некую опасность. Сила эстетического бессознательного, согласно Ж. Рансьеру, предопределила «предметы искусства как специфические способы соединения мысли, которая мыслит, с мыслью, которая не мыслит» [8. С. 45]. «Подобная тождественность знания и незнания, действия и претерпевания, – полагает тот же Ж. Рансьер, – которая сообщает «смутной ясности» Баумгартена радикальную форму тождества противоположностей, собственно, и составляет художественный факт» [8. С. 27].

Принцип единства исторического и логического обнаруживает себя в единстве обозначенных Ж. Рансьером этапов самораскрытия человека как элементов структуры эстетической антропологии. Сохраняющаяся противоречивость между этапами, на наш взгляд, закрепляется в весьма противоречивом единстве структурных элементов. Значение и роль «смутного познания», выступающего в качестве «мысли того, что не мыслит» [8. С. 13], закреплены в несводимости чувственного к рациональному, пафоса к логосу. Задача состоит в сохранении, в творческом *удержании* этого противоречивого единства как продуктивного способа самопознания, распространяющегося на многие сферы человеческого бытия.

Вводя категорию собственно *художественной мысли* и обращаясь к искусству в поисках определения мысли как таковой, М. К. Мамардашвили полагает, что единоличный субъект самопознания ограничен плоскостью «преднамеренного взгляда», оформившегося независимо от изобретаемой искусством формы [5. С. 145]. Скованная такой преднамеренностью мысль ограничивает глубину и смысл самопознания. Следовательно, полагает М. К. Мамардашвили, «акт творения есть творение акта мысли, а не какого-либо содержания мысли. И задача искусства в этом смысле есть задача создания акта мысли, а не той или иной мысли. Не мыслить, а позволять мыслить – вот задача такого рода конструкций» [5. С. 145].

Расширяя свое понимание ограниченности единоличного субъекта самопознания, М. К. Мамардашвили вводит понятие «усилие», объединяющее в себе «усилия узнать себя, усилия владения собой, усилия освобождения себя, усилия преобразования себя, усилия возвышения себя» [5. С. 147], как еще один уровень в присутствии субъекта самопо-

знания. На примере образования гражданского общества автор объясняет феномен **приращення всему соединению отдельных усилий** [5. С. 147], что звучит уже несколько юнгиански. В свое время К. Г. Юнг полагал, что в фигурах и образах кроется социальная значимость искусства: «оно неустанно работает над воспитанием духа времени, потому что дает жизнь тем фигурам и образам, которых духу времени как раз всего больше недоставало» [11. С. 119]. Само гражданское общество становится в таком случае некоей **«сложной фигурой, прочерчиваемой каким-то движением»** [5. С. 147]. Для полного понимания ситуации философ, как и мы в свое время [2], обращается к феномену шахматной доски, где есть фигуры и игровые комбинации, образующие конфигурацию, или некое «динамическое живое поле, поддерживаемое усилием», вычерчиваемую фигуру, уже не сводимую к сумме свойств отдельных фигур [5. С. 148]. Понятия фигуры и конфигурации фиксируют здесь дробность и целостность субъекта самопознания и самоосуществления, на наш взгляд, столь же характерные и для собственно эстетической антропологии [10].

Таким образом, можно сказать, что Художник, создав, сотворив необходимые формы, фигуры, включил тем самым в рабочее положение «механизм» содержательной мысли. При этом М. К. Мамардашвили специально оговаривает и ситуацию начала такого творческого акта. «Я говорил о фигурах и формах, – читаем мы далее, – это были бы... невозможные формы, как в рисунках Эшера есть фигуры, которые нельзя прочертить единым движением <...> ни в каких измерениях <...>» [5. С. 149]. Требуется, чтобы пережитое художником как внутреннее нашло свой **выход** вовне своей объективации, то есть опредмечивания фигур, и уже не только в узком пространстве самого художественного процесса. Необходимо новое «пространство объективации; оно есть пространство таких объективаций, которые позволяют родиться или «дородиться» до конца <...>» [5. С. 153]. Необходим акт публичности, что делает внутреннее уже соответствующим праву и этике [5. С. 152]. Последнее уточнение касается процессуальной растянутости оформления фигуративности, как и развертывания объекта эстетической антропологии в его широком социальном объеме.

Расширяя сферу и масштаб объективации, М. К. Мамардашвили выходит за рамки соб-

ственно искусства, справедливо полагая, что сама «история и есть попытка представить снаружи все, что есть в человеке: любые его побуждения, потенции, возможности, те, которые мыслимы сейчас и немыслимы сейчас, но которые будут мыслимы <...>» [5. С. 151]. Следует обратить внимание на то, что объективация, осуществляемая «посредством публичности», характерна, прежде всего, для предметов искусства. Именно здесь обнаруживает себя важный эстетико-антропологический принцип экранирования мышления, выраженный в свое время М. К. Мамардашвили. Последний полагал, что «мыслящее сознание есть одновременно экранирование, позволяющее человеку не оказаться лицом к лицу с тем, чем он в принципе не может овладеть и в принципе не может понять, и что в принципе с ним несоизмеримо, и чем он может быть лишь захлестнут, так же как захлестнуто живое существо, где есть живое сознание, захлестнуто, скажем, пляской святого Витта» [5. С. 153].

Искусство делает этот экран огромным зеркалом, зеркалом-экраном, как бы «выстужая» страсти, прежде чем передать эстафету уже философии. И хотя сам М. К. Мамардашвили, продолжая разговор, предпочитает всем примерам искусства примеры второго порядка, примеры опосредования принципа в феномене гражданского общества, для нас здесь интересно возвращение автора к **фигурам**. Так, например, наличие в гражданском обществе человеческой агрессивности имеет единственно возможный и человечески допустимый смысл, когда агрессивность можно «эксплицировать и реализовать и тем самым разрешить эту натуральную страсть, растворить ее, но при условии, что не растворяются и не рассеиваются сами фигуры, формы, которые есть <...> в общественном поле» [5. С. 160].

Получается, что философ, именно благодаря философской рефлексии, воспринимает такой опыт переживаний, который уже получил практику публичного растворения и рассеивания. Тогда все обходится без психологической катастрофы. Перераспределение оценочных характеристик с индивидуального на социальное, с единичного на всеобщее раскрепощает философскую рефлексии, снимая напряжение сверхусилий индивидуальной ответственности.

Многопортретный, многофигурный образ проявлений человеческой сущности обеспечивает в психологическом плане более свобод-

ный ход мыслей, способность к спокойному (вне страстей) теоретическому синтезу множественного индивидуального и социального опыта самопознания в целом. Трагический для отдельного художника-философа разрыв между этическим и эстетическим началами так или иначе преодолевается с помощью того же самого механизма, который просматривается в так называемой «социологии воображения» и который уже хорошо известен в народе, когда говорят, что «на миру и смерть красна». Словом, публичный характер действий и переживаний посредством фигуративности способен перевести стрелку с трагического на сторону «оптимистической трагедии».

При этом очевидная «разомкнутость» художественного и рационального, эстетического бессознательного и философски осознанного, эстетического образного и философского мышления, осуществляемая «социальностью» опыта индивидуальных переживаний, на самом деле очень важна сама по себе, поскольку определяет диалектическое творческое единство разных субъектов самопознания. В таком случае фигура субъекта самопознания оформляется как именно конфигурация, с обязательным участием фигур от искусства, от социального действия, от философии, наконец. При этом, как полагает Ж. Рансьер, «именно художник странствует по лабиринтам и подполью социального мира. Он собирает следы пережитого и переписывает иероглифы, изображаемые самой конфигурацией темных или заурядных вещей <...>. А в фигурах этой мифологии позволяет распознать подлинную историю общества, времени, коллектива <...>» [8. С. 36]. Оформляющееся при этом, если следовать мысли В. С. Соловьева, человеческое всеединство, так или иначе одухотворяющее материю, завершается в человеческой истории при все большем вовлечении в ее процесс исторических лиц. Данные лица посредством искусства и религии обретают в индивидуальной и общественной культуре статус эстетико-антропологических идеалов, которые во внутреннем диалоге индивидуального сознания и во внешнем диалоге индивидов вступают в общение друг с другом, в результате чего формируется конкретно-исторический, взаимодополнимый, собирательный образ человека [6. С. 85; 7. С. 42].

Таким образом, проблематика сложности и «смутности» самопознания, как и проблематика самого исторического процесса становления эстетической антропологии, до конца не

исчерпана. Вместе с тем новые ответвления, вектор развития исследовательского интереса, обоснования специфических предположений в качестве уже устойчивого знания, углубление понимания самого масштаба исследований и их смыслового ядра, обнаружение новых фактов и перспектив обеспечивает постепенное расширение «географии единомыслия», выигрышную дополняемость и коррекцию, что еще раз говорит о жизнеспособности занятой позиции.

В современной глобалистике именно эстетическая антропология имеет потенциал для раскрытия единства многообразного в человеке и человечестве. Выстраиваемая эстетико-антропологическая линия рассуждения соответствует полноте и целостности самой человеческой истории, полноте и целостности человеческой

психики, сознания и самосознания. Именно здесь «высокая метафизика» может быть наполнена ощущением живых связей индивида и социума, истории логики мысли и истории эстетических событий, и даже духовное и материальное вполне могут предстать здесь во взаимосвязанном и целостном единстве. В эстетико-антропологическом ключе особенно отчетливо и ярко проявляется функциональная взаимосвязанность сознания и подсознания, искусства и философии. Во всемирной «географии» историко-философского процесса, нанесенного на карту мира философией при непосредственном участии искусства, история эстетического и художественного опыта предстает перед нами в собственной, совершенно особой, наполненной интеллектуальной энергией, смыслообразующей функции.

Список литературы

1. Антонова, Л. А. Человек: соотношение национального и общечеловеческого // Сб. материалов международного симпозиума. Выпуск 2. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. 2004. – С. 38-46.
2. Демчинский, Б. Трагедия чистой мысли (О шахматах). – Л.: Всероссийский Шахматный Союз, 1924. – 28 с.
3. Жуков, В. Н., Маслин, М. А. В. В. Зеньковский о России, русской философии и культуре // Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. – М.: Республика, 1997. – С. 3-8.
4. Зеньковский, В. В. Русские мыслители и Европа. – М.: Республика, 1997. – 368 с.
5. Мамардашвили, М. К. Сознание и цивилизация. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 288 с.
6. Муравьев, И. Б. Роль религии в формировании эстетико-антропологического идеала // Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. – № 10. Серия «Философия». – С. 84-89.
7. Муравьев, И. Б. Человек в диалоге культур и проблема выбора идеала // Вестник Тюменского государственного университета. – 2003. – № 1. – С. 33-42.
8. Рансьер, Ж. Эстетическое бессознательное. – СПб., М.: MACHINA, 2004. – 128 с.
9. Уайльд, О. Избранные произведения: В 2 т. – М.: Республика, 1993. Т.2. – 543 с.
10. Эстетическая антропология: фигуративный аспект: Коллективная монография / Под ред. М. Н. Щербинина. – Тюмень: Мандр и Ка, 2014. – 192 с.
11. Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Феномен духа в искусстве и науке. – М.: Ренессанс, 1992. – 320 с.

Сведения об авторе

Щербинин Михаил Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Тюменского государственного университета.
nandreeva.tsau@yandex.ru.

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 7–15.*

THE HISTORY OF THE HUMAN SELF-CREATION AS AN AESTHETIC ANTHROPOLOGY

Mikhail N. Shcherbinin

Tyumen State University, nandreeva.tsau@yandex.ru

The article describes the prehistory of development and cultural-historical significance of the relatively new direction of philosophical thought - “aesthetic anthropology,” the place of this trend in modern science and art, its new branch and its development prospects. As a subject of research the author regards the specifics and nature of the aesthetic-anthropological methodology. Using figurative techniques and in terms of configuration, the author provides an original assessment of the historical process of human self-knowledge, through a combination of mental activity with artistic activity. In connection with this, becomes actual the figure of the artist-thinker, who is able to synthesize multiple personal, social and artistic experience, not only in the space of creativity, but also in the context of scientific thought. Based on the works of the classics of both domestic and foreign literature and philosophy, specific historical examples of combining creativity and mental activity are considered. It is shown, that as a result of such combination there is a powerful emission of revelation, which rips off the veils from the mysteries of human nature. The author comes to the conclusion that some threshold value, which is in the inner world of the subject of self-knowledge, and separates art and thought, figurative and conceptual, unconsciousness and consciousness is presence. Causing infinity in the development and establishment of mankind, the gap between the sensual and the rational, however, is overcome in the natural socio-historical synthesis as in the con-figurative structures of the society public space with their genetic art and aesthetic experience of human history basis. It is shown that the essence of the public space of social activity is successfully reflected in the aesthetic-anthropological discourse of recent years.

Keywords: history of self-actualization, figure, configuration, self-knowledge, artist, mirror, self-determination, human essence.

References

1. Antonova, L.A. Chelovek: sootnoshenie nacional'nogo i obshhechelovecheskogo [Man: the ratio of national and universal] // Coll. Materials of the International Symposium. Issue 2. – St-Petersburg: St-Petersburg Philosophical Society Publ., 2004. Pp. 38-46 (in Russian).
2. Demchinskii, B. Tragedija chistoj mysli (O shahmatah) [The tragedy of pure thought (about chess)]. – Leningrad: Vserossijskij Shahmatnyj Sojuz [All-Russian Chess Union]. 1924. – 28 p. (in Russian).
3. Zhukov, V.N., Maslin, M.A. V.V.Zen'kovskij o Rossii, russkoj filosofii i kul'ture [V.V. Zenkovsky about Russia, Russian philosophy and culture] // Zenkovsky, V.V. Russkie mysliteli i Evropa [Russian thinkers and Europe]. Moscow: Respublika [Republic], 1997. – Pp. 3-8 (in Russian).
4. Zenkovsky, V.V. Russkie mysliteli i Evropa [Russian thinkers and Europe]. Moscow: Respublika [Republic], 1997. – 368 p. (in Russian).
5. Mamardashvili, M.K. Soznanie i civilizacija [Consciousness and civilization]. – St-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2011. – 288 p. (in Russian).
6. Murav'ev, I.B. Role of Religion in forming of aesthetic-anthropological ideal. Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Tyumen State University Herald. 2012. № 10. Series «Philosophy». Pp. 84–89 (in Russian).
7. Murav'ev, I.B. The man in the dialogue of cultures and the problem of choosing the ideal. Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Tyumen State University Herald. 2003. № 1. Pp. 33–42. (in Russian).
8. Ranciere J. Jesteticheskoe besoznatel'noe [Aesthetic unconscious]. St-Petersburg; Moscow: Machina, 2004. 128 p. (in Russian).

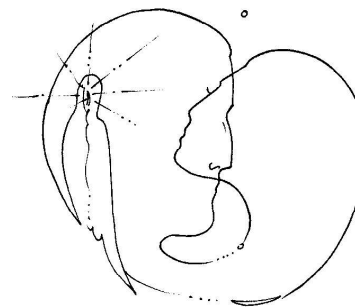
9. Wilde O. Izbrannye proizvedenija [Selected Works]: in 2 v. Moscow: Respublika [Republic], 1993. Vol.2. 543 p. (in Russian).

10. Jesteticheskaja antropologija: figurativnij aspekt: Kollektivnaja monografija [Aesthetic anthropology: figurative aspect: Multi-author book]. Tyumen, 2014. 192 p. (in Russian).

11. Jung C. Ob otnoshenii analiticheskoj psihologii k pojetiko-hudozhestvennomu tvorčestvu [On the relation of analytical psychology to poetic and artistic creativity] // Fenomen duha v iskusstve i nauke [The phenomenon of spirit in art and science]. Moscow: Renaissance, 1992. 320 p. (in Russian).

Статья публикуется впервые, согласен на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА

УДК 1:316
ББК 60.03

М. Н. Сальникова

ДИНАМИКА ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ГЕНОТИПА

В статье выделяются ключевые типы подходов к изучению социального генотипа. Особое внимание уделяется критическому рассмотрению подхода экономикоцентристского типа. Анализируется возможность, находясь в контексте концептуальных оснований ключевых теорий социального генотипа, выразить сущностную природу социального процесса и его динамику.

Ключевые слова: социальный генотип; теория институциональных матриц; культура; социальный процесс.

Общество – это память, упрямо повторяющая уже найденные, знакомые решения, которая избегает сложностей и опасных мечтаний о чем-либо ином.

Ф. Бродель

Потребность превратить «пестрое и шумное смятение» отдельных общественных событий в систематизированный и обобщенный образ социальной реальности заставляет современных ученых ставить вопрос о существовании социального аналога биологической наследственности. Согласно мысли сторонников возможности перенесения теоретических схем из биологии в теорию общества, в недрах общества должны существовать особые наследственные структуры, представленные особыми сущностями: генами, репликаторами, «формами для отливки» или матрицами. Тенденция подобных сущностей сохраняться на протяжении длительного времени играет в обществе ту же роль, что и генетическая наследственность в биологическом организме. Постоянно реплицируясь, т. е. создавая копии самого себя, генный комплекс определяет возможную конституцию общества, он же обеспечивает эффективность функционирования общества.

Поиск ответа на вопрос о том, что именно в обществе играет роль, аналогичную роли си-

стемы репликаторов в биологическом организме, в современной социально-гуманитарной науке происходит под разными углами зрения. Однако можно обозначить три ключевых типа подхода. В рамках подхода первого типа в качестве искомого генетического механизма учеными выделяется тип беспрестанно воспроизводящейся триединой институциональной структуры. Подход первого типа экономикоцентричен. Ученые предлагают считать роль экономических структур главенствующим фактором в деле становления политических и идеологических структур общества (Е. Н. Стариков, С. Г. Кирдина). Во втором, культуроцентристском подходе, в качестве генного комплекса, указывающего, каким образом должно строиться социальное тело, учеными выделяется культура. Последняя понимается как совокупный опыт человечества, объективированный в знаковой форме (Э. Ильенков, М. К. Петров, В. С. Степин). Третий подход призван конкретизировать культуроцентристские концепции социального генотипа. Вни-

мание исследователей концентрируется здесь на поиске конкретных культурных сущностей, способных выступить в роли аналогичной той, которую в живых организмах исполняет ген (Н. Луман, Р. Докинз). Рассмотрим подробно основные теории социального генотипа и динамику общественных структур в рамках заявленного исследовательского поля.

Ученые, работающие в русле подхода первого типа, придают особое значение роли особенностей природы в процессе формирования той глубинной структуры, дальнейшие репродукции которой определяют развитие общества. Ученые констатируют: тот или иной тип природной среды способствует становлению того или иного типа хозяйствования, тип хозяйствования становится базисом, определяющим развитие адекватных ему политических и идеологических структур [1. С. 83-84]. Процесс развития общества редуцируется авторами к перманентному воспроизводству базовых структур общества, заданных еще на заре становления общества спецификой экономических структур. Сведения из истории общества показывают, что неотъемлемой характеристикой общества, определяющей его возможное целостное развитие, нельзя считать единственно триаду: способ производства, форму обмена и порядок потребления. Так, К. Поланьи показал, что экономика вплоть до наступления эпохи современности (регулируемая в указанный период в пределах всего земного шара только принципами взаимности, перераспределения или домашнего хозяйства) являла собой лишь «подсовокупность» социальной жизни, которую последняя включала «в свою сеть и в свою [систему] принуждения» [2. С. 216]. Только в более позднее время – в XIX в., выделяясь мотивационно, освобождаясь от контроля со стороны культурных, политических, социальных структур, экономика трансформируется в рыночную и только в качестве рыночной становится определяющим фактором развития общества. К. Поланьи дал убедительное обоснование тезиса о том, что вплоть до возникновения рыночного обмена как формы интеграции хозяйственной жизни в эпоху современности, способ хозяйствования сам по себе не оказывал существенного влияния на основные формы человеческого поведения, при этом специфика последних определялись ансамблем всех культурных или социальных форм [3. С. 58]. «Попытка приложить экономический детерминизм ко всем видам обществ будет чистой утопией»

[4. С. 42], – подытоживает К. Поланьи.

В области экономики первобытных обществ фундаментальное значение имеют результаты исследований К. Леви-Строса. Философ пытается выявить принцип, превращающий все элементы первобытного общества в единое целое. В качестве такого принципа К. Леви-Строс выделяет реципрокность или взаимность. Ученый считает, что воспринимать реципрокность «как факт, имеющий экономическую природу, было бы совершенно неверно и непродуктивно» [5. С. 96]. Взаимность не только не выводится ни из одного общественного института, но сама открывает путь к существованию всем общественным институтам. К. Леви-Строс подчеркивает: «Взаимность – вот что устанавливает характерную для человека социальность, называемую нами культурой, и указывает на нее» [5. С. 100]. Взаимность зиждется на невозможности замкнутости человека в узких рамках своего существа, на идее признания другого как такового, на идее первичности союза. По мысли К. Леви-Строса, культура возникает, когда человек, выходя за пределы самого себя, впервые обращается к другому человеку с даром. В мире культуры, в противовес природному миру, любой предмет, будь то пища или имущество, труд или услуги, земля или титулы, представляет собой предмет передачи и возмещения. Принцип взаимности указывает на невозможность получения какого-либо блага «для себя и через себя, вместо того, чтобы получить через другого и для другого» [5. С. 73]. Стремление к получению блага единственно для себя, стремление к индивидуальному присвоению предмета оказывается несовместимым с культурообразующим принципом взаимности. Данное стремление грозит низвергнуть человека в изначальную бездну природного хаоса.

Идея возведения культурного инструментария (смыслов, ценностей, идей, нравственных и эстетических установок) в ранг интеграционной оси общества выходит на первый план также в учении П. Сорокина. П. Сорокин создает собственный логико-смысловой метод исследования общества. Суть логико-смыслового метода состоит в обнаружении главного смысла («основания») культуры, скрытого за разрозненными фрагментами культуры. П. Сорокин определяет главный смысл культуры как тот объединяющий принцип определенного культурного синтеза, который пронизывает все его компоненты и придает значение каждому

из них. Главный смысл культуры превращает культуру в единое целое, «ни одна существенная часть которого не есть нечто случайное, но органично соединена с остальными» [6. С. 19]. Смыслы культуры сосредотачиваются в особой сфере разума, которую ученый называет «ментальностью культуры». Все находящиеся в сфере разума элементы: формы экономической, социальной, политической организации, структуры личностной организации человека – сосуществуют друг с другом не в пространственном или механическом соседстве, но оказываются взаимосвязанными, изменяющимися параллельно, тесно «прилаженными друг к другу». П. Сорокин настаивает на выделении «двух глубоко различных типов интегрированной культуры, каждый из которых обладает собственной ментальностью» [6. С. 45]. Ученый обозначает данные типы как идеациональный и чувственный типы культуры. Главным смыслом идеациональной культуры выступает идея поиска истинного сверхчувственного мира за пределами чувственно воспринимаемого мира. Последний признается неистинным. Степень совершенства способа добывания материальных благ, форма обмена благами, интенсивность их потребления – в рамках идеационального общества все оказывается в подчиненном положении у идеи незначимости реального, чувственно воспринимаемого мира. Процесс организации материальных условий жизни предстает перед человеком как злая необходимость, привязывающая его к иллюзорному миру реальности. Экономика в рамках такого общества становится непрорастающей. Чувственная культура во всем отличается от идеациональной. Специфика чувственной культуры определяется чувственной ментальностью. Природа чувственной ментальности состоит в представлении об эмпирической реальности как о первичной и единственно существующей реальности. Главным смыслом чувственной ментальности выступает идея превращения природы, человека в эффективные средства удовлетворения бесконечно растущих чувственных потребностей. Богатство «превращается фактически в высшую оценку ценностей», потому что «за деньги все можно купить, всех и вся можно удовлетворять» [6. С. 58]. Непрерывное совершенствование способов добывания материальных благ, необходимых для увеличения чувственного счастья людей, приводит к тому, что экономика в рамках культуры такого типа становится про-

цветающей.

Итак, идеи К. Поланьи, П. Сорокина, К. Леви-Строса ярко свидетельствуют против сведения движения человеческого общества к перманентному воспроизводству самокопирующейся экономической формы, определяющей направленность духовных устремлений людей.

Но если не формы экономической жизни, обуславливающие развитие иных форм общественной жизни, то, что представляют собой те встроенные программы, многократное повторение которых приводит общество к эффективному функционированию? Создатели концепций второго типа отказываются от догматизма причинного метода, вводят идею о взаимной обусловленности явлений, а в качестве генного комплекса, указывающего, каким образом должно строиться социальное тело, выделяют культуру. Последняя понимается как развитая в процессе человеческой истории система надбиологической информации. Передача культурного наследия аналогична генетической передаче: культура обладает особыми институтами и механизмами, обеспечивающими ей возможность многократно производить единства одного и того же класса. Подобно тому, как гены косвенно контролируют изготовление молекул белка, коды культуры контролируют создание человека. Коды культуры представляют собой развитые в процессе человеческой истории всеобщие нормы поведения, мышления и деятельности, сохраненные в памяти человечества «посредством слова, посредством словесно зафиксированного «определения»» [7. С. 119]. Осевшие в культуре продукты творчества предшествующих поколений людей активно формируют вновь появляющихся в культуре людей по своему образу и подобию, программируя направленность их мышления и деятельности. Мышление и поведение каждого отдельного человека, включающегося в преднаходимую ситуацию, конституируются на основе исторически сложившегося и переданного мыслящему и действующему индивиду коллективного опыта. При этом человек оказывается способным вырваться из сети социально унаследованных детерминант лишь в той мере, в какой это позволяет сделать определенный набор детерминант, свойственный исторически определенному типу социальной организации. Культура словно предоставляет в распоряжение человека заранее заданный набор «атомов мысли» и действия, из которых человек (как из деталей детского строитель-

ного набора) складывает собственные идеи и действия. Эти интеллектуальные опоры, унаследованные от предшествующих поколений людей, образуют своеобразную духовную оснастку, мыслительный инструментарий общества. Программирующая человека информация передается от поколения к поколению «с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [8]. Действия и поступки одних людей становятся образцами для других. Транслируемые от одного человека к другому одни и те же программы поведения, общения и деятельности могут быть многократно реализованы по всему земному шару. Регулируемые кодами культуры различные виды мышления, деятельности и взаимодействия людей, обеспечивают воспроизводство и развитие экономических, политических, идеологических структур общества и их связей.

В рамках третьего подхода происходит конкретизация культуроцентристских концепций социального генотипа. В качестве конкретных культурных сущностей, способных выступить в роли порождающего информационного ядра общества, отвечающего за его воспроизводство, выделяются самореплицирующиеся образы памяти (Блум), идеи (Боулдинг), инструкции (Клоук), генерализованные языковые символы (Н. Луман), мимы (Р. Докинз), универсалии культуры (В. С. Степин). Так, Н. Луман в качестве генотипа социального организма рассматривает «язык как медиум, как совокупность «слабо сопряженных» и поэтому свободно конкурирующих за место в коммуникации элементов» [9. С. 40]. В роли социальных генов у Н. Лумана выступают «генерализованные языковые символы», «обобщающие» в своих значениях самые широкие социальные сферы: системы политики, права, искусства, хозяйства, религии, любви. С точки зрения Н. Лумана, «фенотипом» – реализацией, воплощением генотипа – следует считать коммуникацию. Подобно тому, как в живом организме гены «выступают своего рода инструкциями для конструирования белковых тел» [9. С. 44], в социуме программами-инструкциями по конструированию коммуникаций выступают языковые символические коды (истина, право, деньги, любовь, прекрасное, вера и т.д.). Согласно Н. Луману, любое общество представляет собой систему (последовательности) коммуникации. «Агрегации коммуникаций в системы, в их неслучайные последовательности оказываются такими же машинами по

воспроизводству одних и тех же смыслов (экономических, политических, правовых, религиозных), каковыми являются организмы – как биологические машины для воспроизводства одних и тех же генов» [9. С. 50].

Таким образом, рассмотрение общества сквозь призму понятия «генотип» предполагает обнаружение системы репликаторов, самокопирующихся «чертежей», необходимых для построения социального организма.

В рамках концепций социального генотипа первого типа в качестве до бесконечности воспроизводящей себя генетической системы ученые признают систему институтов общества, образовавшихся на заре становления общества на базе природной среды определенного типа. Во втором случае аналогом системы генетических кодов учеными признается культура, понимаемая как система «надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [10. С. 341].

Стоит сказать, что концепции социального генотипа первого типа отличает от концепций социального генотипа второго типа гораздо более существенная черта, нежели отсутствие в рамках последних идеи о локализации истоков формирования социогенетических кодов в какой-то одной области бытия общества (экономической, политической, идеологической). Речь идет о способности учений, построенных с помощью методов аналогового моделирования, разрешить проблему реального процесса, развития, движения общества. Так, если предположить, что развитие общества сводится к беспрестанному копированию какого бы то ни было *одного и того же* исходного структурного единства, то при сравнении состояния одного общества в один период с состоянием этого же общества, но в другой период, мы бы каждый раз обнаруживали сущностное тождество сравниваемого. К данному выводу и приходят авторы концепций первого типа, утверждая, что в рамках определенного природного пространства сначала формируется, а затем на протяжении всего времени господствует институциональная структура того или иного типа. К примеру, «как ножом в арбузе», экономико-ориентированные авторы «вырезают на пробу» фрагменты из истории (от античности до наших дней) обществ европейского пространства, возросших, по мысли авторов,

на базе природной среды «некоммунального» типа. «Разглядывая анализируемые фрагменты», «поворачивая ту или иную грань», авторы приходят к выводу о неизменном господстве в рамках рассматриваемых фрагментов структур индивидуализма, демократии и рынка. Очевидно, что данный способ мысли оборачивается статичностью. При проведении анализа общества фактор времени оказывается здесь незадействованным. Не учитывается ключевая идея, согласно которой «мировоззренческие основания европейской культуры в процессе эволюции прошли ряд этапов» [11. С. 97].

Так, О. Шпенглер обнаружил, что метафизическая структура, явившая к жизни наличную действительность древнеевропейского общества, сущностно отличается от структуры, влекущей к своему свершению современный европейский мир. Философ замечает: «Понадобилась вся религиозно-философская, историко-художественная, социально-критическая работа XIX столетия, не для того чтобы научить нас понимать драмы Эсхила, платоновское учение, Аполлона и Диониса, афинское государство, цезаризм – от этого мы еще очень далеки, – но чтобы внушить нам наконец, как неизмеримо чуждо и далеко нам все это во внутреннем смысле, более чуждо, пожалуй, чем мексиканские боги и индийская архитектура» [12. С. 158]. О. Шпенглер обнаружил, что не существует никакого единого «европейского» организма, вызванного к жизни сохраняющейся от античности и до наших дней скрытой структурой: картина современного европейского мира по структуре совершенно отличается от картины европейского мира античности; картина «единичной» души современного западного человека совершенно чужда картине «персональной» души античного человека.

О том, что европейские общества не всегда отличали структуры, называемые сегодня типично европейскими или западными, также пишет Н. Элиас. Исследователь считает, что если бы стало возможным реально переместить современного европейского человека из настоящего его собственного общества в прошлое того же самого общества, то в прошлом современный европейский человек не обнаружил бы идей и ценностей, отличающих современное европейское общество. Обнаружив в прошлом своего собственного общества господство таких идей и ценностей, которые сегодня принято расценивать как «незападные», «неевропейские», человек оказался бы «ино-

земцем» в рамках прошлого своего собственного общества [13. С. 49]. К примеру, ключевой образ современной социальной практики, – образ человека как самоценного индивида, хозяина собственной жизни, лишенного всех Мы-отношений, оказывается образом, далеко выходящим за пределы социальной практики античного мира. А если принять за отправную точку положение, согласно которому культура представляет собой единое целое, элементы которого связаны так, что каждый элемент культуры «зависит от других таким образом, что может выступать в том виде, в котором выявляется лишь в связи с другими и через эту связь» [5. С. 24], то становится ясно, что господство в социальной практике европейского человека в пределах предсовременного этапа развития общества Мы-идентичности над Я-идентичностью должно сигнализировать о господстве на предсовременном этапе развития общества таких политических и экономических структур, которые бы соответствовали структуре Мы-идентичности, но не Я-идентичности.

Но возможно ли вообще, используя в качестве методологической основы исследования общества указанную биологическую аналогию, не потерять из поля зрения идею общественного развития, изменения, процесса, динамики? Возможность анализа общества с позиций движения находят представители культуроцентристского подхода. Несмотря на то, что «ген – это репликатор с высокой точностью копирования» [8], в процессе копирования могут быть допущены ошибки. В итоге ошибки, допускаемые репликаторами при копировании, делают возможным появление комплекса репликаторов действительно нового типа. Введение идеи мутации позволяет культуроцентристски ориентированным авторам внедрить в теорию социального генотипа идею о возможности случайного образования в обществе совершенно новых структур.

Таким образом, учения о генотипе отсылают к поиску неких передаваемых из прошлого структур, конституирующих нынешние состояния общества. Реплицируясь, данные структуры также превратят нынешние состояния общества в последующие. Естественно, что построение теории на основе данного тезиса несет в себе множество опасностей. Одной из которых становится возможность лишения человека свободы изменять мир посредством собственного мышления и действия. Так, в те-

ориях первого типа за человеком признается единственное право: сначала распознать «реально существующий порядок вещей», а затем «действовать в соответствии с его законами» [1. С. 66]. В рамках теорий второго типа, отдельный человек признается способным не только осуществлять рефлексию над истоками презумпций, в соответствии с которыми человек мыслит и действует, но и вносить мутации в культуру, «формируя новые варианты, новые

потенциально возможные линии ее динамики» [14. С. 39]. Итак, перенесение теоретических схем из биологии в теорию общества может быть успешным, только если учение, созданное в результате такого перенесения, сможет вместить идею движения общества, предполагающую в конечном итоге представление о человеке как свободном, творческом существе.

Список литературы

1. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – 308 с.
2. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. В 3 т. Т. 2. Игры обмена. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.
3. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.
4. Поланьи, К. Наша устаревшая рыночная психология // Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2010. – С. 31–46.
5. Энафф, М. Клод Леви-Строс и структурная антропология. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2010. – 560 с.
6. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общест. отношений. – СПб.: Рус. Христиан. гуманитар. ин-т, 2000. – 1054 с.
7. Ильенков, Э. В. Вершина, конец и новая жизнь диалектики // Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 115–141.
8. Докинз, Р. Эгоистичный ген. [Электронный ресурс]. URL: <http://evolution.powernet.ru/library/gen/content.htm> (дата обращения : 28.10.2014).
9. Антоновский, А. Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. – М.: ИФ-РАН, 2007. – 135 с.
10. Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Мысль, 2010. Т. 2. – С. 341.
11. Бубнов, Ю. А. Трансформация мировоззренческих оснований западной культуры от пре-модерна до постмодерна /Ю.А. Бубнов, А.А. Радугин // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 1 (27). – С. 92–99.
12. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. Т. 1. Гештальт и действительность. – М.: Мысль, 1998. – 663 с.
13. Элиас, Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 т. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – М. – СПб.: Университет. кн., 2001. – 330 с.
14. Степин, В. С. Мировоззренческие универсалии как основание культуры // В. С. Степин. Универсалии восточных культур. – М.: Вост. лит., 2001. – С. 14–42.

Сведения об авторе

Сальникова Милана Нажмудиновна – аспирант кафедры истории философии Воронежского государственного университета.
nikstavr@mail.ru.

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 16–23.*

SOCIETY DYNAMIC IN THE FRAMEWORK OF SOCIAL GENOTYPE

Marina N. Salnikova

*Postgraduate Student at the Department of history of philosophy, Voronezh State University,
nikstavr@mail.ru*

The article highlights the key types of approaches to the study of social genotype. Special attention is paid to critical examination of economical-centrist type of approach. This article analyses the possibility to epitomize the essential nature of social process and its dynamics, staying in the context of conceptual reasons of social genotype key study theories.

Keywords: social genotype; institutional matrices theory; culture; social process.

References

1. Kirdina S.G. *Institutsionalnye matritsy i razvitie Rossii* [Institutional Matrices and Development in Russia]. Novosibirsk, IEIE SB RAS Publ., 2001. 308 p. (In Russ.)
2. Brodel F. *Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV-XVIII vv. V 3 t. T. 2. Igray obmena* [Civilization and Capitalism. 15th–18th Centuries in 3 vol. Vol 2. The Wheels of Commerce]. Moscow, Progress Publ., 1988. 632 p. (In Russ.)
3. Polani K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2002. 320 p. (In Russ.)
4. Polani K. *Nasha ustarevshaya rynochnaya psihologiya* [Our old market psychology]. *Izbrannyye raboty* [Selected Works]. Moscow, Territoriya buduschego Publ., 2010. pp. 31–46. (In Russ.)
5. Enaff M. *Klod Levi-Stros i strukturnaya antropologiya* [Claude Levi-Strauss and structural anthropology]. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2010. 560 p. (In Russ.)
6. Sorokin P. *Sotsialnaya i kulturnaya dinamika: Issledovanie izmeneniy v bolshih sistemah iskusstva, istiny, etiki, prava i obschest. otnosheniy* [Social and Cultural dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, law and Social Relationships]. St. Petersburg, Russian Christian Institute for the Humanities Publ., 2000. 1054 p. (In Russ.)
7. Ilyenkov E.V. *Vershina, konets i novaya zhizn dialektiki* [The Peak, the End and the New Life of Dialectics]. *Filosofiya i kultura* [Philosophy and Culture]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. pp. 115–141. (In Russ.)
8. Dokinz R. *Egoistichnyiy gen* [The Selfish Gene]. Available at: URL:<http://evolution.powernet.ru/library/gen/content.htm>, accessed 28.10.2014. (In Russ.)
9. Antonovskiy A.Yu. *Niklas Luman: epistemologicheskoe vvedenie v teoriyu sotsialnykh sistem* [Niklas Luhmann: The Epistemic Introduction into the Theory of Social Systems]. Moscow, IPhRAS Publ., 2007. 135 p. (In Russ.)
10. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 t.* [The New Encyclopedia of Philosophy in 4 vol.] Moscow, Mysl Publ., 2010. T. 2. P. 341. (In Russ.)
11. Bubnov Yu.A., Radugin A.A. *Transformatsiya mirovozzrencheskikh osnovaniy zapadnoy kultury ot premoderna do postmoderna* [Transformation of ideological grounds of Western culture from premodern to postmodern]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke* [Humanities Research in the Russian Far East], 2014, no. 1 (27), pp. 92–99. (In Russ.)
12. Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii V 2 t. T. 1. Geshtalt i deystvitelnost* [The Decline of the West in 2 vol. Vol 1. Form and Actuality]. Moscow, Mysl Publ., 1998. 663 p. (In Russ.)
13. Elias N. *O protsesse tsivilizatsii: Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya. V 2 t. T. 1. Izmeneniya v povedenii vysshego sloya miryan v stranah Zapada* [The Civilizing Process in 2 vol.

Vol 1. The History of Manners] Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001. 330 p. (In Russ.)

14. Stepin V.S. Mirovozzrencheskie universalii kak osnovanie kultury [Worldview Universals as the Foundation of Culture]. Universalii vostochnyh kultur [Universals of Eastern cultures]. Stepanyants M.T. (ed.). Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001. pp. 14–42. (In Russ.)

Статья публикуется впервые, согласна на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 1:316
ББК 60.027

С. И. Лысов, С. Ю. Нифантьев

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭГОИЗМ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается проблема изучения такого феномена как «государственный эгоизм», дается характеристика различных философских позиций в его осмыслении. Проявления эгоизма в деятельности государства характеризуются как во внутривнутриполитическом аспекте, так и в международном. В качестве примера рассматриваются проявления государственного эгоизма США.

Ключевые слова: государство, политика, эгоизм индивида, государственный эгоизм, политика США.

Рассмотрение соотношения эгоизма и государства является не просто актуальным – оно буквально «навязывается» реалиями современного социума. Во внутривнутриполитическом плане это связано с коренными переменами в общественном строе отдельных государств, приводящими к существенным, зачастую крайне болезненным изменениям в сознании, нормативных ценностях и в образе жизни людей (пример с трансформацией социализма в капитализм в России и других странах бывшего социалистического лагеря является весьма показательным). Во внешнеполитическом плане это связано с непрекращающейся (можно даже сказать – перманентной) «стрессовой» ситуацией в отношениях между отдельными государствами и группами государств, разрастанием локальных государственных кризисов до масштабов международного уровня, навязыванием воли и интересов отдельных государств другим субъектам международного общения (и здесь пример с украинским кризисом и введением санкций против России является всего лишь самым «свежим» по времени в длинном ряду аналогичных политических событий).

В этих процессах внутривнутригосударственной и международной жизни явно «высвечивается» морально-нравственный аспект происходящего. С одной стороны, в сфере морали проблемы и отношения между людьми наиболее остро воспринимаются и переживаются ими, приобретают для людей особую значимость. С другой стороны, именно в этой сфере проблемы и отношения между людьми наиболее наглядно проявляют, «обнажают» свою человеческую природу. Поэтому морально-нравственный аспект жизни социума оказывается характеристикой сути человеческого бытия, и вместе

с тем моральные и правовые отношения в социуме несут на себе своеобразный «отпечаток» характеристик человеческого бытия.

Предпримем попытку постановки проблемы осмысления такого феномена морально-правовой жизни общества как «государственный эгоизм». Феномен «эгоизма», исследуемый в рамках философии, прежде всего, как характеристика человеческого поведения, имеет более богатое содержание, чем это обычно представляется. По нашему мнению, проявления эгоизма могут быть обнаружены не только в деятельности людей, но и государств. И это следует воспринимать не только в сугубо метафорическом плане, а в субстанциальном – у государств имеются свои интересы (как и у людей). Государства преследуют свои цели (как и люди), государства осуществляют свою деятельность и конфликтуют между собой (как и люди). В научной и публицистической литературе встречаются такие термины, как: «групповой эгоизм», «национальный эгоизм», указывающие на многообразие субъектов – «носителей» эгоизма. Наряду с индивидами, малыми социальными группами и классами, государства также являются субъектами исторического процесса. Таким образом, вполне правомерно применение понятия «эгоизм» для характеристики государств – как в плане обнаружения проявлений эгоизма в деятельности государств, так и в плане осмысления отношения к этому феномену со стороны самих субъектов международного общения.

Остановимся на некоторых моментах проявления соотношения эгоизма и государства. Прежде всего, государство может быть охарактеризовано как социальный институт, ограничивающий и преодолевающий эгоизм людских

масс. Именно государство представляет собой признанное полномочие на властвование в рамках определённой общности людей, способное сдерживать в жёстких рамках эгоистические устремления конкретных индивидов, с целью поддержания порядка в обществе во избежание деструктивных для общества последствий. Устанавливая единые законы и общий порядок осуществления властных функций, государство выступает как институт, согласовывающий и в определенной степени уравнивающий различные интересы, как отдельных индивидов, так и социальных групп.

Такой взгляд на государство достаточно распространен в философской и юридической литературе. Он связан с признанием у государства своей собственной сущности, природы, выражающей именно *социальность* в отличие от индивидуализма, эгоизма отдельных людей и человеческих общностей. В этом плане весьма показательна трактовка сущности государства, данная философом И.А. Ильиным: «Сущность государства состоит в том, что *все его граждане* имеют и признают, – помимо своих различных и частных интересов и целей, – еще *единый интерес и единую цель*, а именно: *общий интерес и общую цель*, ибо государство есть некая *духовная община*» [1. С. 262]. (При этом следует отметить, что И.А. Ильин рассматривал эту сущность государства как *вырастающую снизу*, из единства духовных интересов всего народа, всех граждан, а не как навязываемую сверху со стороны власти. Рассматривая соотношение личных и общественных интересов, философ писал: «В сердце настоящего гражданина, а особенно истинного политика, – *государственный интерес и его личный интерес пребывают в состоянии живого неразложимого тождества*. Это не значит, что у него «нет никаких» личных интересов, что он отрекается всецело от себя и живет одними государственными делами. Но это значит, что интересы своей родины и своего государства он принимает так близко к сердцу, как свои собственные; а в случае прямого столкновения между ними – он приводит свой собственный интерес к молчанию» [1. С. 264-265]).

Иное понимание государства представлено в рамках марксистского философского подхода. Воспользуемся для наглядности определениями из «Философского словаря» выпуска 1981 года, статьи в котором выражали официальную трактовку марксистской теории. Государство в этом словаре определялось как «политическая

организация экономически господствующего класса, имеющая своей целью охранять существующий порядок и подавлять сопротивление других классов» [3. С. 77], а право – как «возведенная в закон воля господствующего класса, содержание которой определяется материальными условиями жизни данного класса, его интересами» [3. С. 290]. Также отмечалось, что «в обществах, основанных на частном владении средствами производства, государство всегда остается орудием господствующего эксплуататорского класса, его диктатуры, особой силой для подавления эксплуатируемых масс независимо от тех или иных форм правления» [3. С. 77]. Таким образом, марксизм, по сути, сводит понимание государства и права к выражению эгоистических интересов не индивидов, но *отдельных классов*.

В приведенных выше весьма различных друг от друга трактовках государства ясно прослеживается связь государственно-правовой организации общества с эгоизмом. Следует отметить, что существующие противоречия как внутри государственно-правовой организации социума (между государством и правом), так и внутренние противоречия в самих этих институтах (между законодательной, исполнительной и судебной властью, между центральными и местными органами власти, между содержанием нормативно-правовой базы и практикой ее применения и т.п.) оказывают влияние на проявления эгоизма в обществе. Государство и право имеют очень тесную взаимосвязь, а потому негативные воздействия или изменения одного непременно повлияют на другое, что будет проявляться в ослаблении авторитетности государственного механизма управления и принуждения. Так, искажения права в сфере его применения могут вызывать у населения негативный образ государства как источника эгоизма (но теперь уже в лице чиновников), хотя именно с этим явлением государство, в сущности, и призвано бороться.

Остановимся далее на связи эгоизма с внешнеполитической деятельностью государств. Согласно А. Шопенгауэру, «главная и основная пружина в человеке, ... есть *эгоизм*, то есть влечение к бытию и благополучию» [5. С. 196]. И с этим нельзя не согласиться. Человек в самой своей сущности имеет имманентное эгоистическое начало, и в различных жизненных ситуациях зачастую будет стремиться к достижению личной выгоды. Сходную ситуацию мы видим и на примере жизни государств. Подоб-

но человеку фактически любая страна стремится обеспечить себя необходимыми ресурсами, осуществлять основные направления внутренней и внешней деятельности в соответствии со своими суверенными интересами, которые могут не только не совпадать, но и противоречить интересам других государств, наносить ущерб международному сообществу в целом. История мировой политики изобилует примерами таких действий государств, которые для осуществления своих целей не считались с интересами других государств.

В рамках широко распространенного в прошлом понимания истории как деятельности «великих личностей» эгоистическая политика государств могла быть истолкована как результат эгоистических действий государственных лидеров. Да и в наши дни существует соблазн объяснять противоречия между государствами действиями их лидеров. Государство ассоциируется с союзом людей, а потому для него характерны качества людей этого союза и, в частности, политического лидера, стоящего во главе. Таким образом, возникает ситуация, когда государству могут приписываться качества личности лидера государства, хотя государство и не является личностью как таковой. Но истоки государственного эгоизма коренятся не просто в *индивидуальных* качествах политических лидеров, а имеют более глубокое, *социальное* происхождение.

В последнее время интерес к выявлению основ государственного эгоизма приобретает не только теоретический, но и практический характер. Выступая на XII Петербургском международном экономическом форуме от 9 июня 2008 года, Д.А. Медведев, бывший в тот период президентом России, так отозвался о проявлениях эгоизма в мировой экономике: «Такой эгоизм является естественной чертой любой экономической деятельности и не несет каких-то серьезных опасностей для развития, но за его проявлениями подчас стоит гораздо более жесткая идеология, а именно то, что можно назвать «экономический национализм», при котором прагматические интересы подменяются политическими соображениями» [2]. Трудно не согласиться с этой характеристикой, и наиболее ярким примером эгоистических действий такого рода является политика, проводимая США.

Самовольно взяв на себя роль глобального мирового регулятора, США осуществляют деятельность, преследующую *исключительно*

собственные национальные интересы, камуфлируя ее псевдодемократической риторикой. В экономическом плане посредством эмиссии доллара, выступающего как мировая валюта, США буквально «выкачивают» ресурсы со всего мира. Влияя на экономики других стран, иногда даже посредством применения военной силы, США, так или иначе, пытаются обеспечить для себя наиболее выгодное положение в области ресурсообеспеченности. В рамках информационной войны осуществляется своего рода пропаганда «единственно верного однополярного мира», центром которого должна стать именно Америка в силу своей идеологической уникальности (по мнению таких видных американских политиков, как Джон Маккейн и Збигнев Бжезинский). Тем самым США фактически открыто навязывают свои национальные ценности всему миру.

США часто лоббируют свои интересы за счёт двойных стандартов, как в морально-этической, так и в правовой сфере, нередко и вовсе смешивая правовые и неправовые (моральные) категории для обоснования поставленных целей. Такая политика в итоге приводит к крайне плачевным последствиям как для стран, в чью сферу интересов они вмешиваются, так и зачастую наносит ущерб самим США.

В сущности, указанная выше схема действий сводится к решению своих внутри- и внешнеполитических проблем за счёт других стран с позиций эгоистического подхода: «всё для меня, и ничего для других» [5. С. 196]. Американский политолог Ф. Фукуяма отмечает, что эгоизм в политике характерен для *всех* буржуазных государств как Старого, так и Нового света, но именно в рамках политической идеологии США государственный эгоизм выражен наиболее ярко [4. С. 180-185].

Таким образом, будучи ограничителем эгоизма со стороны индивидов, само государство зачастую проявляет себя в сфере международных отношений как носитель национального эгоизма. Это связано в первую очередь с необходимостью защиты экономических и политических интересов отдельных стран. Вместе с тем, именно государственный эгоизм отдельных субъектов международного общения часто выступает причиной международных и внутривнутриполитических кризисов, дестабилизирует существующее международное сообщество. Одни государства под надуманными предлогами вмешиваются во внутренние дела других государств, даже фактически осуществляют

и территориальное вмешательство. Зачастую попытки стабилизировать ситуацию в тех или иных странах сводятся только к демагогическим заявлениям в рамках мирового сообщества – редко можно наблюдать конструктивные, существенные, честные предложения по разрешению межгосударственных проблем, а ещё реже – их реализацию на практике.

Почему складывается такая ситуация? Неужели государства по сути своей и являются «эгоистами», которые заботятся, как правило, только о себе, не беря в расчёт международные интересы человечества? Не только в прошлом, но и в настоящее время это является вполне очевидным фактом. Существующий государственный эгоизм вступил в противоречие с интересами совместного мирного развития мирового сообщества в целом. Таким образом, в повестке дня современной международной по-

литики встает вопрос об ограничении государственного эгоизма, введения его в определенные, разумные рамки.

Это требует дальнейшего углубленного изучения феномена государственного эгоизма. Оно будет, на наш взгляд, способствовать как более глубокому пониманию самого феномена эгоизма, так и более полному осмыслению государства. При этом в рамках изучения связи эгоизма и государства может опосредованно проявляться антропологический «срез» вышеуказанного взаимодействия. Соответственно теоретическое осмысление эгоизма и государства может способствовать углублению гуманитарного знания в целом, расширению этического понятийно-категориального аппарата, развитию знаний в области политических и юридических наук.

Список литературы

1. Ильин, И. А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
2. Медведев, Д. А. Выступление на XII Петербургском международном экономическом форуме от 9 июня 2008 года // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20080607/109473680.html>.
3. Философский словарь /Под ред. И. Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – 445 с.
4. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке: [пер. с англ.] / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2010. – 222 с.
5. Шопенгауэр, А. Об основе морали // Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. – М.: Республика, 1992. – 448 с.

Сведения об авторах

Лысов Сергей Иванович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета.
sergilys@gmail.com.

Нифантьев Сергей Юрьевич – студент направления «Юриспруденция» Института государства и права Тюменского государственного университета.
nifantiev_sergey@mail.ru.

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 24–28.*

STATE EGOISM: POSING THE PROBLEM

Sergey I. Lysov

*Candidate of Philosophical Sciences Assistant Professor of Philosophy of the Institute of Philology
and Journalism at Tyumen State University, sergilys@gmail.com*

Sergey Nifantiev

*2nd year student of direction “Jurisprudence” of the Institute of State and Law of Tyumen State Uni-
versity, nifantiev_sergey@mail.ru*

The article deals with the problem of studying such a phenomenon as “state egoism” and describes various philosophical points of view in its understanding. Manifestations of egoism in the activities of the state are described regarding both the internal and the external aspects of politics. Manifestations of state egoism are investigated at the example of the US state.

Keywords: state, politics, egoism of the individual, state egoism, US politics.

References

1. Ilyin, I. A. Put' dukhovnogo obnoveniya [The path of spiritual renewal]. Ilyin I.A. Put' k ochevidnosti [The path to the obviousness]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 431 p. (In Russ.)
2. Medvedev, D. A. Vystuplenie na XII Peterburgskom mezhdunarodnom ekonomicheskom forumе ot 9 iyunya 2008 goda [Speech at the 12th St. Petersburg International Economic Forum on June 9, 2008]. Available at: URL: <http://ria.ru/economy/20080607/109473680.html>, accessed 10.03.2015. (In Russ.)
3. Filosofskiy slovar' / Pod red. I. T. Frolova [Philosophical dictionary / Edited by Frolov I.T.] 4th edition. Moscow, Politizdat Publ., 1981. 445 p. (In Russ.)
4. Fukuyama, F. Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoy poryadok v XXI veke: [State building: Governance and world order in the twenty-first century]. Moscow, AST: AST MOSKVA Publ., Vladimir: VKT Publ., 2010. 222 p. (In Russ.)
5. Shopengauer, A. Ob osnove morali [On the basis of morality]. Shopengauer A. Svoboda voli i npravstvennost' [Free will and morality]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 448 p. (In Russ.)

Статья публикуется впервые, согласен на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 1:316
ББК 60.027

И. Д. Самойлов

АСПЕКТЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В РАМКАХ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ВОЛИ

В данной статье рассматриваются физический и экономический аспекты принудительной реализации властной воли. Проанализированы особенности построения структуры общества в каждом из этих случаев. Показан философский смысл возникновения феномена информационного общества.

Ключевые слова: социальная воля, власть, принуждение, сила, информационное общество.

Как индивидуальная, так и коллективная воля действуют внутри социальной реальности косвенным образом. Отсюда возникает необходимость выделить некие позитивистские, «реальные» социальные феномены, являющиеся своего рода инструментом реализации воли.

При исследовании социального феномена власти одной из главных ее характеристик отмечают силу, и, в частности, физическое силовое принуждение [1]. Другими словами, физическая сила это один из инструментов, посредством которого воля властвующего заставляет подчиняться себе.

В случае физического силового принуждения, воля властвующего оказывает воздействие посредством материальных объектов, обеспечивающих превосходство властвующего над подвластными. К таким объектам относятся оружие, различные инженерно-технические конструкции – здания, стены, тюрьмы, средства транспорта, и т.п.

К примеру, античные легионеры обладали оружием, обеспечивающим превосходство над варварскими народами, по крайней мере, на начальных этапах завоеваний. Средневековый рыцарь владел оружием и доспехами, позволяющими ему победить в бою обычного крестьянина; основательные укрепления – феодальные замки – обеспечивали надежную защиту от любых посягательств. Как древние, так и современные государства, используют широкий арсенал военных средств, гарантирующий им силовое подавление любых массовых выступлений, противоречащих их воле, и, зачастую, позволяющих диктовать свою волю другим государствам. Таким образом, физическое превосходство было и остается важным инструментом реализации воли в материальном мире.

В ранних наших исследованиях было обосновано, что совершенствование тоталитарного общества в целом с необходимостью приводит к деградации отдельного его элемента, индивидуальности [2]. Аналогичным образом, акцент на физической реализации воли с необходимостью приводит к «размыванию» индивидуального волевого начала. Как правило, двое-трое всегда оказываются физически сильнее одного. Принцип единоначалия, аксиоматичный для армейских властных структур, необходим и внутри любых других общественных объединений, построенных на основе физического превосходства.

Исторически большинство «первоначальных» государств оказывались созданы именно по принципу превосходства власти в физическом отношении. Следовательно, система властных подчинений в таких государствах основывалась на принципах единоначалия и централизованного подчинения воле одного властителя – монарха. Известно, что властителями первоначальных государств («вождеств») становились лидеры наиболее сильных организованных групп [3]. Подобные вожди, стоявшие во главе группировок, обладали значительными возможностями по физическому принуждению всех остальных индивидов, проживающих на определенной территории, к выполнению своей воли. Таким образом, формирование монархий как первоначальных форм государственности было с необходимостью обусловлено господствующей в обществе физической формой реализации социальной воли.

Аналогичная ситуация возникала и в империях, где основным инструментом, гарантирующим строгую вертикаль подчинения в них оказывалось физическое принуждение. В условиях тоталитаризма физическое принуждение

и силовое превосходство власти также являются обязательными атрибутами общественной формации. По всей видимости, любые формы организации власти в обществе, при которых существует единоличный правитель, основываются, прежде всего, на физическом превосходстве властвующих над подчиненными.

Рассмотрим особенности легитимации власти в обществах с физическим способом реализации социальной воли. Вообще говоря, причиной, по которой подвластные в таких условиях признают власть над собой и подчиняются ее воле, является постоянная забота о совместном выживании, о будущем всего общества. Индивидуальная воля-как-свобода здесь полностью подавлена и любая деятельность подвластных основывается на диалектически противоположном типе воли – воле-к-заботе. При этом подчиненным остается исключительно забота о существовании всей системы властного принуждения в целом. Одновременно, система практически полностью подавляет их индивидуальную свободу.

Происходит насаждение коллективизма, утверждение абсолютного превосходства группы над любой индивидуальностью средствами прямой физической силы. Жесткое подчинение воле властителя гарантирует существование как самого индивида, так и общества. Таким образом, необходимость подчинения вектора индивидуальной воли высшей воле правителя имеет характер общесоциального блага, позволяющего как индивиду, так и обществу эффективно действовать в тяжелых условиях окружающей среды для достижения цели совместного выживания.

Проявление индивидуального начала, выражающееся в несогласованности воли подчиненного и правителя крайне опасно для данной системы, поскольку это прямой путь к ее распаду, а значит, гарантированной гибели под воздействием внешней среды. Возникают понятие о долге, чести и их высокой (моральной) значимости как залого выживания системы. Воля правителя оказывается непререкаема, даже если подчиненные могут считать, что он неправ: в любом случае, неподчинение становится тяжелейшим дисциплинарным нарушением. Ценность подчинения приказу всегда ставится выше всех остальных возможных ценностей в таких обществах.

Воля-как-свобода подчиненного оказывается полностью подавленной и само подчинение становится феноменом чистой воли-как-

заботы: подчиненный по сути заботится о будущем системы и направляет свою волю таким образом, чтобы обеспечить ее дальнейшее существование. Любые проявления свободы воли, в том числе, свободы мысли, воспринимаются обществом данного типа как прямая угроза всему его существованию. Устанавливается своего рода диктатура общественного согласия, когда индивидуальное поведение, отклоняющееся от общепринятого, воспринимается практически любым членом общества как угроза обществу и, следовательно, угроза для него самого. Соответственно, любой член общества получает (моральное) право попытаться принудить поведение отклоняющегося индивида в соответствии с общепринятым. И достигается это путем физического воздействия – основного способа реализации социальной воли в рассматриваемых обществах.

Средневековый религиозный фанатизм, апологетика коллективизма в XX веке, различные крайние формы патриотизма, национализма в современности – все эти явления объединяет стремление принизить роль индивидуальной воли. Подобное принижение индивидуальной воли, ценности отдельного индивида обеспечивается путем физического принуждения, за счет внушения индивиду его физической слабости перед массой.

Итак, общества с господствующей формой реализации социальной воли в виде физической силы являются первоначальным типом обществ. Их отличительная особенность – предельное уменьшение роли индивидуальной воли, поскольку такие общества постоянно поставлены на грань уничтожения. Наличие индивидуальной воли есть слишком большая «роскошь» для них. Подобные общества построены на основе единоначалия, полное подчинение индивидов властителю выражает их волю-как-заботу о существовании как самих себя, так и общества в целом. Здесь личность и общество практически не разделяются. Так, Д. Фрэнкел свидетельствует, что многие племена с первобытным образом жизни вообще не знали понятия «Я», основной единицей их языка и мышления было «Мы» [4]. Аналогичная ситуация складывалась и в тоталитарных обществах, другими словами тоталитаризм оказывался своего рода ренессансом первобытнообщинного мышления.

Среднестатистический член первобытного общества даже не мог представить себя в отрыве от племени (поскольку это бы была гарантированная гибель для него). И, одновременно,

выражая своими действиями «Мы», т.е. волю рода, он мог заставить другого члена племени соблюдать общепринятый распорядок посредством именно физического принуждения. Теоретически свободным остается лишь сам правитель, однако, свобода эта крайне ограничена господствующими в обществе представлениями об общепринятом поведении и, в том числе, о должном поведении властителя.

Принципиальным образом отлична реализация социальной воли в обществах, построенных на основе экономической силы. Здесь эманация воли происходит уже не через прямое физическое превосходство, а, прежде всего, через договорные отношения и право собственности. Экономическая сила имеет «отрицательный» характер, поскольку связана не с наличием чего-то, а с отсутствием, ограничением необходимого ресурса. Тот, кто обладает ресурсом, необходимым и недостающим другим, является сильным. Кроме того, обязательным условием существования экономической силы становится система, охватывающая все общество и препятствующая прямому присвоению ресурса заинтересованными в нем индивидами.

Таким образом, властителю, действующему посредством экономической силы для реализации своих интересов, необходимо во-первых общепризнанное право собственности, гарантирующее существование того, что принадлежит именно ему; а во-вторых, возможность совершения договоров с другими индивидами, в рамках которых возникают взаимные права и обязанности, гарантирующие, что индивиды будут подчиняться ему в обмен на предоставление им необходимого ресурса, которым обладает властвующей.

Общества с экономической формой реализации социальной воли исторически формировались из обществ, построенных на основе физического принуждения путем т.н. буржуазных революций. Монарх, правящий через физическое превосходство и стремление подчиненных выжить за счет полного подчинения ему лично, терял власть тогда, когда общество не было поставлено на грань выживания, немедленной гибели от внешней опасности. Следовательно, ценность его воли в качестве общесоциальной доминанты уменьшалась.

Статусом общесоциальной теперь стремилась обладать воля, направленная на удовлетворение постоянно растущих потребностей. Если «физикалистское» общество поставлено на грань выживания, это общество недостатка,

то экономическое – общество избытка. Здесь не идет речь о распаде и гибели системы из-за неподчинения одного ее элемента.

Всеобщий «гегелевский» рост свободы в таком обществе осуществляется за счет бесконечного роста потребностей, их усложнения и разнообразия. Воля-как-свобода проявляется в качестве стремления к поиску новых экономических ниш, удовлетворяющих все новые потребности. Воля-как-забота есть стремление к непосредственному удовлетворению этих потребностей, т.е. когда индивиды, заботясь о себе, реализуют свою волю в направлении их удовлетворения. Соответственно, волю-как-свободу проявляют, прежде всего, организаторы производств (и предоставления услуг) с целью поиска новых путей для создания эффективного прибыльного бизнеса. Потребители же товаров и услуг формируют настоящее гедонистическое «общество потребления», целью которого является максимальное удовлетворение все новых потребностей.

Происходит возвышение индивидуализма, приходит понимание ценности отдельного человека. Если «физикалистское» общество отрицает ценность индивида, то экономическое общество всеми способами старается внушить индивиду осознание собственной значимости. Поскольку только таким образом можно обеспечить непрерывный рост его индивидуальных потребностей, как стремление к большему благу для себя.

Выживание системы в целом оказывается глубоко вторичным, структуры, ранее обеспечивающие целостность государства и реализацию непрерываемой воли правителя, сами становятся видом коммерческих услуг. Так, армия является добровольной и оплачиваемой, деятельность полиции понимается как социальная услуга, отдельные виды оружия можно просто купить в развлекательных целях. Большинство внешних опасностей в экономическом обществе устранено – во многом за счет развития технического могущества государства.

Однако, гарантируя непрерывный рост свободы в материальном отношении за счет роста потребностей, экономическое общество не способно обеспечить рост свободы в сфере идеального. Возникновение третьего типа обществ связано с информационной революцией. Если результатом буржуазных революций стала всеобщая обеспеченность материальных потребностей, то результатом информационной становится всеобщая доступность реализации идеальных потребностей.

В постиндустриальном обществе происходит существенный рост сферы услуг по сравнению со сферой товарного производства [5,6,7]. Существенно возрастает роль финансовой системы – банки, страховые компании, биржи оказывают определяющее влияние на экономику, при этом не производя никаких материальных продуктов. Деньги, изначально бывшие мерой обмена товаров, теперь обретают самостоятельную ценность и получают возможность производить другие деньги. И если раньше денежным эквивалентом выступали сугубо материальные предметы – золотые, серебряные монеты, то теперь денежный счет – это только информация, хранящаяся в компьютерной системе банка.

Развитие технологий приводит к появлению универсальных обработчиков информации – электронных вычислительных машин, объединенных в общедоступные сети, способные пе-

редавать значительные массивы информации. Появляется носимая электроника (гаджеты), обеспечивающая человеку постоянный доступ к информационным ресурсам независимо от местоположения.

Все эти факторы вызывают увеличение роли информации в плане реализации социальной воли. Теперь воля оказывается объективирована уже не физическими инструментами принуждения или обладанием общественно значимыми ресурсами. Постепенно элиминируется роль силы в рамках феномена социальной власти. Все большую роль начинает играть непосредственное взаимодействие воли – т.е. влияние. Власть как господство, обеспечиваемое материальными силовыми методами, санкциями, начинает сдавать свои позиции абстрактному, идеальному миру прямого взаимодействия воли, не связанного с каким-либо материальным принуждением.

Список литературы

1. Etzioni A. Comparative Analysis of Complex Organizations. On Power, Involvement, and Their Correlates. New York: The Free Press, 1961.
2. Самойлов И.Д. Совершенствование личности и общества в рамках феномена тоталитарной власти // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Культурология». Челябинск, 2012. Вып. 28 №35 (289). С. 35–39.
3. Carneiro, R. L. The Chieftdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World / Jones, G. D., and Kautz, R. R., eds., Cambridge &c, 1981.
4. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. М.: Изд-во полит. лит., 1983.
5. Porat M., Rubin M. The Information Economy: Development and Measurement. Wash., 1978.
6. Masuda Y. The information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981.
7. Katz R.L. The Information Society: An International Perspective. N.Y., 1988.

Сведения об авторе

Самойлов Игорь Дмитриевич, аспирант кафедры социологии и социальной работы Курганского государственного университета.

igorletterbox@gmail.com.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 29–33.

ASPECTS OF COERCION IN THE REALIZATION OF THE MECHANISM OF SOCIAL WILL

Igor D. Samoylov

Postgraduate student of the Department Chair of Sociology and Social work in the Kurgan State University, igorletterbox@gmail.com

This article discusses the physical and the economic aspects of an enforcement will power realization. In each of this case, we analyzed the features of society construction. In addition, article shows philosophical meaning of an informational society emergence.

Keywords: social will, power, coercion, force, information society.

References

1. Etzioni A. Comparative Analysis of Complex Organizations. On Power, Involvement, and Their Correlates. New York: The Free Press, 1961.
2. Samoylov I.D. Sovershenstvovanie lichnosti i obshchestva v ramkakh fenomena totalitarnoy vlasti // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya». Chelyabinsk, 2012. Vyp. 28 №35 (289). P. 35–39. (In Russ.)
3. Carneiro, R. L. The Chieftdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World / Jones, G. D., and Kautz, R. R., eds., Cambridge &c, 1981.
4. Frezer D. D. Zolotaya vetv'. M.: Izd-vo polit. lit., 1983. (In Russ.)
5. Porat M., Rubin M. The Information Economy: Development and Measurement. Wash., 1978.
6. Masuda Y. The information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981.
7. Katz R.L. The Information Society: An International Perspective. N.Y., 1988.

Статья публикуется впервые, согласен на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 101.1:316(0720)
ББК 87.6р

Г. М. Кириллов

ОБЩЕНИЕ И КОММУНИКАЦИЯ: ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ СОЦИАЛЬНОГО

Целью настоящей статьи является попытка оценить последствия изменений в способе коммуникации для характера межличностных взаимоотношений. Для достижения цели исследования решаются следующие задачи: прослеживаются различные типы коммуникативного поведения, характеризующие представителей разных поколений, анализируется отражение произошедших сдвигов в произведениях современных авторов, имеющийся эмпирический материал сопоставляется с социально-философской концепцией Ж. Бодрийяра. Предметом исследования являются социальные отношения людей в их динамике, а также феномен «смерти социального». Отмечается, что альтернативой засилью массовой коммуникации могло бы стать изменение приоритета в системе коммуникаций в пользу «глубинного общения».

Ключевые слова: общение, коммуникация, «экстаз коммуникации», «смерть социального», «глубинное общение».

Нынешний транзитивный период становления информационного общества характеризуется высоким темпом перемен, происходящих в различных областях жизни людей. Подчас представителям разных поколений нелегко понимать друг друга. Возникают всё новые и новые барьеры межпоколенной коммуникации, затрудняющие взаимопонимание людей. Причины этого явления разнообразны: это плюрализм мировоззренческих установок, возрастные, гендерные различия, несовпадение социально-психологических типов, уровень материального благосостояния. К таким дифференцирующим факторам можно отнести различные роли коммуникантов в информационном пространстве, а также их предпочтения в отношении способов и средств коммуникации. Между тем люди обречены на необходимость общения, избежать его невозможно. Даже молчание, демонстративный поворот головы в противоположную сторону, прикрытые глаза, подчёркнуто увлечённое чтение журнала часто воспринимается присутствующими как определённый сигнал, указывающий на отношение человека к окружающим. Открытое принуждение к чему-либо, приказ, подавление, опосредованное давление (интрига, провокация, обман, намёк на что-либо неприятное) – все эти приёмы часто находят своё новое применение в современном медиадискурсе. Новые формы приобрело общение и в повседневной жизни. В общественном транспорте нередко можно наблюдать «аутичное» поведение моло-

дых людей, устремивших неотрывный взгляд на экран смартфона, планшета или ещё какого-либо гаджета или отгородившихся от мира при помощи наушников – устройства, внешне напоминающего слуховой аппарат, но по своему назначению противоположного ему. Они не замечают друг друга, не слышат кондуктора, не видят стоящих рядом представителей старшего поколения. Вызывает сомнение, что это «погружение» в виртуальный мир может коренным образом изменить их жизнь, судьбу. Скорее, происходящее – дань моде, желание быть «в теме». К сожалению, живое общение, как и общение с книгой, постепенно уходит на второй план. Лаконичные SMS, MMS, короткие звонки по телефону, взаимодействие в социальных сетях под «никами» – всё это не «открывает» людей по отношению друг к другу, не объединяет их, а, напротив, разъединяет.

Возможно, причины происходящих явлений лежат в изменении характера отношений между людьми. Безусловно, именно связь сделала людей человечеством, но что-то, видимо, в её характере за последнее время существенным образом изменилось. Среди терминов, характеризующих эту связь, преобладают общение и коммуникация. Слово «общение» является для нас более близким, ведь оно отечественного происхождения и укоренено в повседневной речи. В словаре Ожегова находим его значение: «Взаимные сношения, деловая и дружеская связь» [1. С. 376]. Как видим из

определения, общение предполагает два уровня: более тесный, носящий межличностный характер (дружба, любовь и т.д.), и деловое общение, носящее во многом обезличенный, хотя и вполне конкретный характер. Интересную трактовку этих уровней общения даёт израильский мыслитель-персоналист М. Бубер. По М. Буберу, существуют две формы общения с другим человеком: «Я» – «Ты» и «Я» – «Оно». Если другой человек выступает для нас в качестве объекта познания, исследования, средства для достижения какой-либо цели, то общение с ним происходит на уровне «Я» – «Оно». Общение на уровне «Я» – «Ты» возможно лишь в том случае, если другой человек воспринимается нами как уникальная, неповторимая личность со своим духовным миром, идейными убеждениями, чувствами и переживаниями, нравственными ценностями, собственным мировоззрением. В этом случае «Другой» становится для нас самоценным. Подобный диалог возможен лишь в особом состоянии личности. Такое состояние М. Бубер именуется отношением «Я» – «Ты». В любом случае общение предполагает какую-то степень общности между людьми. А как обстоят дела с коммуникацией? Попробуем разобраться.

Коммуникация (от лат. *communicatio* – сообщение, передача; от лат. *communico* – делаю общим) – прежде всего научный термин. Существует достаточно много его определений. Согласно С.В. Борисневу, под коммуникацией следует понимать социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по различным каналам с помощью разных коммуникативных средств. По мнению специалиста в области коммуникативистики В.И. Грачёва, важно не смешивать коммуникацию с информацией, её «семантическим содержанием, которое она всегда несёт в себе и для передачи которого... предназначена...» [2. С. 231]. Думается, такая подмена порой происходит потому, что зачастую коммуникация сводится к простой передаче информации. Известный российский психолог Н.И. Козлов отмечает, что понятия «коммуникация» и «общение» в обыденной речи часто употребляют как синонимы, тем не менее, между ними есть существенная разница. На бытовом уровне чаще всего имеет место общение, а в профессиональной сфере уместней говорить о коммуникации. Общение не ставит перед собой какую-либо определённую цель, коммуникация, на-

против, осуществляется с осознанной целью и по скриптам заранее подготовленных текстов. Таким образом, в отличие от общения коммуникация предполагает наличие цели как минимум у одного из участников. Н.И. Козлов выделяет ряд существенных черт, присущих общению и коммуникации соответственно. Общение предполагает легкое, неглубокое взаимодействие между людьми, обмен эмоционально значимыми сообщениями и чувствами. Коммуникация – взаимодействие собеседников, каждый из которых имеет задачу влияния на другого и знает, что у его партнера по коммуникации та же цель. Эмоции и чувства для коммуникации являются лишь служебным моментом. Коммуникатор способен выразить эмоции, если они необходимы для решения той или иной ситуативной задачи. Это человек, имеющий способность оказывать влияние на окружающих с определённой целью, используя при этом различные приёмы (лексику, жесты, мимику, интонацию, формулировки) для получения желаемого результата, нужного ответа. Противоположный тип – обычный человек, действующий без конкретной цели, он может превосходно проявить себя в качестве друга, но порой не может о себе заявить в деловой обстановке, требующей целеполагания, выстроенных доводов, определённого протокола. Общение между людьми в обыденной жизни происходит потому, что они стремятся к нему. Коммуникация предполагает в первую очередь достижение необходимого результата, эффективной трансляции нужной информации или воздействия на ту или иную аудиторию. Коммуникация отличается от общения, прежде всего, использованием манипуляций, при этом они чаще всего строго регламентируются: если речь идёт о сотрудничестве, реализации совместного проекта, то в этом случае манипуляции исключены. Иное дело – переговоры с конкурентами, воздействие на потребителя. Здесь манипуляции – главное содержание взаимодействия. Они заранее продумываются и искусно маскируются в деловой беседе или в полемике. Переход от естественного, стихийного, спонтанного общения к преимущественно формализованному и целенаправленному, характерному для современной цивилизации, имеет свою историю. По мнению канадского культуролога М. Маклюэна, средства коммуникации – это своего рода социальный код развития цивилизации. Изучение их принципов позволяет раскрыть ключ к развитию и осно-

вам построения цивилизации. М. Маклюэн выделяет четыре этапа эволюции средств массовой коммуникации: *устный* (дописьменный); *письменный* (рукописный); *книгопечатный* («Галактика Гутенберга») и *электронный* («Глобальная деревня»). До появления письменности общение осуществлялось изустно, информация передавалась от рассказчика к рассказчику, в результате изначальный текст значительно изменялся. М. Маклюэн в книге «Галактика Гутенберга» пишет: «Для человека, живущего в эпоху устной культуры, буквальное значение является всеобъемлющим и обладает полнотой, содержа в себе все возможные значения и уровни понимания, как это было для Аквината» [3. С. 204]. Появление письменности явилось важнейшим событием в развитии общества. В трудах Платона ведётся речь об амбивалентном значении письменности для цивилизации: с одной стороны, отмечается её прогрессивная роль (диалог «Федр»): она позволяет передавать знания от одного поколения другому; с другой – появление книгопечатания делает людей «мнимомудрыми», полагающимися лишь на письменные источники. Сократ также критически относился к письменности, считая её неподвижной, не способной вступить в диалог. По его мнению, письменна беспомощна, «стоят, как живые, а спроси их – они величаво и гордо молчат» [4. С. 187]. Следующим этапом в развитии средств коммуникации стало возникновение книгопечатания. Изобретение книгопечатания – заслуга Иоганна Гутенберга. Появление печатных книг произвело революцию в обществе. Однако средневековая культура с её храмами, замками стала разрушаться. В романе Виктора Гюго «Собор Парижской богоматери» архидьякон произносит слова: «Вот это убьёт то. Книга убьёт здание» [5. С. 322]. Устное слово и слово рукописное били тревогу перед словом печатным. Это было своеобразное предвидение, в нём выражалось предчувствие того, что человеческая мысль, изменив форму, изменит и средства её выражения. Господствующая идея поколения, выраженная в камне, уступит место идее бумажной, то есть развитию книгопечатания. В течение долгого времени книга являлась огромной ценностью, существовал даже своеобразный культ книги. Однако в современном мире всё обстоит по-другому. Книгу вытеснила новая электронная визуальная культура. Различные гаджеты, телевизор, интернет отнимают у человека массу времени. Чтение книг

– удел любителей, истинных интеллигентов, не желающих расстаться с верным и преданным другом. Более прогрессивная часть общества предпочитает аудиокниги или электронные. Время не стоит на месте: произошла коммуникационная революция, она ознаменовалась тем, что 1983 году появился Интернет, а уже в 1991 году сеть становится общественным достоянием. Общаться люди стали преимущественно в социальных сетях. Никто больше не ищет в почтовом ящике долгожданных конвертов с письмами или поздравительных открыток. В то же время сеть Интернета обеспечила общий доступ к шедеврам русской и мировой литературы, книжным раритетам и новинкам, а также к различным научным изданиям. Тем не менее, с уходом книги на второй план появился определённый духовный вакуум в обществе. Постепенно актуальными и востребованными стали не имена людей, а номера их сотовых телефонов, e-mail. Встречи друзей за чашкой кофе, доверительные разговоры о «самом главном» ушли в прошлое, уступив место облегчённому, ни к чему не обязывающему общению В КОНТАКТЕ и в Одноклассниках. Обратимся за примером такого рода общения к тексту романа популярного современного писателя Виктора Пелевина «Шлем ужаса». Восемь персонажей встречаются в одном очень странном чате с заранее заданным «тредом» (англ. «thread» – «нить»). Вместо реального имени каждый из участников чата презентует себя под определённым «ником»: Ариадна, Monstradamus и др. Выясняется, что каждый из них неизвестным образом попал в одну из однотипных комнат с монитором и клавиатурой. Вскоре они понимают, что стали героями мифа о Тесее и Минотавре на новый лад. Но ситуация оказывается намного сложнее, чем представляется на первый взгляд. У каждого из персонажей за дверью есть свой собственный лабиринт, из которого ему самостоятельно не выбраться. У Монстрадамуса – тупик и заряженный револьвер, у Изольды и Ромео – парк (потому они пытаются в нём встретиться), у Щелкунчика – комната с аппаратурой и кассетами, у Организма – заставка maze, у Ариадны – спальня, у UGLI 666 – собор, у Слива – «холодильник синьки». На наш взгляд, аллегория данного произведения достаточно прозрачна, каждый, кто погружается в ИНТЕРНЕТ, оказывается в неизвестном ему пространстве, где общается с неизвестными ему людьми, то есть в неком лабиринте. Другими словами, совре-

менное человечество вновь попало в лабиринт, из которого в своё время его вывела древнегреческая античность. В книге современного польского писателя Януша Леона Вишневского «Одиночество в сети» главные герои начинают встречаться в интернет-чатах, обмениваются эротическими фантазиями, рассказывают истории из своей жизни. Подобное же происходит в книге Даниэля Глаттауэра «Лучшее средство от северного ветра», но это книги, а в них в большинстве случаев всё заканчивается благополучно, но далеко не так всё происходит в жизни.

Умножаясь и тиражируясь, в нынешний период глобализации коммуникация обрела характер массовости. Любопытным феноменом массовой коммуникации является новый вид социального взаимодействия, получивший название «интерактивность». В широком смысле под интерактивностью понимают все виды социального взаимодействия. Однако в последнее время в социальных науках термин стал применяться для обозначения контактов в сфере телекоммуникации. К явлениям интеракции относят компьютерные игры, электронную почту, общение «он-лайн» в Интернете, телефонное и Интернет-участие зрителей в телевизионных программах, различные технологии виртуальной реальности. Интерактивность в сфере телекоммуникации происходит на нескольких уровнях: 1) интерфейс человек – машина – взаимодействие через команды и манипуляции; 2) обмен различного рода информацией, данными различных форматов; 3) реальные взаимодействия, осуществляемые при помощи электронных коммуникаций (в том числе предоставление информационных услуг, теле- и Интернет-магазины и т.п.); 4) обмен мнениями посредством интерактивных элементов средств массовой информации (интерактивные опросы и комментарии); 5) межличностное общение по электронной почте и в Интернет-чатах.

Характерно, что интерактивное взаимодействие вполне может состояться и без человеческих организмов и может в ряде случаев (сортировка и перекачка данных) быть редуцировано до уровня общения машин. Для интерактивности куда важнее регулярность обмена сообщениями. Сам же компьютер-медиум вполне может рассматриваться в качестве полноправного участника интерактивного взаимодействия. Коммуникация, доведённая до абсурда, исчезает, переставая связывать людей. Французский

философ Ж. Бодрийяр характеризует новую ситуацию в сфере общения как господство гиперреальности – экстаз коммуникации. В мире гиперреальности всё перестаёт быть самим собой. Носителем новой культуры, а вернее, антикультуры катастроф являются средства массовой информации. Спектакль становится церемонией, а знание – информацией. Начинает умирать и социальное. Во всяком случае, формируется иное социальное пространство, где рвутся прежде прочные связи. Социальное поглощается массами – немим большинством. Массы Ж. Бодрийяр именуется «экстазом социального». Анализ этого феномена посвящена работа «В тени молчаливых большинств или конец социального». В ней Ж. Бодрийяр уподобляет массы своеобразной чёрной дыре, поглощающей поочерёдно политическое, культуру, социальное и, наконец, всякий смысл. По мнению Ж. Бодрийяра, не СМИ формирует массы, а наоборот, СМИ являются послушным инструментом масс. Стираются грани между внешним и внутренним, исчезают приватное и публичное пространство, и на смену им приходит единое пространство – информационное, где нет уже сцены и зеркала, а есть экран и сеть. Взаимодействие в этом пространстве происходит не между людьми и даже не между товарами, как в индустриальную эпоху, а между знаками. Знаки порывают со своими значениями, стремясь взаимодействовать только между собой. Подобные перемены не могут не затронуть характер взаимоотношений между людьми. Вывод, который делает Ж. Бодрийяр, весьма неутешителен: «Социальное, безусловно, существовало, но сейчас его больше нет. Оно существовало как связанное пространство, как основание реальности. Социальное отношение, производство социальных отношений, социальное как динамическая абстракция, место конфликтов и противоречий истории, социальное как структура и как ставка, как стратегия и как идеал – все это имело смысл, все это что-то значило... Сегодня оно поглощается симулякрами третьего порядка (связанными с производством самих симулякров *Прим. авт.*) и потому умирает» [6. С. 230]. Ж. Бодрийяр характеризует масс-медиа как антимедиатор. По своему существу они не транзитивны, если понимать коммуникацию как обмен, как пространство взаимности слова и ответа, то есть как ответственность, понимаемую как личную взаимосвязь в обмене. Таким образом, вся современная архитектура медиа может быть оха-

рактирована как то, что всегда запрещает ответ, если он не принял форму симуляции ответа. Ж. Бодрийяр полагает, что «социальное, во-первых, разрушается – тем, что его производит (средствами информации и информацией), а во-вторых, поглощается – тем, что оно производит (массами), оказывается, что его дефиниция не имеет референта, и термин «социальное», который является центральным для всех дискурсов, уже ничего не описывает и ничего не обозначает» [7. С. 64–65].

В романе В. Пелевина «Generation П» главный герой – начинающий криэйтор Татарский – пытается в своей записной книжке выразить смысл новых отношений между людьми, обозначающийся расхожим иностранным термином «public relations»: «Все пытаются показать друг другу, что уже достигли свободы, и в результате мы только и делаем, что под видом общения и дружбы впариваем друг другу всякие черные пальто, сотовые телефоны и кабриолеты с кожаными креслами. Замкнутый круг. Этот замкнутый круг и называется черным пи-ар» [8. С. 124]. Эти откровения могут служить хорошей иллюстрацией к характеристике экранной культуры общества потребления в трудах Ж. Бодрийяра. Вот что он пишет в своём этапном произведении «Символический обмен и смерть»: «Интерфейс подключает собеседников друг к другу, как штекер к электрической розетке. Коммуникация осуществляется путем единого мгновенного цикла, и для того, чтобы все шло хорошо, необходим темп – времени для тишины не остается. Тишина изгнана с экранов, изгнана из коммуникации. Изображения, поставляемые средствами массовой информации (а тексты подобны изображениям), никогда не умолкают: изображения сообщений должны следовать друг за другом без перерыва» [8. С. 230]. Некогда сделать остановку, думать не о чём, массовая коммуникация заставляет думать только о потреблении, даже скорее не думать, а «вожделеть» его. К тому же мысль всё время перебивает назойливый шум. М. Маклюэн по этому поводу отмечает: «Рекламные объявления, похоже, работают на основе очень передового принципа, согласно которому любая мелочь и любой образец в шумном и избыточном шквале повторения будут постепенно утверждать самих себя» [9. С. 258].

В романе «Generation П» устами одного из своих персонажей Пелевин резюмирует, что миром общества консьюмеризма правит не «кто», а «что». С точки зрения многих совре-

менных социальных философов, субъектами стремительно глобализирующегося мира становятся уже не народы или единый народ, а множества. Впрочем, о субъективности тоже нужно говорить с оговорками, поскольку ораторы постмодернизма давно уже объявили не только о смерти социального, но и о «смерти субъекта». Увы, основной целью современного индивидуума становится потребление, а упорная работа, учёба, повышение квалификации представляются ему лишь побочным эффектом. Разумеется, не стоит парализовать себя этими прогнозами и диагнозами. Наш мир весьма многомерен и многолик. Мы вступаем в общение на разном уровне, с разными людьми и социальными группами и пока ещё имеем возможность выбирать, так что время мрачных пророчеств антиутопий Дж. Оруэлла и О. Хаксли ещё не наступило. Но сегодня, как никогда раньше, важно правильно расставить приоритеты и отдать предпочтение межличностным контактам, тому, что, выражаясь словами современного философа-диалогиста Г.С. Батищева, именуется «глубинным общением». Одним из главных приоритетов глубинного общения является альтруистический принцип «другодоминантности». Вот как его формулирует Г.С. Батищев: «*Доминантность на всех Других*, устремленность человека каждым поступком и всею жизнью *не* к тому, чтобы сначала требовать от других и от всего мира убедительности *для себя*, надежности *для себя*, заслуженности доверия к ним в *своих* глазах и т.п., но, совсем напротив, – именно к тому, чтобы *начать с себя ради всех других* – чтобы от себя потребовать убедительности *для других*» [10. С. 95]. Речь, в данном случае может идти об онтологическом общении или онтокоммуникации. Она отлична от психокоммуникации, которая не имеет собственной онтологии в культуре или природе и обслуживает, прежде всего, цивилизацию. Психокоммуникация всегда предполагает целенаправленную деятельность. Однако общение есть нечто гораздо большее, нежели любое деяние, его цель – дать место и время для участия в со-бытии-поступке и сохранить родство со-причастности для его участников. Психокоммуникативные навыки превращаются в искусство замаскировывать истинные намерения и отсутствие реальной общности. Оставаясь лишь коммуникатором, никому себя в действительности не адресуя, человек опустошает самого себя. Он все более умерщвляет себя душевно и духовно,

сохраняя лишь физическую видимость жизни. Однако не всё потеряно, пока существует национальная культура – необходимая среда для глубинного общения. Только взаимодействие равноправных носителей культур способно породить новые формы и смыслы, и в этом случае можно будет говорить о возрождении социального обмена и подлинной субъективности, но на новой, более широкой онтологической основе диалога культур.

Список литературы

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка /Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой.–17-е изд. стереотип. – М.: Рус. яз., 1985. – 376 с.
2. Грачёв, В. И. Коммуникация и общение в современной культуре: уроки научной аберрации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Выпуск № 4, Т. 2, 2011. – 231 с.
3. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга: Поиск метода / Пер. с англ. И. О. Тюриной. – М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2014. – 204– 204 с.
4. Платон Собрание сочинений в 4-х тт. / Платон т.2. – М.: Мысль, 1990. –187 с.
5. Гюго, В. Собрание сочинений в 6-и тт. / В. Гюго т.1. – М.: Правда, 1988. – 322 с.
6. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2011. – 230 с.
7. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: [перевод с французского] – М.: Алгоритм, 2015. – С. 64-65.
8. Пелевин, В. Виктор Пелевин [сборник произведений]: Generation П. – М.: Эксмо, 2009. – 124 с.
9. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. – М.: Кучково поле: Фонд «Мир», 2014. – 258 с.
10. Батищев, Г.С. Найти и обрести себя // Вопр. философии. – 1995, № 3. – С. 95–129.

Сведения об авторе

Кириллов Герман Михайлович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГУ, факультет экономики и управления (ФЭиУ).
gekir10@mail.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 34–40.

PERSONAL CONTACT AND COMMUNICATION: ON THE OTHER SIDE OF THE SOCIAL

Herman M. Kirillov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy, Faculty of Economics and Management, Penza State University, gekir10@mail.ru

The purpose of this article is an attempt of seeing the changes in the way of communication in proper perspective for the character of interpersonal relationship. The following tasks are solved for achieving this research aim: there are observed the different types of communicative behavior typical for the representatives of different generations, it is analyzed the reflection of these shifts in the works of modern writers, the available empirical material is compared with social philosophical concept of J. Baudrillard. It is noted that the alternative to mass communication preponderance might be priority inversion in favour of «depth communication».

Keywords: personal contact, communication, «ecstasy of communication», «death of social», «depth communication».

References

1. Ozhegov, S.I. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of Russian Language] /Pod red. chl.-korr. AN SSSR N.Ju. Shvedovoj.–17-e izd. stereotip – Moscow, Rus. jaz. 1985. – 376 p. (In Russ.).
2. Grachjov, V. I. Kommunikacija i obshhenie v sovremennoj kul'ture: uroki nauchnoj aberracii [Personal Contact and Communication in a Modern Culture: Lessons of Scientific Aberration] // Vestnik Leningradskogo gos. universiteta im. A.S. Pushkina [Announcer of the Leningrad State University of A. S. Pushkin]. Announcer of the Leningrad State University of A. S. Pushkin – Vypusk no. 4, v. 2, 2011. – 231 p. (In Russ.).
3. Makljuven, M. Galaktika Gutenberga: Poisk metoda [Galaxy of Gutenberg: Search of Method] / Per. s angl. I. O. Tjurinoj. – Moscow, Akademicheskij proekt Fond «Mir», 2014. – 204 p. (In Russ.).
4. Platon Sobranie sochinenij v 4-h tt. [Collected Works in 4 volumes] v.2. – Moscow? Mysl', 1990. –187 p. (In Russ.).
5. Gjugo, V. Sobranie sochinenij v 6-i tt. [Collected Works in 6 volumes]/ V. Gjugo v.1. – Moscow, Pravda, 1988. – 322 p. (In Russ.).
6. Bodrijjar, Zh. Simvolicheski obmen i smert' [Symbolic Exchange and Death]. – Moscow, Dobrosvet, Izdatel'stvo KDU, 2011. – 230 p. (In Russ.).
7. Matrica Apokalipsisa: Poslednij zekat Evropy [Matrix of Apocalypse: Last Sunset of Europe] [perevod s francuzskogo]. – Moscow, Algoritm, 2015. – pp. 64-65 (In Russ.).
8. Pelevin, V. Viktor Pelevin [sbornik proizvedenij]: Generation P [Generation P [Collection of Works]] – Moscow, Jeksmo, 2009. – 124 p. (In Russ.).
9. Makljuven, M. Ponimanie media: Vneshnie rasshirenija cheloveka [Understanding of Media: External Expansions of Man] Per. s angl. V. Nikolaeva. Moscow, Kuchkovo pole: Fond «Mir», 2014. – 258 p. (In Russ.).
10. Batishhev, G.S. Najti i obresti sebja [To Search and Find Yourself] // Vopr. filosofii. [Questions of philosophy] 1995. no. 3. – Pp. 95–129. (In Russ.).

Статья публикуется впервые, согласен на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 008
ББК Ч111.153

М. А. Мельник, А. И. Назарычева

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РОМАНЕ П. ЗЮСКИНДА «ПАРФЮМЕР»

В статье рассмотрен роман П. Зюскинда «Парфюмер» как пространство межкультурной коммуникации. Взаимоотношения главного героя и окружающего его социума проанализированы с точки зрения их противостояния, результатом которого стал неразрешимый коммуникативный обрыв, а затем и культурный шок главного героя, приведший к его отчуждению от общества и самого себя.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культурный код, коммуникативный обрыв, культурный шок, феномен запаха.

К исследованию процесса межкультурной коммуникации обращались многие специалисты гуманитарных наук. В условиях глобализационных процессов особенности взаимосвязи различных культур, специфика культурных контактов становятся особенно интересными и актуальными. Однако межкультурная коммуникация обеспечивает взаимодействие не только между подсистемами культуры внутри общества, но и между индивидами внутри одной культуры, если они принадлежат к разным культурным мирам.

Ученые нижегородской школы В. Г. Зинченко, З.И. Кирнозе, В. Г. Зусман считают, что межкультурная коммуникация включает в себя «...гендерную, социально-статусную и возрастную коммуникации» и представляет собой совокупность разнообразных форм отношений и общений между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам [3]. Подобная трактовка межкультурной коммуникации позволяет нам рассмотреть пространство романа «Парфюмер» с точки зрения межкультурного взаимодействия его героев.

Г. Зиммель в статье «Из «Экскурса о социологии чувств» [2] выделяет два измерения в человеческом чувственном восприятии. Согласно его концепции, первое измерение состоит во впечатлении об объекте, определяющим наше собственное ощущение (симпатию, антипатию, чувства возвышенности или приниженности, возбуждение или спокойствие и т.д.). Второе измерение связано с трансформацией чувственного впечатления в способ познания. Таким образом, мы получаем информацию в двух измерениях. Первое ведет «внутри» субъекта (наше настроение, впечатление), а второе – «наружу» (познание объекта).

Все наши органы чувств открывают нам в процессе восприятия субъекта оба измерения, однако сочетание их в каждом случае различно. Так, например, Г. Зиммель говорит об уникальности глаз, ведь зрительный контакт несет информацию об обоих участниках – мы не можем, глядя в глаза и получая информацию о собеседнике, не передать информацию о себе. «Невозможно глазами взять без того, чтобы одновременно отдать» [2. С. 6]. Напротив, слух – такой способ восприятия действительности, при использовании которого мы можем вообще ничего не отдавать, а лишь внимать, никак не проявляя своей реакции.

Особое место в системе чувств занимает обоняние. Его принципиальное отличие состоит в том, что оно «не создает объект, как это делают зрение и слух, а остается заключенным в субъекте» [2. С. 11]. Мы не можем воспринимать с помощью обоняния большое количество информации. Это связано, с одной стороны, с относительным несовершенством развития обонятельной системы человека, с другой стороны, со спецификой самой обонятельной сферы: запах сложно сохранить, «законсервировать», передать и воспроизвести.

П. Зюскинд создал уникального с точки зрения обоняния героя. В его романе «Парфюмер» представлены два типа мировосприятия – то, в основе которого лежит приоритет зрения и слуха (этот тип восприятия характерен для подавляющего большинства людей), и то, в котором главную роль играют запахи. Мы рассматриваем процесс столкновения двух этих мировосприятий как противостояние двух культурных миров, различающихся формами и способами познания. С нашей точки зрения,

противостояние главного героя Гренуя как представителя особой, пожалуй, исключительной культуры, в основе которой лежит ольфакторная составляющая, и окружающего мира может быть рассмотрено в контексте межкультурной коммуникации.

В основе теории межкультурной коммуникации лежат такие понятия, как коммуникативный код, коммуникативный обрыв, культурный шок [1. 3]. Рассмотрим реализацию каждого из них в пространстве романа «Парфюмер».

Коммуникативный код – это система знаков, благодаря которому осуществляются главные функции коммуникации. Распознавание коммуникативных кодов происходит через оппозицию «свой» – «чужой», которая является ключевой в межкультурной коммуникации. Эта оппозиция обуславливает осмысление «своей» культуры на фоне «чужой» и «чужой» культуры на фоне «своей». В процессе межкультурной коммуникации «своему» придается характер доступного, «личного», при этом достигается относительное понимание и освоение «чужого». Стоит отметить, что главный герой романа Гренуй изначально не делает попыток понять и познать «чужой» мир, напротив, он пытается жить в этом мире по законам мира «своего». «Барьер культур становится явным только при столкновении родной культуры с чужими, отличными от нее. Только выйдя за рамки своей культуры, то есть, столкнувшись с другим мировоззрением, мироощущением, можно понять специфику своего сознания, можно увидеть различие или конфликт культур» [4. С. 114]. В романе барьер культур не просто приводит к непониманию или неприятию, – он провоцирует Гренуя на преступления, мотив которых, опять же, в силу существования этого барьера, не понятен окружающим.

Коммуникация – и вербальная, и, как в нашем случае, невербальная, представляет собой диалог сознаний, при котором возможно столкновение жизненных позиций, выступающих в качестве коммуникативных кодов. Коммуникативный код должен быть идентичным внутри одной системы. Несовпадение кодов ведет к коммуникативному обрыву (сбою, провалу). Без идентичного кода между получателем и отправителем сообщение невозможно.

В контексте вышеизложенного роман П. Зюскинда представляется нам интересным с точки зрения трактовки в культурологическом контексте. В нем нет отражения национальных

особенностей межкультурных контактов, на примере которых традиционно рассматриваются системы межкультурных коммуникаций. Однако главный герой Жан Батист Гренуй с самых первых строк и до самого финала романа противопоставлен миру, Гренуй – герой-одиночка, так и не ставший частью общества, в котором существует.

Изолированность от общества главного героя обусловлена не совсем стандартной ситуацией: П. Зюскинд проецирует всё происходящее в романе в плоскость ароматов и запахов. Основные коммуникации в романе носят невербальный характер в связи с обостренным ольфакторным мировосприятием Гренуя. Элементы невербальной коммуникации определяют взаимоотношения героев. Основное противостояние главного героя и окружающего мира, на наш взгляд, разворачивается в контексте оппозиции «свой-чужой». Именно в рамках этой оппозиции происходит распознавание коммуникативных кодов, которые проявляются в процессе человеческой активности. Вся активность Гренуя в соответствии с его основным коммуникативным кодом – запахом – направлена на достижение главной цели: создать собственный аромат, способный внушать любовь окружающих к герою.

Для понимания особенностей функционирования невербальной коммуникации в романе необходимо обратить особое внимание на то, что коммуникативное поведение обусловлено социальными ролями, сценариями действий, а также правилами и нормами, которые регулируют коммуникацию. В связи с этим в каждой ситуации общения имеет место свой коммуникативный код.

Гренуй использует особый культурный код, обусловленный его острейшим обонянием. Однако запах как культурный код стал определяющим не только в выборе им форм существования (мир для Гренуя существует как пространство ароматов и запахов, имеющих миллионы оттенков и полутонов), – именно с помощью запаха Гренуй пытается «вписаться» в социум.

Обнаружив, что собственным естественным запахом он не обладает, Гренуй решил изготовить его для себя. Вместе с созданным запахом Гренуй приобрел индивидуальность, стал личностью, интересной для окружающих. Это объясняется концепцией романа, которая состоит в том, что человек, не отдавая себе в этом отчет, ориентируется в окружающем

мире только по запаху. Запах как культурный код используется человеком всегда, однако далеко не во всех случаях им осознается. Если следовать логике романа, человек ошибочно полагает, что покорен красотой и душевными качествами другого, тогда как на самом деле оказывается покоренным его запахом.

Стоит отметить, что использование запаха в качестве культурного кода характерно и для главного героя, и для его окружения, однако Гренуй более других способен к восприятию запахов, поэтому в отношении главного героя можно говорить о культурном обрыве, вызванном несоответствием его культурного кода и окружающих. Несовпадение кодов мы видим не только и не столько в области восприятия запаха, – непонимание рождается на уровне ценностных жизненных позиций главного героя и тех, кто его окружает: стремясь к своей цели, беспощадно убивая, Гренуй ни разу не задумывается о том, что делает, и раскаянию нет места в его сердце. Единственное, что имеет для него значение и является единственно понятным для него культурным кодом – это запах. Для окружающих же запах – лишь один из вариантов разнообразных культурных кодов, причем далеко не самый востребованный (как, например, звук или визуальный объект).

Трагизм ситуации состоит не в непреодолимой разнице культурных кодов, – Гренуй успешно решил эту проблему: в финале романа все люди, присутствовавшие на его казни, вспыхнули к нему самыми теплыми чувствами. Однако именно в этот момент мы узнаем истинную причину отчуждения героя, в основе которой оказалось нежелание самого Гренуя обрести свое место в обществе. В условиях новой культуры привычная система ориентации оказывается неадекватной, поскольку она основывается совсем на других представлениях о мире, иных нормах и ценностях, стереотипах поведения и восприятия. Несовпадение коммуникативных кодов рождает культурный шок.

Конечно, ситуация культурного обрыва решается с помощью создания Гренуем запаха, способного внушать людям любовь и расположение по отношению к его носителю. Но в тот момент, когда Гренуй достиг своей цели, он испытал глубочайшее разочарование. Приобретя собственный запах, Гренуй свободно вливается в человеческое сообщество. Видя, что отношение к нему изменилось, что люди восприняли его как себе подобного, он «презирает их за их вонючую глупость, ибо они позволили

ему обмануть и одурачить себя» [5. С. 182]. Гренуй чувствует себя одиноким, отверженным в новой для него культуре, что приводит к ее отрицанию. Нарушение ролевых ожиданий, осознание отсутствия чувства самоидентификации, тревога, которая переходит в негодование и отвращение после осознания культурных различий, – все эти симптомы культурного шока герой переживает сполна.

Попытка Гренуя с помощью запаха добиться расположения и любви окружающих его людей становится в итоге трагедией одиночества главного героя, который приходит к пониманию своей уникальности и, в связи с этим, невозможности существования в том обществе, в котором он живет. Все его попытки преодолеть культурный обрыв, все жертвы его жестоких убийств оказываются совершенно напрасными.

Главная цель была достигнута Гренуем, но это оказалось гибельным для него самого. Гренуй был разочарован. «То, чего он всегда так страстно желал, а именно чтобы его любил другие люди, в момент успеха стало ему невыносимо, ибо сам он не любил их, он их ненавидел. И внезапно он понял, что никогда не найдет удовлетворения в любви, но лишь в ненависти своей к людям и людей – к себе» [5. С. 281].

В финале романа Гренуй, осознав, что смысл жизни потерян навсегда, решает умереть. Апофеоз героя превратился в развенчание мечты и крах идеала: культурный шок приводит его к самоубийству. Таким образом, понимание Гренуем в результате культурного шока отсутствия у него самого культурной идентичности, восприятия себя как части той культуры, в которой он живет, стало главной причиной его отчуждения от общества и, в итоге, – неприятием самого себя.

Самоидентификация, а значит, конструирование собственной идентичности, происходит за счет сравнения индивида с другим индивидом, на основании чего осуществляется осознание себя в культурном аспекте. Гренуй прошел этот путь, но так и не нашел своего места в этом мире. Его не мучает раскаяние за убийство более двадцати ни в чем не повинных людей, он не задумывается над тем, что еще можно сделать для преодоления коммуникативного разрыва с окружающими. И главная причина этого – полное отсутствие ценностных ориентиров, деградация нравственной стороны личности в связи с изначально неверной

расстановкой приоритетов и выбором культурного кода, который раз и навсегда разделит главного героя и то общество, в котором он существует. Справедливости ради, нужно сказать, что выбор культурного кода, конечно же, не был в полной мере осмысленным Гренуем, — его природные, физиологические особенности стали той данностью, с которой он был вынужден жить и мириться. Уникальная способность к восприятию тончайших нюансов ароматов и запахов обусловила образ жизни героя и выбор его ценностных ориентиров.

Таким образом, роман П. Зюскинда «Парфюмер» показывает нам одну из форм небальной межкультурной коммуникации, осно-

ванной на гипертрофированном восприятии запахов и ароматов. Пример главного героя романа Гренуя показывает несостоятельность попыток преодоления культурного разрыва, если эти попытки не имеют под собой ценностно-смысловую ориентации, а также четкого понимания норм и правил культуры-коммуниканта. Вступая в межкультурный контакт, индивид-коммуникатор (а в более широком смысле, культура-коммуникатор) должен отдавать себе отчет в том, насколько нормы и ценности культуры-коммуниканта вписываются в его мировоззренческую систему, насколько он готов и желает их понять и принять.

Список литературы

1. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — 352 с.
2. Зиммель, Г. Из «Экскурса о социологии чувств» // Новое литературное обозрение. — 2000. № 43. — С. 5-13.
3. Зинченко, В. Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: учебное пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 224 с.
4. Зинченко, В. Г. Межкультурная коммуникация. Системный подход / В. Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. — Н.Новгород: НГЛУ, 2003. — 192 с.
5. Зюскинд, П. Парфюмер: История одного убийцы / П. Зюскинд. // пер. с нем. Э. В. Венгеровой. — СПб.: Азбука-классика, 2003. — 299 с.

Сведения об авторах

Мельник Мария Александровна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Магнитогорский государственный технический университет».

masikal@mail.ru.

Назарычева Алевтина Ивановна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Магнитогорский государственный технический университет».

alevtina.n76@mail.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 41–45.

THE PROBLEMS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE NOVEL «PERFUME» BY P.SUSKIND

Maria A. Melnik

Candidate of Philosophy, Assistant Professor of the Department of Cultural Studies and Social and Cultural activities, Magnitogorsk State Technical University, masikal@mail.ru

Alevtina I. Nazarucheva

Candidate of Philosophy, Assistant Professor of the Department of Cultural Studies and Social and Cultural activities, Magnitogorsk State Technical University, alevtina.n76@mail.ru

The article represents the novel «Perfume» by P. Suskind as the area of intercultural communication. The relations between the main character and the society surrounding him are analyzed from the point of their opposition, which resulted in the insoluble communicative break as well culture shock of the main character, which led him to the alienation from society and himself.

Keywords: *Intercultural Communication, culture code, communicative break, culture shock, the phenomenon of smell.*

References

1. Grushevitskaya, T G. Osnovy mezhkulturnoy kommunikatsii: uchebnik dlya vuzov [Fundamentals of Intercultural Communication: textbook for high schools]. Moscow, UNITY-DANA, 2003. 352 p. (In Russ.)
2. Simmel, G. Iz «Ekskursa o sotsiologii chuvstv» [Of Excursions of the sociology of the senses]. *New Literary Review*. 2000. № 43. pp. 5 – 13. (In Russ.)
3. Zinchenko, V. G. Mezhekulturnaya kommunikatsiya. Ot sistemnogo podhoda k sinergeticheskoy paradigme: uchebnoe posobie [Intercultural communication. From a systemic approach to the synergetic paradigm]. Moscow, Flint: Science, 2007. 224 p. (In Russ.)
4. Zinchenko, V. G. Mezhekulturnaya kommunikatsiya. Sistemnyy podhod [Intercultural communication. Systems approach]. Nizhny Novgorod: NGLU, 2003. 192 p. (In Russ.)
5. Zyuskind, P. Parfyumer: Istoriya odnogo ubiytsyi [Perfume: The Story of a Murderer]. SPb.: Azbuka-klassika, 2003. 299 p. (In Russ.)

Статья публикуется впервые, согласны на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 343.97
ББК 67

Н.С. Гордеев

ЭКСТРЕМИСТСКАЯ СУБКУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Особенности проявления религиозного экстремизма и основные направления противодействия ему на примере регионов Приволжского федерального округа (Саратовской, Ульяновской областей и Республики Татарстан)», № 14-33-01231

Исследована специфическая субкультура, носителями которой выступают члены различных экстремистских организаций и групп. Предложено авторское определение понятия «экстремистская субкультура» и рассмотрены ее основные разновидности с учетом сложившихся подходов к изучению криминальной субкультуры. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа нормативных актов, судебной-следственной практики и Федерального списка экстремистских материалов.

Ключевые слова: экстремизм, криминальная субкультура, контркультура, религиозный экстремизм, противодействие.

В последние годы в России существенно возросла опасность, исходящая от экстремистских организаций, но, несмотря на имеющиеся угрозы, противодействие экстремизму остается проблемным направлением в работе правоохранительных органов. Слабая научная разработка отдельных аспектов экстремизма и отсутствие четкой правовой интерпретации ряда понятий влекут существенное снижение эффективности мер, направленных против данного негативного явления. Очевидно, что члены экстремистских организаций и групп являются носителями специфической субкультуры, способствующей самодетерминации экстремизма и его широкому распространению. Термин «экстремистская субкультура» все чаще упоминается в актах региональных и муниципальных органов, всевозможных методических рекомендациях по профилактике экстремизма, но остается малоизученным в криминологической науке.

Интерпретировать термин «экстремистская субкультура» – означает выяснить сущность явления и дать дефиницию, что возможно лишь с учетом накопленного опыта исследования криминальной субкультуры. В этой связи важны работы Ю.К. Александрова, В.М. Анисимкова, Ю.М. Антоняна, О.Н. Бибика, А.И. Долговой, Д.А. Корецкого, В.Н. Кудрявцева, О.В. Старкова, В.В. Тулегенова и др. В настоящий момент изучены отдельные аспекты экстремист-

ской субкультуры. Так, например, различные проявления экстремизма в молодежной среде и его влияние на молодежную субкультуру и контркультуру рассматривались в работах Д.И. Аминова, Л.В. Баевой, О.А. Корниловой, Р.Э. Оганяна, Н.М. Романенко, Г.П. Звездиной и др. В ряде статей анализировались особенности экстремистской среды неоязычников (М.К. Арчаков) и футбольных фанатов (В.В. Граник). О распространении экстремистской идеологии в местах лишения свободы, формировании феномена пенитенциарного экстремизма писали Э.В. Зауторова, А.А. Иванова, В.Г. Лещенко, А.В. Павлинов, А.В. Петрянин.

Одним из примеров использования термина «экстремистская субкультура» в региональных нормативных актах является Письмо Министерства образования и науки Челябинской области от 11.05.2011 № 24/2585 «О методических рекомендациях по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде», где отмечено, что распространение указанного явления выступает одной из форм экстремистской активности. Примечательно, что прилагаемые к Письму «Методические рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде» разработаны Министерством спорта и туризма России совместно с МВД и ФСБ. Терминология рассмотренного акта не является случайной, т.к. она была использована применительно-

но к конкретным группам молодежи, находящимся в «зоне риска» распространения идей и практики экстремизма.

В криминологической науке на сегодняшний день существует дискуссия о допустимости использования термина «субкультура» при изучении уголовного мира. Например, А.И. Долгова считает, что оценка преступной среды как субкультуры возможна при признании «ее базирования на тех же основополагающих ценностях, что и культуры общества...» [1. С. 316]. Более приемлемым, по мнению ряда исследователей, является термин «контркультура», подходящий, на первый взгляд, к изучению экстремизма в силу того, что «...целью контркультуры является изменение в широком смысле общественного строя, самого общества» [2. С. 60].

В социологических исследованиях под контркультурой понимается молодежная контркультура в конкретно-историческом контексте – социальный феномен второй половины XX века, отличительными особенностями которого являются: рок-музыка, «культура наркотиков», увлечение нетрадиционными религиями и сексуальная раскрепощенность [3. С. 253]. С точки зрения С.И. Левиковой, в молодежной среде часто имеет место «симбиоз» субкультуры и контркультуры, которую нельзя толковать расширительно применительно к преступному миру, маргиналам и бомжам [4. С. 330-331].

Не исключено, что экстремистская субкультура в националистической и религиозной среде может иметь задачи, свойственные контркультуре, такие, как: «формирование новых отношений между людьми; формирование и принятие новых ценностей; выработка новых социальных и моральных норм, принципов, идеалов, этических и эстетических критериев» [4. С. 336]. Такое совпадение нельзя абсолютизировать, ведь экстремистская субкультура, так же, как криминальная в целом, «является частью культуры в самом широком понимании этого слова» [5. С. 40]. Рассматриваемый феномен зачастую находится под влиянием национальных, религиозных и региональных особенностей. При этом идеологическая концепция, лежащая в основе экстремистской субкультуры, может представлять не выработку новых ценностей, а интерпретацию уже имеющихся философских доктрин или традиционных религиозных верований. И.В. Ковшова считает, что контркультура соприкасается с официальной культурой, «находится в постоянной

конфронтации с последней, предлагая иные смыслы, ценностные критерии, культурные установки, что, впрочем, не мешает ее ассимиляции с исходной культурой, превращению в одну из граней культуры официальной» [6. С. 12]. Поэтому субкультура также выступает как «специфическая сфера культуры, отличающаяся собственным ценностным строем, обычаями, нормами» [3. С. 252]. Данный фактор, в конечном счете, предопределяет «живучесть» рассматриваемого явления. Как справедливо отметила Н.М. Романова, содержание различных видов криминальных субкультур «...представляет собой сплав криминальных ценностей и внешне приемлемых, социализированных форм поведения, ... возникают новые социально-психологические механизмы приобщения к криминальной деятельности, когда втягивание неустойчивой, конформной личности в преступную деятельность происходит постепенно...» [7. С. 83].

Именно через призму вышеуказанных характеристик интерпретируется понятие «криминальная субкультура». На основе имеющихся определений можно выделить следующие особенности криминальной субкультуры.

Выступает в качестве адаптированной к преступным реалиям системы ценностей и норм, регулирующих поведение лиц, совершающих преступления. Так, по мнению О.В. Старкова, криминальная субкультура понимается как «обработанная преступным миром под себя система человеческих ценностей, духовных, интеллектуальных, материальных, эстетических норм...» [8. С. 18]. В.В. Шемякина дает более обширный перечень «нормативной» составляющей рассматриваемого явления, включая, «систему политических, идеологических, правовых, нравственных, философских, религиозных, эстетических «норм» ...» [2. С. 46].

Представляет собой, по мнению В.М. Анисимова, сложную систему неформальных отношений [9. С. 3]. В первую очередь это характерно для специфической разновидности криминальной субкультуры – тюремной, для которой свойственна жесткая иерархия. Система взаимоотношений в тюремной среде оказывает существенное влияние на коммуникативную сферу криминальной субкультуры в целом, включающей в себя специфический жаргон, сеть нелегальной переписки, «сходки», различные способы «чистки» рядов [9. С. 28].

Предопределяет специфический образ жизнедеятельности человека, связанного с

совершением общественно опасных деяний. Ю.К. Александров понимает под криминальной субкультурой «образ жизнедеятельности лиц, объединившихся в криминальные группы и придерживающихся определенных законов, традиций» [10. С. 8]. Для Д.А. Корецкого и В.В. Тулегенова рассматриваемое явление, в первую очередь, это «совокупность ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения, направленных на наиболее рациональную организацию жизнедеятельности, целью которой является совершение преступлений, их сокрытие и уклонение от ответственности» [11. С. 17]. В данном определении криминальной субкультуры также обращается внимание на идеологическое обоснование целесообразности преступной деятельности и атрибутивные особенности. В.В. Шемякина указывала даже на «...манеру поведения, образ мышления и традиции лиц, совершивших преступление или отбывавших (отбывающих) наказание в местах лишения свободы, со своими отличительными чертами в зависимости от пола и возраста осужденных, режима исправительного учреждения, тяжести совершенного уголовно-правового деяния» [2. С. 46].

Имеет определенные атрибуты, которые могут быть объективированы на материальном носителе (литература, татуировки и др.). Эту особенность отмечает большинство исследователей криминальной и тюремной субкультур, но зачастую ими не обращается внимания на его существенное видоизменение в современном обществе.

В Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии экстремистской деятельности» закреплено, что экстремизм (экстремистскую деятельность) составляют как общественно опасные деяния, так и административные правонарушения. По мнению О.Н. Библика, несмотря на то, что слово «криминальная» (применительно к субкультуре) указывает на совершение преступлений, «существуют и иные правонарушения, имеющие перспективы трансформироваться, перерасти в преступные деяния» [12. С. 184]. Сказанное полностью соотносится с деятельностью по производству и распространению экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП РФ) и пропаганде либо публичном демонстрировании нацистской атрибутики или символики (ст. 20.3 КоАП РФ). Совершение одного из указанных правонарушений или их совокупности может свидетельствовать о формировании экстре-

мистской субкультуры, а также служить основанием для запрета организации, признании ее экстремистской судебным решением, что имело место в отношении «Свидетелей Иеговы» в г. Самаре [13]. Таким образом, понятие «экстремистская субкультура» следует интерпретировать с учетом разнообразия форм проявления экстремизма, его преимущественно криминальной и антигосударственной направленности.

В вопросе рассмотрения структуры криминальной субкультуры следует выделить два основных подхода. В первом случае акцент делается на атрибутивной стороне криминальной субкультуры, структура которой включает в себя: стратификационно-стигмативные элементы, закрепляющие положение того или иного члена преступного сообщества; коммуникативные атрибуты (жаргон, жесты и др.); экономические атрибуты и принципы оказания материальной помощи; сексуально-эротические ценности, т.е. отношение к лицам как противоположного, так и своего пола; тюремную лирику; отношение к своему здоровью; алкоголизм, наркоманию и токсикоманию, которые выступают как средство «сплочения», самоутверждения и разгрузки [10. С. 9-10]. Сторонники другого подхода рассматривают криминальную субкультуру через ее разновидности: субкультура представителей профессиональной преступности; субкультура представителей организованной преступности; субкультура наркоманов [14. С. 224]. В этой связи следует сказать, что В.М. Анисимков фактически спрогнозировал расширение сферы криминальной субкультуры за счет пополнения рядов криминала молодежью, «люмпенами», «фашиствующими», «панками» [9. С. 37]. Наиболее часто в научных работах делается акцент на общеуголовном аспекте криминальной субкультуры. Однако логично предположить, что с ростом экстремистской преступности формируется специфическая среда, имеющая все признаки криминальной субкультуры, но в то же время качественно отличающаяся от иных ее разновидностей.

Во-первых, экстремистская идеология, особенно если она основана на религиозной доктрине, полностью предопределяет и регламентирует образ жизни человека. Это основа для формирования сплоченных экстремистских организаций. Поэтому в экстремистской субкультуре происходит гиперболизация такого признака, как образ жизнедеятельности, связывающий человека с экстремистской актив-

ностью в отношении определенного «врага». Например, у скинхедов существует культ расового превосходства, что, в конечном счете, приводит к криминальному насилию по мотиву ненависти, а у футбольных фанатов такая агрессия часто направлена против представителей правоохранительных органов и болельщиков иных клубов.

Во-вторых, экстремистская субкультура отражает дифференциацию самого экстремизма, который согласно с п. 11 «Стратегии противодействия экстремизму до 2025 года», включает в себя наиболее опасные виды: националистический, религиозный и политический. Следует согласиться с Е.Н. Романовой в том, что экстремистская субкультура выступает свойством лишь организованного экстремизма, основанного «на системной модели мира, в рамках которой экстремистская активность рассматривается как один или единственный метод улучшения мира и решения существующих проблем» [15. С. 84]. Учитывая вышеназванные положения и доминирующую идеологическую направленность организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», наиболее распространенными разновидностями экстремистской субкультуры являются следующие:

– *расистско-националистическая*, культивируемая в многочисленных неоязыческих организациях (Духовно-Родовая Держава Русь, Славянская Община Капища Веды Перуна Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглиистической церкви Православных Староверов-Инглингов и др.), «правых» движениях («Северное Братство», «Славянский Союз», «Русское национальное единство» и др.) и даже в некоторых фанатских клубах (например, в запрещенной судом Кировской региональной общественной организации «Клуб Болельщиков Футбольного Клуба «Динамо» Киров»);

– *религиозная*, основанная на религиозной доктрине и распространенная в организациях преимущественно исламской направленности («Нурджулар», «Ат-Такфир Валь-Хиджра», «Джамаат мувахидов», «Таблиги Джамаат» и др.), некоторых псевдохристианских («Свидетели Иеговы» в г. Самаре и г. Таганроге) и сатанинских («Благородный Орден Дьявола») группах;

– *политическая*, являющаяся отличительной чертой членов «Национал-большевистской партии», «Национал-социалистического общества», «Правого сектора», «Украинской национальной ассамблеи – Украинская народная самооборона», «Украинской повстанческой армии», организации «Тризуб им. Степана Бандеры» и др.

В-третьих, первопричиной экстремизма и основой его идеологии является нетерпимость (интолерантность) [16. С. 29], имеющая обоснование в отдельных философских или религиозных концепциях, зачастую существенно искаженных экстремистами. Например, с точки зрения В.В. Граника, по своим идейным убеждениям скинхеды представляют собой «суррогат патриотической идеи» [17. С. 30]. Нетерпимость накладывает отпечаток на атрибутивные и коммуникативные элементы экстремистской субкультуры. Известно, что музыка является одним из важнейших способов самоопределения молодежи, в том числе принадлежащей к экстремистской субкультуре. В Федеральный список экстремистских материалов на 01.04.2015 г. внесено 40 музыкальных произведений таких исполнителей, как «Order», «Циклон Б», «Коловрат», «Безумные усилия», «Психея», «Бухенвальд Флава», «Сейтар». Названия и тексты песен свидетельствуют о том, что они относятся к националистическо-расистской экстремистской субкультуре: «Музыка белых», «Хрустальная ночь», «Убей мента», «Мертвый жид» и др. Нередко сторонники экстремистской идеологии наносят специфические татуировки, например, в виде свастики, в том числе видоизмененных форм (распространен «Коловрат»), всевозможных рун (в основном «Одал»), изображения лидеров нацистской партии и т.п. В Государственной Думе Федерального Собрания РФ в начале февраля 2015 г. был разработан законопроект, направленный против нанесения подобных татуировок. За осуществление указанной деятельности тату-салоны предлагается штрафовать до 500 тыс. руб., а в случае повторного нарушения – закрывать [18]. Коммуникативную сферу субкультуры, в свою очередь, отличает не жаргон, а активное использование «языка вражды», то есть «все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, нетерпимость в виде агрессивного национализма

или этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями» [19. С. 11].

В-четвертых, в отличие от общеуголовной криминальной субкультуры в экстремистской нет жесткого разграничения ее сторонников на касты (стратификации) с соответствующими стигмативными элементами, ведь ее зачастую отличает универсализм, а также предназначение для самых широких слоев населения вне зависимости от национальности или социальных различий. Такова, например, концепция ваххабизма, направленного против различных нововведений, которые основаны на культурных, этнических или каких-то других особенностях тех или иных мусульманских народов (в России это татары, башкиры, чеченцы и др.). Носителями таких взглядов становятся, согласно п. 19. «Стратегии противодействия экстремизму до 2025 года», «...приверженцы радикальных течений ислама, которые не относятся к представителям народов, традиционно исповедующих ислам, однако отличаются религиозным фанатизмом...». Следствием этого является применение насилия к представителям духовенства, что имело место летом 2012 г. в Татарстане, где в результате покушения был ранен муфтий республики и убит его заместитель.

В-пятых, уникальны экономические атрибуты в экстремистской субкультуре и принципы оказания материальной помощи, предопределяемые также определенной идеологией. Здесь можно отметить наиболее распространенные модели:

– финансирование через различные благотворительные фонды, в том числе, зарубежные (например, исламские экстремистские организации в Чечне поддерживались международным фондом «Аль-Харамейн», который признан Верховным Судом РФ террористической организацией в 2003 г.);

– внутренние источники финансирования посредством внесения добровольных пожертвований (могут быть использованы в личных целях руководителей организаций, особенно в сектантских);

– принудительное финансирование, что фактически представляет собой вымогательство (на Северном Кавказе через систему «закят» местных предпринимателей).

В-шестых, алкоголизм, наркомания, токсикомания не выступают средством «сплочения» в экстремистской субкультуре. Основной

формой консолидации членов большинства экстремистских формирований являются совместные собрания, отправленные определенных ритуалов, в некоторых случаях и публичные выступления. Преимущественно адепты экстремистской идеологии собираются для изучения основополагающих источников. Законспирированные ячейки периодически выявляются в регионах России, наиболее часто это структурные подразделения религиозных экстремистских организаций, например, «Нурджулар» (последний случай произошел в г. Ульяновске в 2014 г.) [20]. и «Хизб ут-Тахрир» (выявлена в 2014 г. в Татарстане). [21].

В-седьмых, члены экстремистских организаций стремятся распространить свое влияние в местах лишения свободы, о чем могут свидетельствовать факты выявления их структурных подразделений в колониях [22]. Во многом такое «расширение» активности удается вследствие увеличивающегося количества осужденных к лишению свободы за экстремистскую деятельность [23. С. 49]. Следует отметить, что экстремистская субкультура в колониях в целом сохраняет вышеперечисленные отличительные особенности и не образует какой-либо отдельной разновидности.

Итак, можно прийти к выводу, что под экстремистской субкультурой понимаются обусловленные экстремистской идеологией образ жизнедеятельности членов экстремистских формирований, а также система атрибутивных, коммуникативных и экономических признаков. Криминологическое значение экстремистской субкультуры обусловлено важностью ее изучения в контексте совершенствования мер противодействия экстремизму. Внутренний облик человека, его поведенческие установки формируются путем усвоения информации о ценностных ориентациях общества и в дальнейшем проявляются в поступках. Нетрудно предположить, какие негативные процессы происходят в среде, где утверждена экстремистская идеология, существенным свойством которой является ненависть. В.Н. Кудрявцев совершенно справедливо отмечал, что «отсутствие в системе ценностей человека такого принципа, как уважение к другим людям, превращает ее в мировоззрение эгоиста, эгоцентриста... <> пробел в системе ценностей неизбежно заполняется представлениями с противоположным знаком: если не ценится личность, то, значит, главенствующая роль принадлежит искаженным групповым (националистическим, кла-

новым и т.д.) или эгоистическим интересам и представлениям» [24. С. 169]. Именно экстремистская субкультура выступает той конфликтотогенной средой, где формируется мотивация к совершению преступлений экстремистской направленности, поэтому следует учитывать ее особенности, чтобы сделать противодействие экстремизму более действенным.

Список литературы

1. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2005.
2. Шемякина, В.В. Криминальная субкультура в современной России: Дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2010.
3. Донских, Д.Г. Понятие и соотношение терминов «субкультура» и «контркультура». Криминальная субкультура / Д.Г. Донских // Бизнес в законе. – 2009, № 2.
4. Левикова, С.И. Неформальная молодежная субкультура: Монография / С.И. Левикова. – М., 2010.
5. Макаров, В.В. Криминальная субкультура как внутренний источник воспроизводства преступности / В.В. Макаров // Российский следователь. – 2014. № 4.
6. Ковшова, И.В. Философско-теоретическая модель контркультуры: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2007.
7. Романова, Н.М. Вовлечение личности в криминальную деятельность: к постановке проблемы / Н.М. Романова // Известия Саратовского университета. Нов. серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2013. Т. 13, Вып. 3.
8. Старков, О.В. Криминальная субкультура: спецкурс / О.В. Старков. – М., 2010.
9. Анисимков, В.М. Тюрьма и ее законы. – Саратов, 1998.
10. Александров, Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. – М., 2001.
11. Корецкий, Д.А., Тулегенов, В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. – СПб., 2006.
12. Бибик, О.Н. Культурологический подход в криминологии / О.Н. Бибик // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2010. № 3 (24).
13. Решение Самарского областного суда от 29 мая 2014 г. // Росправосудие. – URL: <https://rospravosudie.com/court-samarskij-oblastnoj-sud-samarskaya-oblast-s/act-452867993/> (дата обращения 20.04.2015 г.).
14. Тулегенов, В.В. Криминальная субкультура: понятие, структура и соотношение со смежными понятиями / В.В. Тулегенов // Вестник АГТУ. – 2005, № 5 (28).
15. Романова, Е.Н. Условия формирования экстремистских проявлений в молодежной среде и модели их профилактики / Е.Н. Романова // Мир науки, культуры, образования. – 2014, № 1 (44).
16. Меркурьев, В.В., Агапов, П.В. Криминологическая характеристика преступности, связанной с организацией экстремистского сообщества / В.В. Меркурьев, П.В. Агапов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013, № 1.
17. Граник, В.В. Характеристика среды националистическо-расистской направленности / В.В. Граник // Российский следователь. – 2013, № 8.
18. Аветисян, Р., Змановская, А. В тату-салонах России запретят наносить свастику // Известия. 03.02.2015 г.
19. Приложение к рекомендации № R (97) 20 Комитета министров государствам-членам по вопросам «разжигания ненависти» от 30.10.1997 г. // Язык вражды в СМИ. Правовые и этические стандарты / Под редакцией Г.Ю. Араповой. – Воронеж, 2011.
20. В Ульяновске четверых местных жителей обвиняют в создании ячейки «Нурджулар» // Информационно-аналитический центр «Сова». – URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2014/11/d30653/> (дата обращения 20.04.2015 г.).
21. В Татарстане прошла спецоперация, задержаны восемь местных лидеров «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» // ИА REGNUN. – URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1856615.html> (дата обращения 20.04.2015 г.).
22. Муфтия заподозрили в проникновении в колонию // Коммерсантъ. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2313901> (дата обращения 20.04.2015 г.).

23. Лещенко, В.Г. Предупреждение прозелитизма и деятельности религиозных экстремистских структур и сект в местах лишения свободы / В.Г. Лещенко // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2011, № 4 (18).

24. Кудрявцев, В.Н. Преступность в кризисном обществе // Кудрявцев В.Н. Избранные труды по социальным наукам. В 3 т. / В.Н. Кудрявцев. Т. 2: Криминология, социология, конфликтология. – М., 2002.

Сведения об авторе

Гордеев Никита Сергеевич – аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

nikita-rus73@mail.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 46–53.

EXTREMIST SUBCULTURES: PROBLEMS OF INTERPRETATION AND CRIMINOLOGICAL VALUE

Nikita S. Gordeev

postgraduate student at the Department of Criminal and Criminal-executive Law, Saratov State Academy of Law, nikita-rus73@mail.ru

The article deals with the study of specific subculture carriers, which are members of various extremist organizations and groups. It is given the author's definition of "extremist subculture" and is considered its main varieties with the existing approaches to the study of the criminal subculture. The implementation of research tasks was achieved by analyzing the regulations, judicial and investigative practice, and the Federal List of Extremist Materials.

Keywords: *extremism, criminal subculture, counterculture, religious extremism counteraction.*

References

1. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2005.
2. Шемякина, В.В. Криминальная субкультура в современной России: Дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2010.
3. Донских, Д.Г. Понятие и соотношение терминов «субкультура» и «контракультура». Криминальная субкультура / Д.Г. Донских // Бизнес в законе. – 2009, № 2.
4. Левикова, С.И. Неформальная молодежная субкультура: Монография / С.И. Левикова. – М., 2010.
5. Макаров, В.В. Криминальная субкультура как внутренний источник воспроизводства преступности / В.В. Макаров // Российский следователь. – 2014. № 4.
6. Ковшова, И.В. Философско-теоретическая модель контракультуры: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2007.
7. Романова, Н.М. Вовлечение личности в криминальную деятельность: к постановке проблемы / Н.М. Романова // Известия Саратовского университета. Нов. серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2013. Т. 13, Вып. 3.
8. Старков, О.В. Криминальная субкультура: спекурс / О.В. Старков. – М., 2010.
9. Анисимов, В.М. Тюремная и ее законы. – Саратов, 1998.
10. Александров, Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. – М., 2001.
11. Корецкий, Д.А., Тулегенов, В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. – СПб., 2006.

12. Bibik, O.N. Kul'turologicheskij podhod v kriminologii / O.N. Bibik // Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Pravo». – 2010. № 3 (24).

13. Reshenie Samarskogo oblastnogo suda ot 29 maja 2014 g. // Rospravosudie. – URL: <https://rospravosudie.com/court-samarskij-oblastnoj-sud-samarskaya-oblast-s/act-452867993/> (data obrashhenija 20.04.2015 g.).

14. Tulegenov, V.V. Kriminal'naja subkul'tura: ponjatie, struktura i sootnoshenie so cmezhnymi ponjatijami / V.V. Tulegenov // Vestnik AGTU. – 2005, № 5 (28).

15. Romanova, E.N. Uslovija formirovanija jekstremistskih projavlenij v molodezhnoj srede i modeli ih profilaktiki / E.N. Romanova // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. – 2014, № 1 (44).

16. Merkur'ev, V.V., Agapov, P.V. Kriminologicheskaja harakteristika prestupnosti, svjazannoj s organizaciej jekstremistskogo soobshhestva / V.V. Merkur'ev, P.V. Agapov // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava. – 2013, № 1.

17. Granik, V.V. Harakteristika sredy nacionalisticheskoro-rasistskoj napravlenosti / V.V. Granik // Rossijskij sledovatel'. – 2013, № 8.

18. Avetisjan, R., Zmanovskaja, A. V tatu-salonah Rossii zapretjat nanosit' svastiku // Izvestija. 03.02.2015 g.

19. Prilozhenie k rekomendacii № R (97) 20 Komiteta ministrov gosudarstvam-chlenam po voprosam «razzhiganija nenavisti» ot 30.10.1997 g. // Jazyk vrazhdy v SMI. Pravovyje i jeticheskie standarty / Pod redakciej G.Ju. Arapovoj. – Voronezh, 2011.

20. V Ul'janovske chetveryh mestnyh zhitelej obvinjajut v sozdanii jachejki «Nurdzhular» // Informacionno-analiticheskij centr «Sova». – URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2014/11/d30653/> (data obrashhenija 20.04.2015 g.).

21. V Tatarstane proshla specoperacija, zaderzhany vosem' mestnyh liderov «Hizb-ut-Tahrir al-Islami» // IA REGNUN. – URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1856615.html> (data obrashhenija 20.04.2015 g.).

22. Muftija zapodozrili v proniknovenii v koloniju // Komersant#. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2313901> (data obrashhenija 20.04.2015 g.).

23. Leshhenko, V.G. Preduprezhdenie prozelitizma i dejatel'nosti religioznyh jekstremistskih struktur i sekt v mestah lishenija svobody / V.G. Leshhenko // Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja praktika. – 2011, № 4 (18).

24. Kudrjavcev, V.N. Prestupnost' v krizisnom obshhestve // Kudrjavcev V.N. Izbrannye trudy po social'nym naukam. V 3 t. / V.N. Kudrjavcev. T. 2: Kriminologija, sociologija, konfliktologija. – M., 2002.

Статья публикуется впервые, согласен на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 316.33
ББК 87.6

И. Р. Камалиева

СИСТЕМА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ КАК РЕГУЛЯТОР СОЦИАЛЬНОЙ НОРМЫ

В статье анализируется проблема отождествления в общественном сознании понятий «наказание» и «привлечение к ответственности» применительно к пенитенциарной системе. Проанализировано несоответствие юридического термина «привлечение к ответственности» философскому понятию ответственности, и, соответственно, спорность принципов деятельности системы исполнения наказаний как регулятора социальной нормы.

Ключевые слова: ответственность, привлечение к ответственности, наказание, система исполнения наказаний, социальная норма.

Социальная норма, являясь понятием междисциплинарным, подразумевает гармоничное сосуществование политических, правовых, морально-этических, эстетических, религиозных и корпоративных норм. Она представляет собой желаемое для общества поведение человека или сообщества людей. Крайней формой отклонения от социальной нормы является уголовное преступление, т.е. нарушение правовой нормы, обеспечиваемое государственным принуждением и часто наказуемое изоляцией от общества, так называемым лишением свободы, или смертной казнью (в отдельных странах). Отношение общества к людям, преступившим закон, при существенных различиях в различных государствах, в большинстве своем, негативное. Данный фактор является одним из затрудняющих ресоциализацию людей, преступивших закон, и, тем самым, провоцирующих рецидивные правонарушения.

Согласно официальной статистике Федеральной службы исполнения наказаний России, в тюрьмах, исправительных колониях для взрослых и несовершеннолетних, следственных изоляторах для взрослых, находящихся на территории Российской Федерации, по состоянию на 1 января 2015 г., находятся 671 700 человек (7 место в мире), а из контингента, впервые осужденного в 2014 г., более половины являются рецидивистами. Уровень преступности в России в последние годы существенно не снижается [4]. Таким образом, около 0,5% населения России находится в местах лишения свободы. Эти показатели свидетельствуют о необходимости анализа принципов устройства системы исполнения наказаний, ее исторического развития с целью определения принципов ее наиболее эф-

фективного дальнейшего функционирования в контексте современной социальной нормы для предотвращения рецидивных преступлений.

Развитие государственности, законодательства, социальных отношений и возрастающего социального благополучия непосредственным образом сказалось и на трансформации системы исполнения наказаний как одного из инструментов правового регулирования социальной нормы.

Сочетание слов «привлечение к ответственности» в общественном сознании неизменно ассоциируется с системой исполнения наказаний и лишением свободы преступившего закон человека, а парадоксальность такого общественного явления, как привлечение к ответственности путем лишения свободы, странным образом, крайне редко вызывает научные споры. Таким же парадоксальным образом отождествляются понятия «наказание» и «привлечение к ответственности». Это дает основания утверждать, что сама глобальная система исполнения наказаний имеет понятийную абстрактность на самом фундаментальном уровне.

Само определение юридической ответственности как «применение мер государственного принуждения к виновному лицу за совершенное правонарушение... правоотношение, в которое вступает государство, в лице его компетентных органов, и правонарушитель, на которого возлагается обязанность претерпеть соответствующие лишения за совершенное им правонарушение» [5. С. 140] подтверждает, что речь идет скорее о наказании, чем о привлечении к ответственности, и далеко не о том, как чувство ответственности в процессе наказания выработать.

Из истории развития системы исполнения наказаний можно узнать, что лишение свободы начало применяться в качестве наказания впервые, в основном, заточением преступника в монастырь. Отчасти, гуманизм системы не вызывает сомнений – провинившийся перед законом человек, хоть и принудительно, но вынужден был приобщаться к религиозной морали. Общеизвестно, что в Средние века законотворчество еще не сформировалось, и преступлением считалось несоблюдение некоторых Божьих заповедей. В данном случае, элемент привлечения человека к ответственности сохранялся, несмотря на имеющее место быть лишение свободы. Средневековую систему исполнения наказаний можно охарактеризовать как «заповедную».

С началом Нового времени, с возникновением зачатков законодательства, система исполнения наказаний также претерпела изменения. Появились тюрьмы и каторга. Элемент религиозной морали из системы выпал, уступив место лишению свободы в чистом виде в качестве наказания без призыва к какой-либо морали вообще. «Новую» систему можно охарактеризовать как «наказательную». В итоге, как человек Нового времени, так и наш современник, преступивший закон, получает только наказание и обретает новый для себя страх – страх ограничения свободы. Но уровень ответственности осужденного от этого вряд ли станет выше, потому как осужденный человек оказывается в среде таких, же преступивших закон людей, что способствует адаптации его к новым социальным условиям, к новому сообществу с отличными от «нормального» общества нормами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что целью наказания является устрашение, а не повышение уровня ответственности личности, следовательно, уголовное наказание не гарантирует того, что человек не совершит повторного преступления. Соответственно, система исполнения наказаний не оправдывает ожиданий общества в своей эффективности в полной мере.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что уголовное наказание, являющееся, в сущности, законодательно признанным инструментом государственного возмездия, не может являться мерой привлечения к ответственности в широком философском смысле. В связи с этим, дальнейшее отождествление в общественном сознании понятий «наказание» и «привлечение к ответственности» мо-

жет привести к дальнейшей малоэффективной работе пенитенциарной системы в отношении профилактики рецидивов и снижения роста преступности.

Согласно определению, «наказание – применение каких-либо неприятных или нежелательных мер в отношении человека или животного в ответ на неповиновение или на неуютное или морально неправильное поведение. Наказание может использоваться для формирования у индивидуума социально приемлемой модели поведения и социальных поступков» [5. С. 21].

Однако наказание в виде лишения свободы не является с точки зрения философии методом привлечения к ответственности, и, следовательно, современная система исполнения наказаний не является совершенной, что подтверждается высоким уровнем рецидивных правонарушений со стороны освободившихся осужденных, и требует модернизации. Важное значение, как в доктрине уголовного права, так и для развития философской мысли, имела теория диалектического возмездия Гегеля. Согласно учению Гегеля, «наказание является необходимым возмездием со стороны самого права как выражения разумной, свободной воли за преступление, которое является выражением частной воли, отрицающей право» [3. С. 50]. Бартом утверждал, что наказание безнравственно, но, тем не менее, оно необходимо для государства и общества. Л. Фейербах видел в наказании психическое принуждение [2. С. 161].

Таким образом, согласившись с двумя последними авторами, можно сделать вывод о том, что система исполнения наказаний в современном ее состоянии представляет собой явление культивирования норм больше асоциальных, нежели социальных.

Учитывая развитие информационно-компьютерных технологий, можно предположить, что становится экономически выгоднее ограничивать передвижение человека, применяя уже имеющиеся электронные браслеты и чипы, нежели содержать его в местах лишения свободы. Таким образом, можно говорить о возможной в ближайшее время системе исполнения наказаний как об «ответственной» в связи с возрастанием социальной ответственности объекта системы исполнения наказаний из-за перспективы нахождения «чипированного» преступника в обществе. Факт совместного общественного сосуществования законопослушного населения и «окольцованных»

или чипированных преступников может стать дополнительным фактором социальной напряженности. Поэтому исследование проблемы пенитенциарной системы как социального института актуализируется еще больше. Возникает новая проблема – выработка чувства ответственности во избежание рецидивных преступлений со стороны находящихся в обществе неизолированных осужденных людей с ограничением передвижения.

Таким образом, возникает необходимость рассмотрения социальной нормы в условиях трансформации системы исполнения наказаний. Внедрение чипов и ограничение передвижения решает проблему наказания частично, и, в свою очередь, деформирует современные социальные нормы, меняющиеся под воздействием нахождения в обществе неизолированных преступников. Учитывая, что человек является существом социальным, можно применить в качестве альтернативы лишению свободы, к примеру, общественное порицание, с последующей реабилитацией преступника при помощи технологий личного и коллективного социально направленного творчества, волонтерской деятельности, исправительных работ в социальных службах. Данные методы привлечения к ответственности личности могут вызывать большую социальную ответственность,

под которой «...целесообразно понимать ответственность любого социального субъекта перед обществом за последствия своих действий, имеющих социальный характер в любой сфере жизнедеятельности (экономической, экологической, трудовой, политической и др.)» [1. С. 66].

Социальная ответственность неразрывно связана с личной ответственностью, которая, в свою очередь, находится во взаимосвязи со свободой личности. К сожалению, сложившаяся эволюционно система исполнения наказаний не способствует формированию внутренней свободы человека, а только адаптирует, «ломает» его под «систему». По мнению Л.С. Соловьевой, «... личность определяется творческой активностью, коренящейся в свободе. Причем существенное значение в данном случае имеет свобода именно внутренняя... Активность, лишенная внутренней свободы, пассивна, детерминирована извне» [3. С. 74-78].

Таким образом, закономерен вывод, что реабилитация преступников и их полноценная интеграция в общество возможны только при предоставлении людям, преступившим закон, возможности свободного социально значимого творчества и гуманного отношения со стороны общества в предоставлении такой возможности.

Список литературы

1. Аникеева, О. П. Дефиниция социальной ответственности в контексте социологического знания / О. П. Аникеева, Л. М. Симонова, Э. М. Лимонова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011, № 8. – С. 62–66.
2. Гринберг, М. С. Понятие наказания в уголовном праве / М. С. Гринберг // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2009. Выпуск № 3. – С. 159–167.
3. Соловьева, Л.С. Проблема свободы и ответственности в контексте социальной модернизации / Л. С. Соловьева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. Выпуск № 3. – С.74–78.
4. Официальный сайт ФСИН России. –URL:<http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/>.
5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (в 82 т.). – СПб., 1907. – Т. 40. – С. 25–26.
6. Gans, E. Grundlinien der Philosophie des Rechts/ E. Gans. – URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/gegel/4/.

Сведения об авторе

Камалиева Ирина Ринатовна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета.
irina.kamalieva@yandex.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 54–57.

PENITENTIARY SYSTEM AS A REGULATOR OF SOCIAL NORMS

Irina R. Kamaliev

*Candidate of Philosophical Sciences, Assistant professor, Department of Social work and Sociology,
Chelyabinsk State University, irina.kamaliev@yandex.ru*

The article analyzes the problem of identification in the public consciousness the concepts of “punishment” and “bring to justice” in relation to the prison system. There is analyzed the legal inconsistency of the term “bring to justice” the philosophical notion of responsibility, and thus controversial principles of activity of the penal system as a regulator of the social norm.

Development of statehood, legislation, social relations and increasing social well-being directly affected the transformation of the penal system as an instrument of legal regulation of social norms. The combination of the words “bringing to justice” in the public consciousness has always been associated with the penal system and imprisonment have transgressed the laws of man, and the paradox of such a social phenomenon as the prosecution by imprisonment in a strange way, it rarely causes scientific debate. Likewise, it is paradoxically identified the concept of “punishment” and “bring to justice”. This gives reason to believe that the very global system of execution of punishments is a conceptual abstraction on the most fundamental level.

Keywords: responsibility, the prosecution, punishment, the penal system, the social norm.

References

1. Anikeeva O.P. Definiatsiya socialnoy otvetstvennosti v kontekste sociologicheskogo znaniya [The definition of social responsibility in the context of sociological knowledge]. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Tyumen State University Herald], 2011, no. 8, pp. 62–66. (In Russ.).
2. Grinberg M.S. Ponyatiyakazaniya v ugolovnomprave [The concept of punishment in criminal law]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» [Bulletin of Omsk University. The series “Law”], 2009, no. 3, pp. 159–167. (In Russ.).
3. Solov'eva L.S. Problema svobody i otvetstvennosti v kontekste socialnoi modernizatsii [The problem of freedom and responsibility in the context of social modernization]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sociologiya i socialniye tehnologii [Journal of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies], 2012, no. 3, pp. 74–78. (In Russ.).
4. Oficialnyisait FSIN Rossii [Official site of the FSIN Russia]. Available at: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/>, accessed 02.08.2015.
5. Enciklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona (v 82 t.) [Encyclopedic Dictionary Brockhaus and Efron (82 m.)]. St. Petersburg, 1907, t. 40, pp. 25–26.
6. Gans E. Grundlinien der Philosophie des Rechts. Available at: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/gegel/4/, accessed 02.08.2015.

Статья публикуется впервые, согласна на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках

УДК 377.3.02
ББК 74.04

А. В. Артюхов, Т. Л. Молоткова

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ

Современная система образования призвана готовить новое поколение к профессиональной деятельности в глобальном информационном обществе. В статье показана необходимость новой парадигмы образования в условиях информатизации общества, предлагается новая модель образования, наглядно представлены основные вопросы организации образовательного процесса. Гибкость дистанционной формы обучения предоставляет возможность построения индивидуальной образовательной траектории студента.

Ключевые слова: система образования, образование, модернизация, обучение, информационные технологии, дистанционное обучение.

Современная российская система образования призвана не только вооружать запасом знаний обучающегося, но и в условиях быстро меняющейся ситуации в стране, формировать потребность в постоянном овладении прочными знаниями, умениями и навыками самообразования, а также обеспечить творческий подход к их получению на протяжении всей активной жизни человека. В Законе «Об образовании в Российской Федерации» отмечено, «образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства...» [6].

Сущностное толкование понятия «образование» невозможно рассматривать в отрыве от термина «обучение». Согласно высказыванию Н.А. Давыдова, оно представляет собой «целенаправленный процесс управления активной учебно-познавательной деятельностью студентов по овладению профессиональными зна-

ниями, навыками, развитию творческих способностей, формированию мировоззрения и личностных качеств, необходимых студентам для самостоятельного овладения профессией» [2. С. 37]. Одновременно Семушина Л.Г. представляет технологию обучения как «двухсторонний процесс, в котором взаимодействуют обучаемый и обучающий и в ходе которого планомерно и целенаправленно осуществляется образование, воспитание и развитие человека» [3. С.23]. С развитием дистанционного обучения связана надежда на повышение образовательного уровня населения; расширение доступа к его получению; удовлетворение образовательных потребностей в высшем образовании; регулярное повышение квалификации специалистов.

В научной литературе представлен широкий спектр терминов в области использования методов дистанционного обучения: электронное обучение, виртуальное обучение, смешанное обучение, сетевое обучение, TEL (technology

Рис. Применение терминологии дистанционного обучения в образовательном процессе.

enhanced learning – обучение с использованием технических средств), СВТ (computer-based training – обучение при помощи компьютера), WBT (web-based training – обучение на основе сети Интернет). Все указанные термины могут быть представлены во взаимосвязи (см. рис.) [4. С. 49].

По мнению В.Г. Домрачевой, дистанционное обучение рассматривается как «новая ступень заочного обучения, на которой обеспечивается применение информационных технологий, основанных на использовании персональных компьютеров, видеотехники, аудиотехники, космической и оптоволоконной техники» [1. С. 7]. В свою очередь, А.Н. Тихонов говорит о дистанционном обучении как «важном направлении поддержки потенциала высшей школы. Значение дистанционного обучения заключается в том, что оно предоставляет возможность получения широкими слоями населения России качественного и мобильного образования» [5. С. 21].

Активное внедрение информационных технологий в образовательном процессе способствовало появлению инновационных образовательных форм обучения, базирующихся на электронных средствах передачи информации. Одной из таких форм обучения является компьютерное обучение. При создании компьютерных средств обучения следует учитывать методические и дидактические принципы разработки контрольных средств обучения. При организации занятий в данном формате необходимо учитывать индивидуальные особенности обучающегося, его уровень предварительной самоподготовки, скорость мыслительной деятельности, особенности памяти, потребности самостоятельного выбора и построения образовательного маршрута обучения. При использовании компьютерных средств обучения возможна публичная защита научных работ в виде докладов. При использовании технологий ДО увеличивается объем самостоятельной работы студентов, что способствует расширению его сферы познания.

Применение информационных технологий ДО может включать подготовку мультимедийных материалов учебного назначения, использование электронных учебников, в качестве контроля знаний – тестирование, проведение видеоконференций, работу с электронной почтой студентов. В конечном итоге это повышает интерес студента к получению знаний, а значит и – качества образования.

Программно-методические комплексы разработаны по определенным темам, включающие методику изучения теории в сочетании с выполнением в интерактивном режиме контрольно-обучающих заданий, материалов лабораторно-практических работ, контрольно-оценочных средств по освоению учебного материала.

Инструментальные системы предоставляют для педагога широкие возможности работы. В частности, инструментальная среда позволяет создавать содержательные интерактивные учебные пособия. В настоящее время электронный учебник является распространенным компьютерным средством обучения, содержащий практически все необходимые модули обучения, а значит, может удовлетворять в полной степени потребности студента при самообразовании. Возможности технологии мультимедиа позволяют создавать обучающие материалы, которые значительно повышают заинтересованность обучающегося в самостоятельной работе,

Компьютерные видеоконференции часто используются для индивидуального варианта проведения занятий. Режим доступа в ON-LINE позволяет в течение секунд осуществить передачу необходимого учебного материала. Это облегчает процесс усвоения материала, поскольку позволяют транслировать студенту интересную мультимедийную информацию (видео, фото, презентации).

Для развития творческого мышления достаточно эффективно проведение в режиме реального времени «электронных семинаров» или «вебинаров». Проведение подобных занятий позволяет обеспечить тесный контакт преподавателя и студента. Консультативная форма занятий активно применяется в процессе дистанционного обучения при помощи электронной почты, как наиболее эффективная технология и часто используемая для передачи материалов учебных курсов.

В последнее время в образовательном процессе используются виртуальные лабораторные работы. Следует отметить, что разработка методического материала для проведения указанных учебных занятий требует значительных финансовых затрат, особенно для технических специальностей. Самостоятельная работа студентов занимает большую часть в системе дистанционного обучения. Консультирование студентов осуществляется с применением системы видеосвязи Skype. При этом следует

отметить, что при активном использовании в учебном процессе информационных технологий как средств обучения акцент делается на образовательный потенциал студентов. В силу специфичности образовательной среды, дистанционное обучение позволяет им получать знания в удобное время и на большой удаленности от учебного заведения.

Таким образом, образование становится способом обмена информацией между людьми, способствуя усвоению новых знаний. Активный информационный обмен приобретает глобальный характер и становится определяющим признаком уровня развития государства в мировом сообществе.

Список литературы

1. Домрачев, В.Г. Дистанционное обучение: возможности и перспективы // Высшее образование в России. – 1994, № 3. – С. 10-12.
2. Давыдов, Н.А. Педагогика – М.: ИЭП, 1997. – 134 с.
3. Гарунов, М.Г., Семушина, Л.Г., Фокин, Ю.Г., Чернышев, А.П. Этюды дидактики высшей школы. – М.: НИИ ВО, 1994. – 135 с.
4. Горева, О.М., Осипова, Л.Б. Дистанционное обучение в вузе: модели и технологии /О.М. Горева // Современные проблемы науки и образования. – 2014, № 5; URL: <http://www.science-education.ru/119-14612> (дата обращения: 24.09.2014).
5. Тихонов, А.Н. Стратегия и пути перехода от информатизации образования к информатизации регионов России и общества в целом // Бюллетень «Проблемы информатизации высшей школы», 1995 г. Вып. 4.
6. Федеральный закон № 273 – ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»: принят Госдумой 21 дек. 2012 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=158429> (дата обращения: 17.02.2013).

Сведения об авторах

Артюхов Андрей Викторович, доктор социологических наук, доцент, Тюменская областная Дума.

Молоткова Таисия Леонидовна, ведущий специалист кафедры Маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета.
zhernakova@mail.ru.

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 58–61.*

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN EDUCATION

A. Artyuhov

Doctor of Sociology, Tyumen Regional Duma

T. Molotkova

a leading specialist of the Department of Marketing and municipal government of the Tyumen State Oil and Gas University, zhernakova@mail.ru

The modern system of education is designed to prepare a new generation for professional careers in the global information society. The article shows the need for a new paradigm of education in the information society, offers a new model of education that clearly presents the main issues of organization of educational process. The flexibility of distance learning provides an opportunity to build the student's individual educational trajectory.

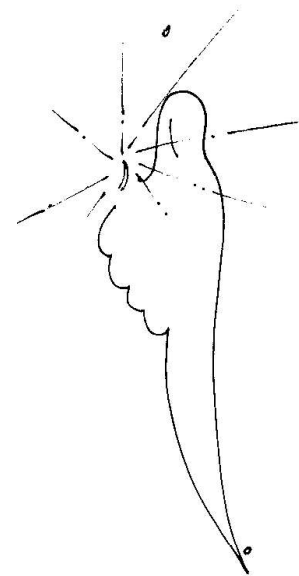
Keywords: the education system, education, modernization, training, information technology, distance learning.

References

1. VG Domrachev Distance Learning: Opportunities and Prospects // Higher education in Russia. 1994. - № 3. - S. 10-12.
2. NA Davydov Pedagogy - M.: IET, 1997. - 134 p.
3. Garunov MG, Semushina LG, Fokin YG, Chernyshev AP Studies didactics of higher education. - M.: IN SRI, 1994. - 135 p.
4. OM Gorev, Osipova LB Distance learning at the university: models and technologies /O.M. Gorev // Modern problems of science and education. - 2014. - № 5; URL: <http://www.science-education.ru/119-14612> (the date of circulation: 09.24.2014).
5. Tikhonov The strategy and the transition from education to the informatization informatization of Russian regions and society // Bulletin "Problems of Informatization of Higher Education", 1995, vol. 4.
6. Federal Law № 273 - FZ, "On Education in the Russian Federation" adopted by the State. Duma on December 21. 2012 [electronic resource] // Consultant Plus. Access: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?Req=doc;base=LAW;n=158429> (the date of circulation: 02.17.2013).

Статья публикуется впервые, согласны на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

**СУДЬБА РОССИИ
В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕСПЕКТИВЫ**

УДК 1:316
ББК С023

О.В. Захарова

ФИЛОСОФИЯ «ЗЕЛЕНОГО КАПИТАЛИЗМА»

Статья посвящена рассмотрению философских основ «зеленого капитализма» - новой экономической стратегии в условиях экологического кризиса и острого дефицита природных ресурсов. Автор отмечает в изучаемом явлении конструктивное зерно – культ бережливости и экономности, противостоящий культу потребления. Актуальность исследования автор объясняет неразвитостью философии «зеленого капитализма» в России, непопулярностью его основополагающих идей.

Ключевые слова: философия «зеленого капитализма», русская философия, идеология потребления, экологический кризис.

Философии свойственно критически относиться к социальным явлениям, уметь подметить негативные тенденции, обратиться к истокам имеющихся проблем и предложить способы их решения. Все это в полной мере относится к такому «молодому» явлению как «зеленая экономика», связанному с экологизацией хозяйственной деятельности людей.

«Зеленая экономика» определяется как система видов экономической деятельности, связанных с производством, распределением и потреблением товаров и услуг, которые приводят к повышению благосостояния человека в долгосрочной перспективе, при этом, не подвергая будущие поколения воздействию значительных экологических рисков или экологического дефицита [3]. «Зеленая экономика» является частью стратегии «зеленого роста». Имеется в виду рост экономики, социальное развитие на основе более гармоничных, чем при нынешней экономике, отношений с природой.

Казалось бы, в условиях экологического кризиса такая инновационная модель капитализма может являться серьезным шагом к преодолению экологических проблем, в случае ее реализации. Так ли это на самом деле? Данная статья посвящена исследованию философских оснований «зеленого капитализма» и оценке возможностей их реализации в хозяйственной культуре различных стран на данном этапе.

При анализе документов, посвященных данной теме обращает на себя внимание обилие призывов к экономии, сбережению, ограничению потребностей во благо будущих поколений. Бережное отношение к ресурсам становится ядром «зеленого капитализма». Это прямо противоречит той идеологии безудержного потребления, которая насаждалась в развитых странах десятилетиями перед этим. Идеология потребления была необходима для роста капиталистической экономики и поддерживалась массой маркетинговых и идеологических приемов, например стратегиями запланированно-

го устаревания и вынужденного устаревания. Эта идеология сформировалась после Второй мировой войны и выражается словами одного из ее авторов В. Лебова: «Наша чрезвычайно продуктивная экономика ... требует, чтобы мы сделали потребление образом жизни, чтобы мы превратили покупку и использование товаров в ритуалы, чтобы мы искали душевного удовлетворения, удовлетворения нашего эго в потреблении. Нам надо потреблять вещи, сжигать, замещать и отказываться от них с всевозрастающей скоростью» [8].

Сомнение вызывает то, с какой видимой легкостью сменились лозунги потребления на лозунги сбережения: минимизировать использование природных ресурсов и сбережением ресурсов обеспечить долгосрочный экономический рост; решать экологические проблемы; сохранять локальные экосистемы; смягчать антропогенное влияние на изменение климата и истощение озонового слоя и т.д.

Возможно, дело в том, к кому обращены подобного рода призывы. Например, стратегию «зеленого роста» частично осуществляют не очень богатые природными ресурсами и не самые экономически развитые страны: Ирландия, Руанда, Казахстан, Бразилия, Дания, Китай. Комплексная программа «зеленого роста» принята только в Южной Корее.

Более развитые страны предпочитают те экономические мероприятия, которые имеют экономический эффект в виде прибыли или экономии, обеспечивают конкурентоспособность и делают национальную экономику более независимой. Они называют это «зеленым капитализмом», подчеркивают экологическую направленность этих мероприятий. Хотя иногда два этих направления существуют независимо друг от друга и случайно совпадают: например, достижение наибольшей экономической эффективности территории заставляет внедрить экологически чистые производства и технологии, использовать возобновляемые источники энергии и т.д. Хотя официальная идеология развитых стран далека от критики потребительства. «В 2006 году на долю 65 стран с высоким доходом, где консюмеризм (культурная ориентация, когда люди находят смысл, сущность и признание через то, что они потребляют) находится на самом высоком уровне, приходится 78% потребительских расходов, но это всего лишь 16% мирового населения. В одних только Соединенных Штатах на потребительские расходы тратится \$9.7 млрд.

ежегодно, что составляет примерно \$32.400 на человека, т.е. 32% всех мировых расходов приходится на 5% населения» [1. С.11].

Складывается впечатление, что призывы к «зеленому росту» адресованы странам, усердно взявшимся за свое экономическое развитие. Еще в 1992 г. было объявлено, что тот путь экономического развития, которым прошли развитые страны, неприемлем для развивающихся, потому что ресурсов нашей планеты не хватит для него. Следовательно, нужно любой ценой остановить нежелательный сценарий. Срок процветания развитых стран зависит напрямую от того, когда такие страны, как: Индия, Китай и Бразилия – начнут приближаться их экономическому уровню.

Это объясняет неиссякаемую фантазию международных организаций в разработке программ развития для развивающихся и слабо развитых стран. Здесь мы вновь наблюдаем совпадение векторов развития: развитые страны стремятся обеспечить долгосрочное процветание, и предлагают более экологичные способы развития экономики для развивающихся стран.

Вышесказанное оставляет открытым вопрос: какую позицию при этом следует предпочесть? Остаться непримиримы критиком двойных стандартов, обличая потребительство, культ излишеств развитых государств в условиях быстро оскудевающих ресурсов. Или попытаться увидеть конструктивное зерно, безусловную экологичность различных мероприятий «зеленого капитализма».

Необходимо признать, что если «зеленый капитализм» и существует как экономическая реальность, то наиболее близки к ней экономически развитые страны Европы, например, Германия. Более двадцати лет в Германии существует особая практика хозяйственной деятельности – «ландшафтное планирование». Оно осуществляется на основе экологической экспертизы, которая определяет и координирует различные типы землепользования для разработки стратегии хозяйственного развития территории. «Это единственный вид планирования, который системно анализирует основные направления охраны окружающей среды – от видов и биотопов, почв и климата до проблем рекреации – и представляет суждения о них в конкретной пространственно определенной форме» [5. С.31].

Значительных успехов Германия достигла и во внедрении экологически чистых технологий, в использовании возобновляемых ис-

точников энергии: «В 2010 г. почти 17% поставленной электроэнергии было получено из возобновляемых источников» [4].

Наличие экономических ресурсов для перехода к новым технологиям подкрепляется политической волей и общественным мнением.

Уже в 90-е годы под влиянием партии «зеленых» сформировалось движение за поддержку и восстановление окружающей среды. Оно включало в себя:

- рациональное использование воды;
- использование экологических источников энергии (солнечные батареи, ветряки, отказ от атомных электростанций);
- замена обычных продуктов питания на био-продукты (причем по разумной цене)
- разделение мусора (стекло, пластик, компост, бумага и т.д.);
- переработка использованных продуктов для дальнейшего применения материалов (das Recycling);
- использование поездов, как на ближние, так и на дальние расстояния (отказ от междугородних автобусных рейсов);
- высокая цена проезда в транспорте, высокая цена на бензин;
- использование ресурсосберегающих технологий (энергосберегающие лампы и т.д.);
- высокие стандарты очистки выхлопов производств, транспортных средств и т.д. [7].

Для того чтобы все эти меры работали, необходима высокая лояльность общества к мерам экологического характера. Все происходит на добровольной основе, хотя с нашей точки зрения это доставляет людям дополнительные хлопоты. Например, существует плата за выбрасываемые отходы. Она наиболее высокая за не рассортированные отходы, поэтому люди тратят время, тщательно сортируя отходы и раскладывая их в разные контейнеры. Выбор поставщика энергии также является добровольным. Ты можешь за более высокую плату получать энергию от компаний, занимающихся альтернативной энергетикой. И тем самым способствовать ее развитию и сохранению планеты. Существуют программы льготного кредитования, дающие возможность оснастить дом солнечными батареями. А излишки электричества охотно выкупит государство. Очень дорого стоит вода и ее приходится экономить. Очень дорого ездить на автомобилях, жарко топить в домах, активно пользоваться бытовой техникой...

Параллельно осуществляется экологическое воспитание и образование, как среди де-

тей, так и среди молодежи. Причем не только немецкой. Например, волонтерская программа «Добровольный экологический год в Германии» дает возможность поучаствовать в образовательных программах жителям других стран [2].

Таким образом, мы наблюдаем целый комплекс мероприятий: политического, хозяйственного, административного, образовательного характера, направленный на культивирование экономного отношения к имеющимся ресурсам. Конечно, такая экологическая модель – еще не предел мечтаний, но она лучшее, что создано в этом плане на сегодняшний день. Также нужно признать, что такой образ жизни в скором времени станет единственно возможным, если мы хотим сохранить жизнь на планете. Очень скромное существование. Бесконечно далекое от «американской мечты». Человечество умеет получать удовольствия другого рода и развивать не только свои потребительские аппетиты.

Стратегия «зеленого роста» имеет сходную идеологическую базу. Она основывается на использовании четырех принципов:

- принцип эко-эффективности, предполагающий максимизацию полезных свойств товаров и услуг при одновременной минимизации воздействия на окружающую среду в течение всего жизненного цикла продукции;
- принцип ресурсосбережения предполагает принятие управленческих решений с учетом необходимости сохранения природных ресурсов;
- принцип единства предполагает согласованность действий всех субъектов национальной экономики, участвующих в процессе развития;
- принцип межсекторальности означает вовлеченность представителей различных секторов общества в процесс принятия решений [6].

Применение стратегии вновь предполагает использование и «кнута», и «пряника»: поддержка экологических предприятий для их наибольшей эффективности и меры для снижения доли в экономике добывающего сектора, отказ от субсидирования углеводородной энергетики и т.д. Таким образом, мы можем заключить, что новый «зеленый капитализм» предполагает умеренность, ограничение потребительских аппетитов, экономичность по отношению к ресурсам. Причем добивается этого правительство с помощью различных мер, и общество его в этом поддерживает.

Возникает вопрос: кто готов к такому обществу? Готов тот, у кого нет другой возможности экономического роста (Руанда, Южная Корея, Ирландия и др.). Готов тот, кто рассчитывает на экономическое процветание в будущем и понимает, что без экономии сейчас это невозможно (Германия). Не готов тот, кто привык жить, не ограничивая себя ни в чем, привык видеть в потреблении смысл жизни (США). Не готов тот, кто любой ценой стремится вкушать «сладкой жизни» чрезмерного потребления (Китай, Индия).

К какой из этих категорий относится Россия? В нашей стране считается непатриотичным говорить об отказе от нефти и газа в энергетике. В нашей стране всего так много, что мы «можем себе позволить» большие, энерго-неэффективные дома, несколько автомобилей, огромное количество бытовых приборов, длительное принятие душа и другие составляющие цивилизованного образа жизни, потому что он нам так видится. Мало где в России существуют велосипедные дорожки, даже в тех городах, где климат позволяет передвигаться на велосипеде почти круглый год, и мы бываем сильно возмущены повышением цен на бензин.

Такие примеры можно приводить долго. И все они говорят о процветании в России идеологии потребления. Мы ни на шаг не продвинулись в сторону «зеленого капитализма» с его бережливостью и аскетичным достоинством. Хотя именно в России существует философская традиция открытия созидающей, творческой роли человека в развитии природы. Это философские идеи космизма, ноосферная концепция, идеи В. Соловьева и Н. Бердяева о творческой роли человека др.

Среди причин непопулярности идей «зеленого капитализма» не стоит упускать и внешний характер этих идей, восприятие их как чуждых, обязательных для исполнения, но не принятых сердцем. В России очень важно принимать даже самые прогрессивные идеи сердцем, примерять их к практической жизни, разделять с ближними. Русского человека можно заставить рациональными доводами так или иначе себя вести, но делать он будет это без души, без «огонька», а значит неэффективно. При распространении экологических идей важно учитывать эти и другие национальные особенности.

Кроме того, то, что принято как политическое решение в центре в руководстве страны не всегда может быть реализовано на местах. Это объясняется значительной дистанцией между центром и периферией внутри России. Складывается ситуация, когда то, что важно в развитых странах, не воспринимается таковым в странах с переходной экономикой. А то, что воспринято руководством страны и предложено к реализации, не отвечает интересам, чаяниям и потребностям жителей Урала, Сибири, Дальнего Востока, то есть почти всей России. Такая ситуация становится уже привычной и переносится автоматически даже на такие важные проблемы как экологическая.

Россия не имеет пока очень богатой экономики, не созрел запрос общества на экологические ограничения. Но мы можем обратиться к национальным идеям о гармонии человека и природы, развивать их и адаптировать к социально-экономическим реалиям. Когда рациональной практики окажется недостаточно, можно использовать колоссальный опыт эстетического восприятия родной природы русских поэтов, прозаиков, художников, музыкантов, и на основе любования ею формировать новое отношение к природе. Также, в распространении идей «зеленого капитализма», на наш взгляд, должна проявиться созидательная сила гражданского общества. Именно эта сила способна пробудить заинтересованность на местах в более гармоничном развитии своей территории.

Подводя итог, можно отметить, что нам удалось вычленивать конструктивное зерно в философии и практике «зеленого капитализма» – это культ бережливости, умеренности, самоограничения. Это способность воспитать свой дух настолько, чтобы отказаться от потребительских удовольствий в пользу удовольствий духовного развития. Отсутствие подобной философии в России делает еще более актуальным ее дальнейшее изучение и популяризацию. Потому что в условиях экологического кризиса ближайшее будущее связано с выделенными нами идеями «зеленого капитализма». Кроме того, Россия способна обогатить философию «зеленого капитализма» идеями русских философов и опытом эстетического восприятия природы русских деятелей искусств.

Список литературы

1. Асадурян, Э. Расцвет и падение потребительских культур // 21-й век, 2012. - № 4 (24) - С.5-36.
2. Добровольный Экологический Год в Германии. – URL: <http://euni.ru/html>.
3. «Зеленая экономика» - новый вектор устойчивого развития? Международный центр по торговле и устойчивому развитию. Официальный сайт - URL: <http://www.ictsd.org/bridges-news.html>.
4. Курс на зеленый рост. Резюме для лиц, принимающих решения. Май 2011. ОЭСР. Официальный сайт. - URL: <http://www.oecd.org/greengrowth.html>.
5. Ландшафтное планирование: принципы, методы, европейский и российский опыт. - Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2002. 141 с.
6. Национальный отчет по использованию инструментов «зеленого роста» в республике Казахстан. – URL: <http://www.cawater-info.net/green-growth.html>.
7. Экология в Германии - URL: <http://startdeutsch.ru.html>.
8. Lebow, V. Price Competition in 1955 / V. Lebow // Journal of Retailing – Spring, 1955.

Сведения об авторе

Захарова Ольга Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Тюменского государственного университета.

olga.hazarova@mail.ru.

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 62–67.*

PHILOSOPHY OF «GREEN CAPITALISM»

Olga V. Zakharova

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate professor of the philosophy, Tyumen State University,
olga.hazarova@mail.ru*

Article is devoted to consideration of philosophical bases of “green capitalism” - new economic strategy in the conditions of ecological crisis and an acute shortage of natural resources. The author notes in the studied phenomenon constructive grain – the cult of thrift and economy resisting to a consumption cult. The author explains relevance of research with backwardness of philosophy of “green capitalism” in Russia, unpopularity of his fundamental ideas.

Keywords: philosophy of “green capitalism”, Russian philosophy, ideology of consumerism, ecological crisis.

References

1. Assadourian E. Rastsvet I padenie potrebitelskih kultur [The rise and fall of consumer cultures]. *21 vek* [21 age], 2012. - № 4 (24) – pp. 5-36. (In Russ.).
2. Dobrovolnii ekologiticheskii god v Germanii: evropeiskie obrazovatelnie programmi [Voluntary ecological year in Germany: European educational programs]. Available at: <http://euni.ru/html>, accessed 25.04.2015. (In Russ.).
3. «Zelenaia ekonomika» - novii vektor uctoichevogo razvitia: mezhdunarodnii centr po trgovle I uctoichevomu razvitiu. Oficialnii sait [«Green economy» – a new vector of a sustainable development: international centre for trade and sustainable development. Official site]. Available at: <http://www.ictsd.org/bridges-news>, accessed 25.04.2015. (In Russ.).

4. Kurs na zelenii rost. Rezume dlia lic prinimauchih reshenia. OESR. Oficialnii sait [Course on green growth. The summary for the persons making decisions. OECD. Official site], may, 2013. Available at: <http://www.oecd.org/greengrowth.html>, accessed 25.04.2015. (In Russ.).

5. *Landshaftnoe planirovanie:pricipi, metodi, evropeiskii I rossiiskii opit* [Landscape planning: principles, metals, European and Russian experience]. Irkutsk, Institute of geography SO RAN Publ, 2002. 141 p. (In Russ.).

6. Nacionalnii otchet po ispolzovaniu instrumentov zelenogo rosta v respublike Kazakhstan [National report on integration of the «green growth» tools in the republic of Kazakhstan]. – URL: <http://www.cawater-info.net/green-growth.html>.

7. Ecologia v Germanii [ecology in Germany]. URL: <http://startdeutsch.ru.html>. (In Russ.).

8. Lebow V. Price Competition in 1955. Journal of Retailing, Spring, - 1955. (In Engl.).

Статья публикуется впервые, согласна на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 172
ББК 87.75

Ю. А. Панасенко

ПАТРИОТИЗМ, КАК ЦЕННОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОФИЦЕРА

Патриотизм раскрывается как непреходящая ценность, способствующая социальной безопасности общества. Выделяются основания для проектирования процесса патриотического воспитания, исследуются пути воспитания патриотизма в современном обществе, и формирования этой ценностной характеристики в личности современного офицера. Отмечается необходимость преодоления проявлений национализма, шовинизма, экстремизма и ксенофобии как важное условие воспитания полноценного офицера и гражданина многонациональной страны.

Ключевые слова: патриотизм, ценность, патриотическое воспитание, патриотическое единство.

В настоящее время патриотизм как основополагающая ценностная характеристика воспитания личности является предметом пристального внимания исследователей. Анализируя результаты реализации государственных программ патриотического воспитания граждан, А. К. Быков констатирует, что «...патриотизм в России стал государственной идеологией, одним из основных ресурсов консолидации общества» [1. С 12]. А. Ш. Викторов в своей работе «Духовная безопасность российской цивилизации» определяет патриотизм, как сферу смыслов, определяющих вектор поведения и деятельности человека в пространстве социальности, направленный на сохранение и умножение духовных и материальных ценностей, территориальной целостности своей Родины [2].

Действительно, в последние годы патриотическое воспитание стало важным направлением государственной политики, предметом горячих обсуждений в средствах массовых информационных, основой для выработки идеологических программ. Это потребовало изучения патриотизма в разных аспектах: историко-культурном, в теоретико-философском, в социально-педагогическом, в психолого-педагогическом. Различие подходов, сложность и многогранность рассматриваемого явления обусловили не только содержательную разницу в трактовках патриотизма, но и выработку разных оснований для проектирования воспитательных концепций.

Формирование «государственного патриотизма» происходит за счет актуализации базовой потребности человека в безопасности,

которую полноценно можно удовлетворить, вступив в некое сообщество, скрепленное общностью законов, традиций, культуры. Такой взгляд, определяющий тотальную зависимость личности, ее производный характер, сформулирован И. С. Тургеневым: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись».

Таким образом, патриотизм понимается как непреходящая ценность, а патриотическое воспитание заключается в привитии патриотических чувств, привычек, поступков. Воспитание патриотизма предполагает высокую степень духовности и обуславливает духовное развитие: чем выше духовное начало национального, чем глубже осознание внутренней сущности и исторической роли своего народа, тем ярче личность. Безопасность страны обеспечивается консолидацией духовно развитых граждан, о чем совершенно справедливо говорит Р. Г. Яновский: «В целом социальная безопасность достигается развитием человеческих ресурсов страны».

В современном российском обществе часто цели государства и цели личности вступают в конфликтное противостояние, что, в условиях кардинальных социально-политических перемен, способствует пересмотру даже таких абсолютных ценностей, как «Отчизна», «благо Родины», а значит, именно личность должна обладать способностью к самоопределению, к ответственному выбору. Следовательно, воспитание патриотизма должно не просто опираться на интересы, потребности, мотивы личности, а служить эффективным средством их реализации.

Понимание патриотизма, несмотря на обилие трактовок, отражает отношение человека к Родине, которое характеризуется через те или иные компоненты. Так, патриотизм может рассматриваться как «присущее каждому человеку чувство», «социальное чувство», «стержень политического сознания» «одна из важнейших черт всесторонне развитой личности», «моральный принцип», «сформировавшаяся позиция верности своей стране и солидарности с её народом», «непреходящая ценность». Разница в этих определениях обусловлена сложной природой патриотизма, которая проявляется в том, что он может рассматриваться и в научно-философской плоскости, и в социологической, и в социально-педагогической, и в психолого-педагогической. Исследователи, рассматривающие патриотизм в психолого-педагогическом аспекте, указывают на его сложную, многокомпонентную структуру. Так, А. А. Глебов выделяет в патриотизме 3 компонента, образующих диалектическое единство:

- патриотическое сознание;
- патриотическое отношение;
- патриотическую деятельность [3].

Выделение этих компонентов обусловлено как структурой личности, характеризующейся единством сознания и поведения, так и логикой перехода общественного опыта во внутренний план личности. Однако, несмотря на диалектическое единство и взаимосвязь выделенных компонентов, далеко не всегда позитивное отношение к Родине перерастает в стремление действовать на ее благо. Так, А. С. Макаренко указывал на то, что у воспитанника могут быть «правильные патриотические представления», но при этом не быть «патриотических привычек». Следовательно, патриотическое воспитание должно обращаться к человеку как к целостности, а для этого необходимо выделить в нем такую структуру, которая бы детерминировала возникновение новых качеств и таких ценностей, как: патриот, Родина, знание и понимание, самопознание, защита Родины, достойное поведение, гражданская позиция, социальная ответственность и др.

Проектирование патриотического воспитания как процесса предполагает выявление определенных этапов, представляющих целенаправленное движение от целей к результатам воспитания.

На основе проведенного теоретического анализа можно выделить следующие основа-

ния для проектирования процесса патриотического воспитания:

- увеличение регулятивных возможностей, которое выражается в постепенном переращении чувства в знание, знание в убеждение, убеждения в поведение и т.д.;
- увеличение степени свободы, предполагающей «необходимость от обязанностей переходить к обязательствам, которые берет человек по отношению к Родине»;
- расширение группы осваиваемых ценностей. Так, в ряде воспитательных моделей развитие патриотизма видят в восхождении к ценностям более высокого порядка: от малой Родины к большой Родине и т.д.;
- освоение социальных ролей, отражающих рост личности курсанта и ее включение не только в военную, но и в социальную жизнь;
- усиление чувства любви через опыт положительных переживаний.

Большое значение в воспитательном процессе личности имеет культурное сопровождение. Задача воспитательной системы – создание адекватной, соответствующей параметрам российской национальной культуры культурной среды. Отечественная культура, собравшая в единое духовное пространство языки, культуру, традиции, религии многочисленных этносов – это как раз тот континуум, который, собственно, приобщает индивида к системе смыслов, идей, ценностей, которые укоренились в отечественной ментальности и духовности. Только в поле многонациональной отечественной культуры наиболее высока вероятность воспитания позитивного восприятия своего государства, единой страны, высока вероятность сформировать осознание индивидом необходимости самоотверженно служить своей Родине, Отечеству. В ходе постоянных усилий по присвоению культурных смыслов и ценностей происходит осознание личностью себя как части единой социокультурной и политической общности [4]. Человек, воспитанный на чужих, инациональных ценностных установках, идеалах, подпитываемый ими, никогда не будет патриотом, никогда не будет желать блага своему Отечеству.

Одним из главных чувств в процессе формирования личности офицера является чувство гордости и ответственности за свою страну, ее историю, народ, вооруженные силы.

Современному российскому обществу как никогда нужны настоящие патриоты. Патриотическое единство страны – важнейший

принцип, обеспечивающий жизнеспособность многонационального Российского государства в современных условиях. Осмысление истоков этого единства, активная деятельность по формированию новых стержневых компонентов и духовных смыслов совершенствования социальных, межнациональных отношений, единого духовно-культурного пространства в условиях глобализации, обеспечение преемственности отечественной социокультурной

традиции и этнических традиций, преодоление проявлений национализма, шовинизма, экстремизма и ксенофобии – это задачи, которые стоят перед современными офицерами, обеспеченных судьбой Отечества, ее настоящего и будущего, беззаветно любящих Родину и готовых внести достойную лепту в ее благополучие и процветание, в приумножение добра, истины и красоты в мире.

Список литературы

1. Быков, А. К. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации: на стыке двух государственных программ // Педагогика. – 2011, № 1. – С. 14 – 24.
2. Викторов, А. Ш. Духовная безопасность российской цивилизации. – М.: МАКС Пресс, 2005. – 304 с.
3. Глебов, А.А. Воспитание патриотизма, толерантности и культуры межнационального общения. – Волгоград : Перемена, 2004. – 251 с.
4. Петрашень, И.А. Культурное наследие как фактор формирования национальной культуры // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки /Редкол. М. И. Демчук и др. – Минск: РИВШ, 2006. – С. 190-192.

Сведения об авторе

Панасенко Юрий Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника филиала ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия» (г. Челябинск) по учебной и научной работе.

chvvaush@mail.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 68–71.

PATRIOTISM AS VALUE CHARACTERISTICS OF PERSONALITY OF THE MODERN OFFICER

Yuri A. Panasenko

Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Deputy Chief of Educational and Scientific Work of the Branch of the Air Force Academy (Chelyabinsk), chvvaush@mail.ru

Patriotism is revealed as an enduring value, contributing to the social security of the society. The base was released to design of patriotic education and explores ways to foster patriotism in contemporary society, and the formation of the value of the individual characteristics of the modern officer. We need to overcome the manifestations of nationalism, chauvinism, extremism and xenophobia as an important condition for full training officer and a citizen of a multinational country.

Keywords: patriotism, value, patriotic education, patriotic unity.

References

1. Bikov, A. K. Patrioticheskoe vospitanie gragdan Rossiyskoy Federacii: na stike dvuch gosudarstvennich programm // Pedagogika. – 2011, № 1. – P. 14 – 24 (In Russ.).

2. Viktorov, A. SH. Duchovnay bezopasnost rossiyskoy civilizacii. – M.: MAKS Press, 2005. – 304 p. (In Russ.).
3. Glebov, A.A. Vospitanie patriotizma, tolerantnosti i kulturi mezhnatsionalnogo obshchestva. – Volgograd : Peremena, 2004. – 251 p. (In Russ.).
4. Petrashen, I.A. Kulturnoe nasledie kak faktor formirovaniya nacionalnoy kultury // Nauchnie trudy Respublikanskogo instituta vichshey shkoly. Fozovsko-gumanitarnie nauki /Redkol. M. I. Demchuk i dr. – Minsk: RIVSH, 2006. – P. 190-192 (In Russ.).

Статья публикуется впервые, согласен на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 316.773.4
ББК 71.045

С. Г. Дюкин, И. В. Самойлова

КОММУНИКАТИВНАЯ ОБРАБОТКА ПОНЯТИЯ РОССИЯ В ВЕНГЕРСКИХ НОВОСТЯХ

В статье рассматривается процесс формирования образа социокультурного Другого на основе той роли России в украинском конфликте, какой ее видят венгерские СМИ. В поле рефлексии вводится понятие коммуникативная обработка, которое охватывает весь спектр приемов, используемых авторами текстов масс-медиа для придания объекту определенных характеристик, отсутствующих на объективном уровне.

Ключевые слова: Россия, венгерские СМИ, образ, негативная функциональность, коммуникативная обработка.

Формирование образов, структурирующих социокультурную реальность, на современном этапе склонно принимать конкретные, тематически ограниченные формы. Это связано с взаимным отчуждением культурных форм, с их относительной самодостаточностью. Присваивание характеристик социокультурному Другому как независимый и самодостаточный процесс подчиняется и ассимилируется функциональными сферами социального бытия. В частности, такой сферой являются материалы международных новостей в СМИ.

Несмотря на очевидность данной проблематики, методы конструирования образов геополитических объектов остаются недостаточно осмысленными в научном дискурсе. Рефлексия по поводу конструирования социокультурного Другого, как правило, ведется с позиций субъекта, критически осмысляющего представление о самом себе. В рамках данного направления можно обозначить работы, посвященные имиджу России за ее пределами [4, 5, 6]. В данной статье мы предлагаем посмотреть на процесс выстраивания образа России в венгерских новостях, посвященных событиям в постмайдановской Украине. Место России в обозначенных событиях переоценить сложно. Даже при самой незаинтересованной позиции постороннего наблюдателя невозможно исключить влияние на вооруженный конфликт в Юго-Восточной Украине со стороны соседа, являющегося кроме всего прочего одним из основных экономических партнеров Киева и весомым игроком на внешнеполитической сцене. Помимо этого инструменты масс-медиа позволяют откорректировать роль и способ реального участия объекта конструирования в

событиях. Иначе говоря, речь идет о конструировании образа культурного Другого, появляющегося за рамками функциональных характеристик данного объекта. При этом формирование представления об объекте осуществляется на основе фактов, имеющих эмпирическую природу, погруженных в активное социальное поле. Изначально вокруг объекта отсутствуют спекулятивные интенции, а также стремление к обобщению и абстрагированию. Однако в процессе создания новостного нарратива объект (в нашем случае Россия) приобретает дополнительные характеристики, позволяющие фигурировать ему на уровне глубинных культурных смыслов.

Данные теоретические постулаты были введены в дискурсивный обиход американскими социологами, в основном в 80-е гг. прошлого века. Главным образом, речь идет о М. Маккоунзе, Д. Шоу, Дж. Диринге, Э. Роджерсе [2, 3], установившими четкое взаимосоответствие между тематикой медиа-контента и формирующимися под влиянием СМИ ментальными координатами аудитории. Обозначенные взгляды вошли в научный контекст под названием школы «формирования пунктов повестки дня». В современной отечественной парадигме социологии культуры данная школа воспринимается неотъемлемо от теории «спирали молчания», разработанной немецкой исследовательницей Э. Ноэль-Нойманн [1].

Наиболее общее направление в венгерских новостях осмысления России относительно вооруженного конфликта в Украине связано с вытеснением России из сферы «нормального» бытия. В случае конкретизации последнего можно было бы говорить о европейском, или

о западном мире, которому противостоит Россия. Инструменты подобного процесса состоят из вытеснения России за рамки конфликта, с одной стороны, и приписывания ей роли катализатора военных действий, с другой стороны. Она действует *извне*, подобно *Deus in machine*. С такого рода позицией мы встречаемся в материале «В таком случае, что за война сейчас в Украине?» [7], размещенной на портале www.index.hu, являющимся самым посещаемым новостным ресурсом в венгероязычном интернете. В процессе рассуждений о событиях в Донбассе автор делает вывод о бессмысленности рассуждений по вопросу о том, что же именно происходит в Украине, так как за всеми фактами стоит совсем другой игрок, – Россия. Лексема, означающая восточного соседа Украины, выделяется из контекста, на названии страны акцентируется особое внимание. В тексте «Почему Путина не пустили в Брюссель?» [11] тема исключения России из мирового сообщества лишена дополнительной авторской рефлексии и эмоциональной составляющей. Отчуждение Западом России укладывается в формально-внеоценочное информационное сообщение.

Исключенность России порождает ожидание угрозы, обусловленной мифологизацией пространства, выходящего за пределы «нормальной» картины мира субъекта. В текстах, служащих объектом исследования, приписывание России признаков источника страха происходит через актуализацию фактов поставки оружия, техники и живой силы в Донецк и Луганск. Данная информация подается через украинские источники [10]. Однако отсутствие альтернативной российской точки зрения по этому поводу закрепляет фактор угрозы со стороны Москвы, способствует объективации информации, которая формально имеет субъективную природу. В свете данных новостей, Россия не только выполняет функцию поставщика военной силы, но и служит базой угрозы: в текстах подчеркивается, что ракеты запускаются именно с российской территории. Ощущение страха усиливает очевидность потенциального вторжения России в Украину.

Возможен иной вариант конструирования концепта угрозы, исходящей из Москвы. Имеется в виду формирование устойчивой дихотомии *Украина-Россия*. Само по себе приращение друг к другу данных топонимов создает ситуацию неизбежности ассоциации между двумя странами. В условиях экстремального положения в одной из стран, социокультурный

Другой на его фоне обретает функции стимулятора негативных тенденций. Таким образом, в контексте военных действий в Украине Россия автоматически предстает как неизменный источник угрозы, виновник бедствий. Подобный контекст создается, в том числе, на основе материалов, характеризующихся объективной подачей информации, как, например, в статье газеты «Magyar Nemzet» («Венгерская нация») «В Луганске продолжаются бои» [9].

Еще один вариант наделения России негативной функциональностью в отношении Украины, а вместе с ней и в отношении субъекта восприятия информации, связан с актуализацией экономических взаимоотношений между двумя странами. В материале сайта www.index.hu «Украина получила от русских еще одну неделю» [12] воссоздается контекст, в рамках которого Россия предстает шантажистом, имеющим важный энергетический ресурс, – газ. Метод коннотации позволяет закрепить за российским объектом характеристики негативного покровительства, нежелательного распоряжения судьбами внешнего мира.

Наконец, прямая констатация факта вины предлагается в материале на сайте www.index.hu «Новая газета» попросила прощения у Голландии» [8]. В данном случае мы имеем дело с использованием метода *акцентуализации* для формирования желаемого результата. Имеется в виду обращение к «Новой газете» с ее яркой выраженной политической идеологией как к типичному субъекту российской информационной среды. Таким образом, формируется ситуация коммуникативного смещения, в рамках которого происходит перемещение основного внимания аудитории на объект, изначально находящийся на периферии коммуникативного пространства («Новая газета» отражает интересы и представляет некоторую часть российского общества, позиция ее редакции не является отражением мнения основного сегмента населения страны). Данный материал вновь выступает инструментом конструирования оппозиции, в которую вовлекается Россия. Но на сей раз вторым элементом дихотомии является Европа, заменяющая Украину.

Происходит уравнивание Украины и Европы в противопоставлении в отношении России. В данном случае мы абстрагируемся от политического аспекта обозначенного процесса, сосредоточивая внимание на коммуникативной проблематике. Можно предположить, что мы имеем дело с осуществлением идентифика-

ционной функции масс-медийной сферой на основе конструирования социокультурного *Другого*. Формирование искомого субъектом *Другого* происходит с помощью *коммуникативной обработки*, под которой предлагается понимать помещение объекта в искусственно созданный смысловой контекст с целью конструирования определенного восприятия его аудиторией.

Данный процесс включает в себя ряд операций: выстраивание новых объектных связей, коммуникативное смещение, акцентирование внимания на определенных свойствах и функциях объекта, обращение к периферийной проблематике дискурса (в нашем случае, к экономическим отношениям). Объективные процессы и характеристики со счетов сбрасывать также нельзя. Коммуникативной обработке подвергается не мыслительный конструкт, а объект, существующий в реальности. Степень

соотношения между ним и продуктом коммуникативной обработки в полной мере можно выявить лишь, будучи участником процесса вовлечения объекта в масс-медийное пространство.

Данное различие может быть выражено с помощью уже утвердившегося в научном дискурсе понятия *коммуникативного шума*. В нашем случае коммуникативный шум формируется нелинейным способом – представление о России не обрастает дополнительной информацией (ложь отсутствует в венгерских новостях), – оно преобразуется под влиянием коннотативных деформаций, в основе которых лежат уже упомянутые методы некорректного воздействия СМИ на аудиторию. В результате формируется четко задаваемое место России в контексте внешнеполитических событий 2014–2015 годов, обозначаемое через концепты: *Другой, внешний, противоположный*.

Список литературы

1. Ноэль-Нойманн, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – М., 1996. – 352 С.
2. Dearing, J., Rogers, E. Agenda-setting, Where Has It Been, Where Is It Going? // Communication Yearbook 11. – Los Angeles, 1987. – P. 84-111.
3. McCombs, M., Eyal, Ch., Graber, D., Weaver, D. Media Agenda-setting in the Presidential Election. – New York, 1981. – 225 P.
4. Барабаш, В.В., Бордюгов, Г.А., Котеленец, Е.А. Образы России в мире. – М.: АИРО XXI, 2011. – 296 С.
5. Глинская, И.Ю. Формирование имиджа России в контексте глобальных процессов. – М.: РАГС, 2009. – 146 С.
6. Современная Россия в оценках восточноевропейцев. – М.: РАН ИНИОН, 2009. – 216 С.
7. Akkor most milyben háború is van Ukrájában // http://index.hu/kulfold/2014/07/28/akkor_most_milyen_haboru_is_van_ukrajnaban/
8. Cimlapján kért bocsanatot Hollandiától a Novaja gazeta // http://index.hu/belfold/2014/07/25/cimlapjan_kert_bocsanatot_hollandiatol_a_novaja_gazeta/
9. Folytak a harcok Luhánszokban a határ a krutikus pont // <http://mno.hu/kulfold/folytak-a-harcok-luhanszokban-a-hatar-a-kritikus-pont-1236982>
10. Kijev szerint Orosz területről lóttak le a két harci gépet // http://index.hu/kulfold/2014/07/23/kijev_szerint_orsz_teruletrol_lottak_le_a_ket_harci_gepet/
11. Miből marad ki Putyin Brüsszelben // http://index.hu/gazdasag/2014/06/04/mibol_marad_ki_putyin_brusszelben/
12. Ukrajna meg egy hétet kapott az oroszoktól // http://index.hu/gazdasag/2014/06/02/ukrajna_meg_egy_hetet_kapott_az_orszoktol

Сведения об авторах

Дюкин Сергей Габдульсаматович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии Пермской государственной академии искусства и культуры.

dudas75@mail.ru.

Самойлова Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Пермского национального исследовательского университета.

samoilova.i@mail.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 72–75.

COMMUNICATIVE TREATMENT OF THE NOTION OF RUSSIA IN HUNGARIAN NEWS

Sergey A. Dyukin

Candidate of Philosophical sciences, Associate Professor, Department of Cultural Science, Perm State Academy of Art and Culture, dudas75@mail.ru

Irina V. Samoylova

Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language and Stylistics, Perm National Research University, samoilova.i@mail.ru

The article discusses the process of socio-cultural formation of the image of Another on the basis of the role of Russia in the Ukrainian conflict as seen by Hungarian media. In the field of reflection of the notion of communicative processing that covers the full range of techniques used by authors of texts of mass-media to make the object of certain characteristics, not on an objective level.

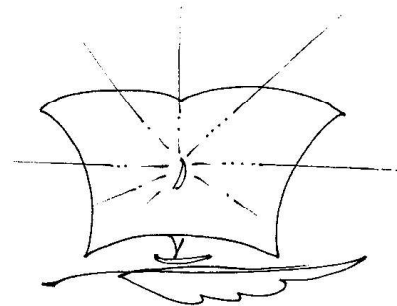
Keywords: Russia, Hungarian media, image, negative functionality, communicative handling.

References

1. Noel-Noymann E. Obshestvennoe mnenie. Otkritie spirali molchaniya {Public opinion. The opening of the Spiral of Silence}. Moscow, 1996. 352 p.
2. Dearing, J., Rogers, E. Agenda-setting, Where Has It Been, Where Is It Going? // Communication Yearbook 11. – Los Angeles, 1987. – P. 84-111.
3. McCombs, M., Eyal, Ch., Graber, D., Weaver, D. Media Agenda-setting in the Presidential Election. – New York, 1981. – 225 p.
4. Barabash V.V., Bordyugov G.A., Kotelenec E.A. Obrazyi Rossii v mire {Images of Russia in the World}. Moscow, 2011. 296 p.
5. Glinskaya I.U. Formirovanie imidzha Rossii v konteksre globalnih processov {The Forming of image of Russia in the Context of Global processes}. Moscow, 2009. 146 p.
6. Sovremennaya Rossia v ocenках vostochnoevropyeycev {Modern Russia in the estimates of Eastern Europeans}. Moscow, 2009. 216 p.
7. Akkor most milyben háború is van Ukrájánban // http://index.hu/kulfold/2014/07/28/akkor_most_milyen_haboru_is_van_ukrajnaban/
8. Cimlapján kért bocsanotot Hollandiától a Novaja gazeta // http://index.hu/belfold/2014/07/25/cimlapjan_kert_bocsanotot_hollandiatol_a_novaja_gazeta/
9. Folynak a harcok Luhánszokban a határ a krutikus pont // <http://mno.hu/kulfold/folynak-a-harcok-luhanszokban-a-hatar-a-kritikus-pont-1236982>
10. Kijev szerint Orosz területről lőttek le a két harci gépet // http://index.hu/kulfold/2014/07/23/kijev_szerint_orosz_teruletrol_lottek_le_a_ket_harci_gepet/
11. Miből marad ki Putyin Brüsszelben // http://index.hu/gazdasag/2014/06/04/mibol_marad_ki_putyin_brusszelben/
12. Ukrájna meg egy hetet kapott az oroszoktól // http://index.hu/gazdasag/2014/06/02/ukrajna_meg_egy_hetet_kapott_az_oroszoktol

Статья публикуется впервые, согласны на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

УДК 172
ББК 87.6

Е. В. Лобанов

«АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ» Э. ФРОММА И СОВРЕМЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА ВОЙНЫ

Статья представляет собой анализ негативных сторон человеческой природы в отношении к современной антропологии права войны. Возможности соединения психоаналитического метода и марксистской социальной философии позволяют объяснить безуспешность попыток изображения человека, представленного в концепциях прав человека Джона Ролза и Джона Гриффина, проникнуть в сущность войны и иных форм глобального насилия. Проблема несправедливости, не представленная в теории исследователей, реконструирована на основе философии разума Иммануила Канта. Исследование деструктивных влечений и скептический подход к теории общественного договора дополняет современную антропологию права войны и позволяет создать методологию, способную противостоять глобальному насилию.

Ключевые слова: право войны, современная антропология, рациональный индивид, права человека, деструктивность, психоанализ, социальная философия.

Бесчисленные жертвы Первой Мировой войны заставили человечество отказаться от веры в разумную политику и соблюдение баланса сил. Они дали понять, что гибель миллионов людей не способна оправдать никакие политические цели. Нации предпочли пацифизм империализму и возложили надежды на общее стремление к миру и справедливости. Разумные устремления уже через три десятилетия разбились о десятки миллионов погибших и замученных, триллионные убытки и ядерное заражение Второй Мировой войны. Иллюстрацией осознания необходимости перемен может быть создание ООН и принятие Декларации о правах человека. Несмотря на начало «холодной» войны, считалось, что объединение наций, уважение прав и свобод человека и авторитет международного права дадут нам желанный мир и взаимопонимание. Однако в причинах современных войн и несправедливости по-прежнему видят анархию в международных отношениях и недостаток авторитета международного права. Право во-

йны не выходит за рамки заявлений и деклараций, а с нарастанием напряжения и игнорируется как помеха. Методология права, как и иного социального действия, основывается на определенном представлении о человеке, его отличительных свойствах и способностях, его антропологическом образе. Мы считаем, что современная антропология права войны может быть рассмотрена и усовершенствована в свете гуманистической антропологии Эриха Фромма и его анализа человеческой деструктивности. С этой целью рассмотрим учение о правах человека как источник антропологии права войны. Затем проанализируем отношения между современным философским обоснованием прав человека и идеей о главенстве разума в философии Иммануила Канта. Далее изучим подход Эриха Фромма к рассмотрению человека: разделение агрессии на доброкачественную и злокачественную, и механизмы ее возникновения. В итоге рассмотрим социальные изменения, которые могли бы быть предприняты для достижения мира и порядка.

Уместно сказать, что выявление антропологии права войны представляет собой самостоятельную проблему. Вплоть до недавнего времени международное право развивалось исключительно в рамках государственного подхода. Главную роль в международных отношениях играли государства, а индивиды рассматривались лишь в свете внутренней политики. Современный французский политолог Мишель Жирар указывает, что забвение индивида – достаточно новый феномен, возникший полвека назад. В настоящее время можем наблюдать ренессанс в исследовании роли индивида в политике [2.]. Одновременно с ростом интереса к индивиду в теории международных отношений в последние десятилетия наблюдается формирование философско-антропологического обоснования концепции прав человека [7. Электр. ресурс]. Американский философ Алан Джуерт в работе «О правах человека: эссе по обоснованию и применению» (1982) постулирует необходимость прав человека, исходя из рациональной природы индивида. Рациональный индивид, будучи автономным в своих действиях, стремится к свободе и благополучию. Будучи рациональным, он должен логически признать за другими членами общества аналогичные притязания, и тем самым обеспечить неприкосновенность собственных прав [7. Электр. ресурс]. Американский философ-этик Джон Гриффин в работе «О правах человека» (2008) считает отправной точкой идеи о правах человека мысль об индивиде как о рациональном и автономном существе, которое отличается от животного осознанием собственной личности и социального окружения. Благодаря практической способности выработать общественные нормы, он способен формировать идеал наилучшей жизни [9].

Концепцию прав человека, связанную с международным правом, в работе «Теория справедливости» разработал американский философ Джон Ролз. В отличие от Джуерта и Гриффина Ролз разрабатывал концепцию прав, способную оправдать международные феномены, такие, как: суверенитет, интервенции, легитимность власти, справедливые войны. Права человека для него выступают как отдельный класс права народов, они ограничивают возможные причины для справедливой войны, регулируют ее ведение и ограничивают автономию внутренней политики [8]. Концепция права Дж. Ролза основана на справедливости, которая представляет собой исходный

принцип договора между свободными и рациональными индивидами. Дж. Ролз пишет о справедливости как о наборе идеалов, представлений о благе, системе рациональных целей, которые каждая личность должна определить путем рациональных размышлений [4]. Начиная размышлять о справедливости, Дж. Ролз указывает, что его теория применима только к упорядоченным сообществам [4]. Принимая за основу, подобно Джуерту и Гриффину, представление о рациональном индивиде, Дж. Ролз ничего не сообщает о возникновении несправедливости. Она мыслится как свершившийся факт, а задачей права является исправить положение дел в пользу справедливости.

Мы полагаем, что источник происхождения несправедливости можно найти в рассуждениях И. Канта о происхождении зла. Как Гриффин, так и Дж. Ролз развивают теорию о правах человека на основе проекта Просвещения, главную роль в котором играет И. Кант. Гриффин, отказываясь от просвещенческой деонтологии, указывает, что в основе современной этики лежит традиция Канта и Милля [9]. Дж. Ролз, конструируя теорию справедливости, опирается на учения об общественном договоре и находит ее похожей на теорию И. Канта [4].

Вопрос об антропологии зла И. Кант разбирает в произведении «Об изначально злом в человеческой природе». Анализируя природу человека, он выделяет в нем три класса задатков [3. С. 27]. Первые присущи человеку как биологическому существу. К природным задаткам относится стремление к самосохранению, продолжению рода и социальному взаимодействию. Исходящие из них пороки можно отнести к инстинктам человека. Среди них: обжорство, похоть и дикое беззаконие. Задатки второго типа отражают разумную и животную природу человека. И. Кант называет их задатками человечности, они отражают взаимодействие в человеке чувственности и разума. Пороки, исходящие из них, являются пороками культуры. Сюда относятся: ревность, соперничество, зависть, неблагодарность, злорадство. Третий тип задатков выражает способность человека внимать моральному закону и руководствоваться максимальной разумом в своих поступках. Это задатки личности. Они воплощаются в жизнь, когда человек сознательно принимает моральный закон. Все три типа задатков изначально не противоречат моральному закону, а содействуют его исполнению. Таким образом, природа человека состоит из чувственности,

движимой животными инстинктами, и разума, в котором сосуществуют, с одной стороны, чувственные мотивы, с другой – мотивы нравственного закона. Представление о человеке как о животном не может быть источником рассматриваемого зла, так как оно носит моральный характер, и, следовательно, должно быть найдено в свободном выборе разума. Добрый человек в поступках подчиняет мотивы чувственности высшим основаниям разума, тем самым отражая естественную иерархию мотивов. Когда говорят о злом человеке, то имеют в виду, что у него злое сердце и нравственность он подчиняет чувственным мотивам, впадая в порок. Рассмотрев разумную суть зла, И. Кант остается в неведении относительно причин, по которым оно возникло. И. Кант верит в изначальную доброту разума, поэтому происхождение злого из доброго логически противоречиво. Он вынужден вернуться к повествованию о первоначальном грехопадении в Священном писании. Но для человека все же остается открытой возможность избавиться от предрасположенности ко злу. «В злом человеке нравственный императив разума не отсутствует, а забыт» [3. С. 52]. Возврат к законодательству разума может быть осуществлен через исправление образа мыслей, пишет И. Кант. Даже самый ограниченный человек способен к удивлению, встретив искреннее следование нравственному долгу. Хотя следование категорическому императиву требует революции в образе мыслей, которая не может быть доступна испорченному человеку. К ней можно подойти через надежду на последовательное очищение нравственных оснований, посредством воспитания и формирования привычки к добродетели [3]. Именно в духе надежды выражена и преамбула Всеобщей декларации о правах человека: посредством просвещения и воспитания содействовать уважению прав и свобод, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий [1. Электр. ресурс].

Таким образом, современная антропология, рассматривающая человека в международном аспекте его существования, относящаяся и к сфере права войны, базируется на антропологии И. Канта. Она выражается в представлении о человеке как рациональном индивиде, наделенным исключительно добрым инструментом в виде разума, в котором самодовлеющее чувство нравственного долга никогда не прекращает свое существование, и способным одним

внутренним велением очиститься от ложных максим в своем поведении. И даже если результаты собственных усилий его не впечатляют, он может надеяться на неизбежность морального прогресса потому, что он обладает таким благом как разум.

Вряд ли Гитлер в юности не имел перед собой надлежащего нравственного примера. «Его мать Клара Гитлер [альт. Пёльцль, в тексте Фромма отец и мать Адольфа указаны как Гитлеры], пишет Э. Фромм, была симпатичной и складной девушкой, трудолюбивой и ответственной домохозяйкой. Ее дом всегда находился в безупречном порядке. Но главной заботой для нее были дети, к коим она проявляла самоотверженную любовь» [5. С. 245-246]. Она делала все возможное для воспитания и содействия взрослению Гитлера. Его отец Алоис Гитлер (альт. Шикльгрубер) был более строгим и авторитарным родителем. Он достиг определенного положения в обществе благодаря трудолюбию и самовоспитанию. Он не проявлял склонности к разрушительному поведению, наоборот, тяготел к созиданию и жизнеутверждению, осуществив свое стремление в страстной любви к пчеловодству. Обладая непререкаемой властью в семье, Алоис, тем не менее, не был тираном и пытался разумными доводами воспитать в Адольфе ответственность и благоразумие. Алоис и Клара были экономными хозяевами, поэтому семья Гитлера после смерти отца унаследовала приличную сумму, которую мать Адольфа использовала с умом. Их достаток и положение в обществе позволили обеспечить качественное образование Адольфу, от которого он фактически отказался. Первоначальные успехи в народной школе для Гитлера сменились неуспеваемостью в реальном училище, а затем и неудачами при поступлении в венскую Академию художеств. Ни рациональные доводы отца, ни беззаветная любовь матери не отвратили Гитлера от социального падения. Но даже крайняя нужда не разбудила в нем конструктивного начала и благоразумия. Зато война полностью изменила его, он стал собранным и дисциплинированным, эти четыре военных года он чувствовал себя собранным и дисциплинированным. Последовавшая за поражением в войне революция лишь усугубила характер личности Гитлера. Высокие чувства также не вызывали в нем ответа: ни верность его соратников, ни преданная любовь Евы Браун не волновали его. «Только собака была тем существом, которое

пробуждало человеческие чувства в фюрере» [5. С. 269]. Почему выросший в обеспеченной семье, твердо стоявший на позициях среднего класса, в относительно спокойном обществе Германии предвоенных годов, Гитлер превратился в кровавого демагога, развязавшего самую кровопролитную в истории войну, а немецкая нация покорно последовала за своим вождем навстречу гибели?

Диктат нравственного долга над склонностью к моральным действиям человека в учении И. Канта критиковал его современник философ-романтик Ф. Шиллер. Он указывал, что назначение человека состоит не в совершенствовании отдельных нравственных действий, а в том, чтобы быть моральным существом. Для этого следует не просто следовать зову нравственного долга, но и связывать с ним свое желание действовать морально. Иными словами, «человек должен подчиняться разуму с радостью» [6. С. 146]. Э. Фромм строит свою антропологию, основываясь на открытиях современного эволюционизма, психоанализа и социальной теории К. Маркса. При построении собственной теории он последовательно отвергает две наиболее популярные точки зрения на человека: инстинктивизма и бихевиоризма. Эксперименты, проводимые бихевиористами, не дают доказательств, подтверждающих всемогущество сознательного воздействия на человека. Отдельные эксперименты, в частности, эксперимент наказания электричеством, подтверждают наличие у человека внутренних программ сопротивления [5]. Взгляды инстинктивистов, особенно популярна теория агрессии К. Лоренца, не находят подтверждения в открытиях медицины, палеонтологии или антропологии.

Подобно И. Канту, Э. Фромм выделяет в человеке природные корни, роднящие его с животными предками. Они проявляются в виде элементарных инстинктов самосохранения и сексуального влечения. От низших организмов человека отделяет разум – инструмент, который подарил человеку не только возможность предметно мыслить, но и осознание себя и своего места в мире. Вместе с тем, разум породил и множество проблем для человека. Живущие в соответствии с инстинктами, животные находятся в гармонии с природой. Для человека его свобода от инстинктов оборачивается чувством изолированности, трагедии и страха. Таким образом, существование человека описывается в виде дихотомии между недостатком

врожденных инстинктов и избытком самосознания. Необходимость в преодолении страха заброшенности в мир Э. Фромм называет экзистенциальной потребностью или характером, которые существуют как «вторая природа» человека, что вполне соответствует кантовским задаткам человечности. Из обоих проистекают такие культурные явления, как: любовь, нежность, стремление к справедливости или зависть, неблагодарность и злорадство. Саму по себе человеческую природу нельзя охарактеризовать как добрую или злую. Стремление к разрушению, равно, как и стремление к любви, является ответом на одинаковую экзистенциальную потребность – потребность в воздействии на кого-либо.

Каким же образом в изначально неагрессивном и разумном индивиде просыпается боевая готовность и неукротимая жажда разрушения? Как мы видели, И. Кант отвечал на этот вопрос, указывая на слабость человеческой природы, нечистотой или извращенностью сердца. В качестве примера он приводит слова апостола: «я хочу доброго, но совершить его не могу, то есть принимаю доброе в максимум моего произвола, но оно, будучи объективно в идее неодолимым мотивом, субъективно, когда должно соблюдать максимум, оказывается более слабым мотивом» [3. С. 31]. Э. Фромм также указывает, что человеческая природа неспособна обеспечить главенство разума в поведении человека. В отличие от И. Канта, Э. Фромм знает причину происхождения ее несовершенства. Она кроется в воздействии на разум влечений и желаний, против влияния которых человек не в силах устоять. Свою позицию Э. Фромм основывает на открытии бессознательного З. Фрейдом, которое он представляет как совокупность неосознанных импульсов, направленных на сопротивление или искажение реальности в соответствии с субъективными потребностями и ожиданиями. Метод психоанализа, который он использует, вытекает из учения о характере и конфликтах между характерологическими страстями, органично присущими данной личности, и необходимостью самоограничения. Высоко ценя открытие З. Фрейда, Э. Фромм признает архаизм физиологических трактовок бессознательного поведения с помощью теории либидо, заменяя его эмпирическим анализом анатомических и нейрофизиологических человеческих типов и их психологических коррелятов. В то же время, он отказывается от использования абстрактных спекулятивных

суждений прежних экзистенциалистов, таких, как Ж. Сартр или М. Хайдеггер, и принимает во внимание практические условия существования реального живого человека. В отличие от инстинктивистов, структура бессознательного не является врожденной, раз и навсегда зафиксированной установкой в характере человека. Бессознательное представляет собой динамическую систему мотивов, которые могут видоизменяться и эволюционировать, как пишет Э. Фромм, не только в раннем возрасте, но и на протяжении всей жизни. Оно становится регулирующим стержнем человеческого поведения, которое неосознанно влияет на суждения разума, посредством рационализации, принимая характер разумных доводов и утверждений, в отличие от представлений наивных рационалистов, утверждающих всемогущество воспитания. Одним из неотъемлемых свойств человеческого характера, согласно психоанализу, является феномен нарциссизма. Он свойствен как нормальным, так и деструктивным личностям, и может выражаться даже в социально одобряемых и желаемых действиях, например, через преувеличенное восхищение своими родителями и детьми или демонстрацию амбиций [5]. Узвзленный нарциссизм может вызывать деструктивные изменения личности, отрыв от реальности, проявления садизма, мазохизма, вплоть до стремления к разрушению у Гитлера. Проявление нарциссизма характерно не только для индивида, но и для всего общества в целом. Отсюда произрастают различные формы национальной гордости, начиная от патриотизма и заканчивая национализмом. Групповая форма нарциссизма проявляется также и в поклонении или слепом следовании за лидером. В современном обществе роль «идолов» выполняют знаменитости, бизнесмены, политики, эксперты. Они в большинстве случаев определяют настроения масс. Одним из используемых методов воздействия на население является промывание мозгов: политики и военачальники, пользуясь естественной склонностью людей выбирать лидера, внушают подвластным фобии и страхи, запускаящие естественные механизмы агрессии.

Феномен агрессии в анализе Э. Фромма проявляется в различных формах. В первую очередь Э. Фромм предлагает выделять ее доброкачественные и злокачественные виды. Доброкачественная агрессия служит делу жизни, и главным образом выступает в виде оборонительной реакции на внешнюю угрозу. Она

естественна как для человека, так и для животного, и биологические механизмы ее проявления аналогичны в обоих случаях [5]. В силу специфических обстоятельств человеческой жизни, ее спусковые механизмы более сложны. К ним относится страх за собственную безопасность, экономическое благополучие, собственную свободу и ценности. Именно ответ на внешние угрозы и составляет большую часть воинственных проявлений человека. Если бы мы руководствовались только оборонительным инстинктом, то увидели бы, что животные в естественных условиях не проявляют свойственного только человеку количества агрессии. В период Первой Мировой войны немецкому народу было внушено чувство враждебного окружения и изоляции, угрозы со всех сторон, провоцирующее на борьбу за свободу и жизненное пространство. Гитлеру пришлось инсценировать нападение поляков, чтобы создать видимость конкретной угрозы у населения [5]. В отличие от животных, человеческий инстинкт обороны провоцировался не естественным, а искусственным путем. Э. Фромм резюмирует три фактора, вызывающих войны: искусственный страх поражения ввиду бесчеловечности противника; следование за авторитетами, использующими общественную пропаганду в своих целях; и скука, вызванная невозможностью пережить чувства солидарности, равенства и следования идеальному в буржуазном обществе.

Ничем не компенсированная скука ведет к деструктивным изменениям в психике, вызывая злокачественную агрессию, как это было в случае некрофилии Гитлера. В отличие от доброкачественной, она не имеет ничего общего с проявлением животных инстинктов и происходит исключительно из социальных условий человека. Формируя образ врага у населения в Первую Мировую войну, политики прибегали к рациональным доводам. Для выживания Германии были якобы необходимы завоевания западных и восточных земель. Франции «нужны» были земли Эльзаса и Лотарингии. Россия «не могла выжить» без консолидации православного мира при участии народов Балкан. Италии также были «необходимы» колониальные завоевания. Гитлер, отдавая приказы об уничтожении миллионов евреев, якобы руководствовался выживанием немецкой расы. В действительности, пишет Э. Фромм, руководящими мотивами войны были экономические интересы и тщеславие лидеров, а в случае с

Гитлером, стремление к разрушению. Тщеславие, стремление к власти, жадность и накопительство являются проявлениями крайнего нарциссизма и садизма, свойственных деструктивной личности. Выходя из области бессознательного, деструктивные мотивы рационализируются и находят себе любые оправдания для претворения в жизнь. Расправы Гимmlера над русскими и поляками носили абсолютно рациональный характер. Жертве устраивался допрос, вызывавший чувство «законности» в палачах, убийства должны были производиться «гуманным» способом, без садистских эксцессов, чтобы избежать ожесточения людей против СС. Деструктивные качества личности усиливаются общественным воздействием. Не попади Гимmlер в депрессивную атмосферу послевоенной Германии, он бы не стал лидером СС, а мир не узнал бы будущего «кровавого пса Европы». Как пишет Э. Фромм: «он мог бы стать учителем, почтовым работником, чиновником или сотрудником крупного предприятия. Возможно, его не любили бы сотрудники, но на похоронах о нем бы говорили как о любящем отце и почтенном гражданине» [5. С. 212].

Как доброкачественная, так и злокачественная агрессии не имеют ничего общего с пониманием человеческого блага. Призванная сохранять жизнь животному оборонительная агрессия в человеческом обществе превращается в разрушительную силу. Под воздействием надуманных, преувеличенных страхов народы мобилизуют все силы не для сохранения, а для разрушения жизни. Находясь под прессом идеологии ни отдельные личности, ни группы не могут воспользоваться критическим мышлением, а всецело полагаются на политиков. Пребывая в состоянии хронической депрессии, народы видят в войне освобождение от тотального подавления, внимая идеалам героизма, борьбы, солидарности. Военные, политики и эксперты, в свою очередь, движимы деструктивными страстями, усиливаемыми имеющейся в распоряжении властью. За внешне рациональными заявлениями кроются неосознанные мотивы мести, нарциссизма, садизма, некрофилии, накопительства. Они искажают видение реальности и заменяют истинные законы разума законами страстей.

В итоге, каким же образом человечество может освободиться от ненависти по отношению друг к другу и обезопасить себя от непрерывных войн? С одной стороны, Э. Фромм руко-

водствуется возможностями психоанализа, который позволяет указать на истоки возникновения зла в человеческой природе, в отличие от современного рационализма или рационализма Просвещения. Знание причины проблемы позволяет создать и способы ее решения. Признание функционирования бессознательного в личности открывает перспективу выявления деструктивных мотивов в суждениях и действиях человека. С применением методов психоанализа откроется возможность увидеть, каким образом неосознанные влечения искажают восприятие реальности. Исправление деструктивных влечений создает условия для очищения разума от страстей и дает жизнь моральному закону. Конечно, И. Кант и современные рационалисты признают наличие страстей. Их позиция, вслед за И. Кантом, основывается на господстве разума над чувствами. Вера в разум обеспечивала И. Канту надежду на нравственный прогресс, однако с конца восемнадцатого по первую половину двадцатого века человечество столкнулось более чем с полуторастами тысячами конфликтов, последний из которых унес десятки миллионов жизней. Статистика позволяет усомниться во всемогуществе разума. Просвещение и воспитание предлагают основу для нравственности, но если человечество не обладает возможностью воспользоваться разумом, то его доводы окажутся бессильными. Однако индивид не имеет возможности достичь эмоционального здоровья, пока он находится в нездоровом обществе. Помимо методов психоанализа, Э. Фромм предлагает использовать открытия К. Маркса для анализа и реформирования общества. Если мы откажемся от политической ангажированности марксистской теории, то увидим, что общественные отношения здесь не представляют собой рациональный процесс. Помимо воли человека, они выступают в отношениях подчинения, эксплуатации, господства. В результате разделения труда изначально солидарные отношения в обществе превратились в форму организации и владения. Хозяйственное управление в дальнейшем открыло возможность для политического и военного искусства. Философия Просвещения изображает общество как результат общественного договора. Видя невозможность жизни в естественном состоянии, люди согласились пользоваться разумом, чтобы создать общественную систему, во главе которой будет находиться легитимный правитель, а общественные классы будут трудить-

ся на благо общества. Социальная философия К. Маркса показывает, что возможности социального договора могут быть достигнуты только после того, как мы устраним противоречия общественной системы.

Наконец, гуманистическая антропология не только не отрицает современные подходы антропологии права войны, но и совершенствует их. Постулируя сферу бессознательного в человеке, мы не отрицаем разумную природу нашей нравственности, и не встаем на путь механицизма и абсолютного детерминизма. Выражаясь словами Э. Фромма, мы указываем, что радикальный критический разум лишь тог-

да бывает плодотворным, когда он выступает в единстве с бесценным человеческим даром, имя которому – любовь к жизни. Аналогичным образом, используя достижения философии марксизма, мы не радикализируем политику. Для развития человеческой активности и творчества необходимы не революции, а общественные реформы. Как бы то ни было, если антропология Э. Фромма и не способна изменить нашу природу в лучшую сторону, она способна увеличить меру скептицизма в наших представлениях о нем, предостерегая нас от чрезмерной надежды на прогресс.

Список литературы

1. Всеобщая декларация о правах человека, [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 25.03.15).
2. Жирар, М. Роль индивидов в международной политике / М. Жирар. – М.: Изд-во международной академии, 1996. – 204 с.
3. Кант, И. Об изначально злом в человеческой природе / И. Кант // Сочинения в 6-ти томах, т.4, ч.2. - М., Мысль, 1965. – 478 с.
4. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. – 511 с..
5. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: АСТ, 1998. – 319 с.
6. Шиллер, Ф. О грации и достоинстве / Ф. Шиллер // Собрание сочинений в 7 томах, Т.6. - М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – 791 с.
7. Nickel, J. Human Rights [Электронный ресурс] / J. Nickel. - URL: <http://plato.stanford.edu/archives/win2014/entries/rights-human/> (Дата обращения: 23.03.15).
8. Besson, S., Tasioulas, J. The philosophy of international law / S. Besson, Tasioulas J. – Oxford: Oxford university press, 2010. – 611 p.
9. Griffin, J. On human rights / J. Griffin. – Oxford: Oxford university press, 2008. – 339 p.

Сведения об авторе

Лобанов Евгений Викторович – аспирант кафедры философии Оренбургского государственного университета.
fivanec@bk.ru.

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 76–83.*

THE FROMM'S WORK «ANATOMY OF HUMAN DESTRUCTIVENESS» AND CONTEMPORARY LAW OF WAR ANTHROPOLOGY

Evgeny Lobanov

graduate Student at the Department of Philosophy, Orenburg State University, fivanec@bk.ru

This article is an investigation of malevolent aspects of human nature in light of contemporary law of war anthropology. We can explain unsuccessfulness of human rights model presented by both philosophers John Rawls and John Griffin. We use a freudo-marxist theory depicted in work “Anatomy of human destructiveness” by Erich Fromm. His method can reveal the essence of war and other forms

of global violence as well. We reconstructed contemporary model of injustice as inherited from Kant's moral philosophy and supplemented it through Fromm's model of human destructiveness. This investigation complements the contemporary law of war anthropology and contributes to the creation of effective law of war methodology.

Keywords: law of war, contemporary anthropology, rational agency, human rights, destructiveness, psychoanalysis, social philosophy.

References

1. Vseobshchaia deklaratsiia o pravakh cheloveka, [The Universal Declaration of Human Rights]. UN [online] Available at: - http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml [Archived in WebCite] (accessed: 25.03.15).
2. Zhirar, M. Rol' individov v mezhdunarodnoi politike [Individuals in international politics]. Moscow, Mezhdunarodnoi akademii Publ., 1996. 204 p. (In Russ.)
3. Kant, I. Ob iznachal'no zlom v chelovecheskoi prirode v 6 t., T.4, P.2 [Toward origins of evil in human nature in 6 vol. vol. 4, part 2]. Moscow, Mysl' Publ, 1965. 478 p. (In Russ.)
4. Rawls J. Teoriia spravedlivosti [A theory of justice]. Novosibirsk, Novosibirsk St. Uni. Publ., 1995. 511 p. (In Russ.)
5. Fromm E. Anatomiiia chelovecheskoi destruktivnosti [The anatomy of human destructiveness]. Moscow, AST Publ., 1998. 319 p. (In Russ.)
6. Shiller F. O gratsii i dostoinstve. v 7 t, T.6. [On grace and dignity, in 7 vol. vol. 6]. Moscow, State Fiction Publ., 1957. 791 p. (In Russ.)
7. Nickel, J. Human Rights. The Stanford Encyclopedia of Philosophy [online] Available at: -<http://plato.stanford.edu/archives/win2014/entries/rights-human/> [Archived in WebCite] (accessed: 23.03.15).
8. Besson S., Tasioulas J. The philosophy of international law. Oxford, Oxford university press, 2010. 611 p.
9. Griffin J., On human rights. Oxford, Oxford university press, 2008. 339 p.

Статья публикуется впервые, согласен на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 1
ББК 87.5

Н. Н. Исаченко

ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФЕНОМЕНА «СОВЕРШЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

В статье рассматривается концепт «совершенный человек» в философском дискурсе. Сопоставляя понятия «совершенный человек», «сверхчеловек», «ноосферный человек», озвучивается тезис о том, что «совершенный человек» - это высший тип человека, развивающегося в единстве с миром, на основе духовных ценностей. Делается вывод о том, что глобальные проблемы требуют решения людей, действующих из соображений общечеловеческой выгоды, потому что потребность в совершенных людях возрастает.

Ключевые слова: совершенный человек, сверхчеловек, Богочеловек, герой, ноосферный человек.

Идея совершенного человека, сверхчеловека, как перспектива цивилизационного развития, на современном этапе развития общества приобретает особую актуальность и требует всестороннего исследования. Целью исследования является анализ процесса развития концепта «совершенный человек». В течение многих веков эта идея интересовала ученых, философов и формировала в сознании масс синдром ожидания людей со сверхспособностями. Идея совершенства стала идеальным ориентиром, смыслом жизни, мечтой в сознании социума, сформировав образ, наделенный чертами завершенности, цельности, гармоничности, превосходности. Единого представления о совершенном человеке нет. На ранних этапах эта идея формировалась под влиянием религиозных взглядов и воплощалась в образах богов. В Древней Греции совершенный человек (мера всех вещей) представлял единство физического, нравственного и умственного совершенства и воплотился в образе героев.

В европейской философии идея «совершенного человека» восходит к философии Ф. Ницше, сформировавшего понятие «*Uberschensch*» в труде «*Так говорил Заратустра*». Через образ Заратустры мыслитель сформировал сверхчеловеческий тип личности [7]. Философ критиковал моральные установки, ценности, современного ему общества, и предложил путь освобождения от морального закрепощения через восхождение к «сверхчеловеку». Согласно Ф. Ницше, человечество сможет возвыситься до «сверхчеловека», при условии отказа от существующей системы ценностей и от христианских идеалов. Сверхчеловек Ф. Ницше эгоистичен, жесток,

свободен от нравственных ограничений, подвластен страстям, наделен чувством превосходства, дающим ему власть над людьми. По Ф. Ницше, жизнь сверхчеловека представляет постоянную борьбу, в которой утверждается превосходство эгоистического начала над христианским состраданием [7. С. 277].

Образ, созданный мыслителем, вызвал много споров. Положительную оценку открытию Ф. Ницше дал М Хайдеггер, называя «переворотом мышления, ключом к пониманию...его идеи воли к власти» [11]. С. Цвейг, критикуя идею сверхчеловека, высоко оценил его «непреодолимую страсть к правде» и его стремление к свободе [12. С. 30]. Глубокой критике подвергли идею сверхчеловека, сторонники философско-религиозной мысли В. Соловьев, Н. Бердяев, увидев в нем воплощение идею антихриста. Отмечая актуальность проблемы, В. Соловьев увидел в ней опасность, грозящую христианской культуре. В своих работах он противопоставил образу, созданному Ф. Ницше, «подлинного сверхчеловека», Богочеловека – Иисуса Христа, победившего смерть [8. С. 273]. Н. Бердяев, признавая наличие сверхчеловеческих качеств, рекомендовал освятить божественным ореолом тех, кто проявляет в себе сверхчеловеческое [1. С. 147]. Полярное мнение имели русские символисты (Д. Мережковский), приравняв сверхчеловека к высшему нравственному идеалу, они видели в его образе, символ религиозного обновления общества. П. Успенский верил в появление сверхчеловека, утверждая, что человек как космическое существо и «господин вселенной», через идею самопреодоления способен достичь уровня

сверхчеловека [10. С. 145]. В эпоху социализма коммунистическая идеология сформировала новый образ «сверхчеловека», который был воплощен в образе «героя, совершающего фронтальные и трудовые подвиги во имя Родины и своего народа» [4. С. 2087]. В основе ценностной системы героических людей были высшие социалистические ориентиры: долг, честь, патриотизм, героизм [5. С. 160].

Эволюционисты и футурологи обосновывают идею совершенства человека как «продукта эволюции, превосходящего человеческие возможности в духовном и физическом плане» [6. С. 430]. В их представлении совершенным человеком должны управлять высшие мотивы, стремление к реализации высших потребностей: к обретению знаний, развитию творчества, постижению истины и красоты. С их точки зрения, сверхчеловек – это одна из нереализованных возможностей, лежащих внутри каждой личности, и человек решает сам проявить в себе сверхчеловека или нет.

В последние десятилетия идея совершенства активизировалась. Толчком к появлению различных концепций послужило не только изучение идей Ф. Ницше, но и обращение к трансгуманизму. Трансгуманизм – философская концепция, представители которой (С. Н. Корсаков, Д. Хаксли) предлагают с целью увеличения продолжительности жизни и устранения болезней, страданий, направить достижения науки и техники на улучшение умственных и физических возможностей человека. Сторонники трансгуманизма, постгендеризма (настаивают на устранении гендера), аболиционизма (расширить возможности человека) предлагают разные подходы к совершенствованию людей. Концепт «совершенный» чаще всего соотносят с понятиями «сделанный», «сотворенный». В связи с этим предлагают различные программы по сотворению людей нового типа. Одна из идей воплощается в программе, нацеленной на объединение современных различных научных достижений: евгеники, крионики, генетики, клонирования, для создания человека, наделенного сверхспособностями (умственными и физическими). Другая программа нацелена на создание выносливого сильного, бесстрашного воина. Ученые разных стран работают над созданием гибридов человека и андроида с роботизированным скелетом и искусственным интеллектом, которые будут обладать супер-способностями. В представлении масс идея совершенного че-

ловека получила новый смысл, сформировав новый образ, который соотносится с образом «супергероя», сошедшего с экрана или из американских комиксов, воплотившегося в «супермене», «киборге», «Бэтмене», «Робокопе», обладающих сверхчеловеческими способностями, но не отличающиеся интеллектом и гуманностью.

Итак, в современном научном мире отсутствует единое представление о совершенном человеке, но наш критический довод заключается в том, что озвученные выше программы, концепции сориентированы на создание человека «технического», что может привести к вырождению в человеке всего «человеческого», гуманного. Мы считаем, что современному обществу требуется новый идеал человека, не «сверхчеловек» или «супермен», а высший тип человека, способный к самосовершенствованию, духовному возрождению через гармонизацию с окружающим миром. В связи с этим, считаем целесообразным через призму концепта «совершенный человек» рассмотреть феномен ноосферного человека, который в последние годы приобретает особую актуальность. Научная база этой теории ноосферного человека заложена Н. Федоровым, В. Вернадским, П. Тейяр де Шарденом и др. В. И. Вернадский считал человека планетным явлением, активно участвующим в творении ноосферы, создавая цивилизации вокруг себя. Ноосферой В. И. Вернадский называл сферу, рационально управляемую людьми, в создании которой участвует «коллективный разум людей, ... творческие идеи личностей, созидательный труд масс, рациональные поступки людей», которые направлены «на формирование духовности» [2. С. 520]. Следовательно, мысли, идеи, творчество и духовная энергия каждого человека участвуют в создании ноосферы. Ноосферный человек представляет собой личность, несущую особую ответственность перед человечеством, воспринимающую себя чувствами и разумом как бессмертную органическую частичку вечной жизни. Обязательной составляющей является поддержка и совершенствование умственного, физического, нравственного, социального здоровья, которое напрямую зависит от состояния природы. Следовательно, императивной целью человека является забота о сохранении биосферы. Ноосферный человек рассматривается как экологический человек, выстраивающий природосохраняющую стратегию на духовно-нравственных началах.

Убежденность В. И. Вернадского в том, что мир на планете, ее безопасность, благополучие и счастье людей находится в руках каждого живущего [2. С. 135], была подхвачена современными исследователями. В основе ноосферной концепции В. И. Вернадского лежала мысль о том, что система жизни всего человечества в условиях совершенствования научно-технического прогресса, развития культуры, должна опираться на разум, на раскрытие творческого потенциала, интеллекта, что обеспечивает сохранение биологического разнообразия биосферы для потомков. Теория ноосферного человека нашла отражение в идеях А. Субетто, В. Спартина и других. В России создано несколько ноосферных научных школ под руководством А. И. Субетто, Н. Н. Моисеева и других продолжателей научных идей В. И. Вернадского, расширяющих поле «ноосферной парадигмы». Они обосновывают идею о том, что будущее планеты в руках «образованного общества, управляемого общественным интеллектом» [9], представляющего совместное гармоничное развитие человека и окружающего его мира.

Ноосферный человек в нашем представлении, это и есть совершенный человек, личность, осознавшая свое предназначение, сумевшая оценить свои возможности, радикально изменить свое сознание. Совершенный человек – личность, нацеленная на достижение гармонии с природой, обществом, способная духовно и физически преображаться сама, преобразовывать свое бытие, окружающий мир, «воспринимаемая его глазами Бога» [3. С. 85–93]. Он должен развить свое сознание, которое будет на порядок превосходить сознание обычного человека, с целью овладения современными научно-техническими знаниями, и новейшими информационными технологиями. Мы солидарны с Ф. Ницше в том, что уровня «сверхчеловека» могут достигать единицы, а уровня совершенства может достичь каждый. Стремиться к этому нужно, так как каждый рациональный

человек способен раскрыть в себе духовные и физические возможности, «направить на самосовершенствование, на преобразование окружающей действительности, что должно стать целью его существования. Личность, обращенная к идее совершенного человека, «благоговеет перед жизнью», нацеливает себя на «стоцентную реализацию заложенных в ней возможностей и способностей, а порой на преодоление себя, считая воплощение данной цели своим долгом» [4. С. 2089]. Идеал совершенства с онтологической точки зрения воспринимается как сущность бытия человека, осознающего себя частью вселенной, оберегающего и сохраняющего ее, ориентированного на воплощение определенных высших идей, образов. В аксиологическом осмыслении совершенный человек – это высший тип человека, задающий «рациональную меру» сознанию, регулярно совершенствующий себя, развивающийся в единстве с миром, на основе высших духовных ценностей, сохраняя их для грядущих поколений.

Специфика идей совершенства тесно связана с ценностным осмыслением человеком собственного бытия и всего существующего миропорядка. В современном мире наряду с угрозой развязывания третьей мировой войны, обостряются экологические, морально-этические проблемы, особую тревогу вызывает резкое снижение нравственности, культуры, что способствует деградации человечества и может привести к гибели. Потребность современного общества в совершенных людях наиболее возрастает в связи с тем, что многие проблемы современного мира, обретающие глобальный характер, требуют незамедлительного решения людей, рационально действующих исключительно из соображений общечеловеческой выгоды. Проблема совершенного человека в философском дискурсе носит общекультурный характер, является философским концептом и не утрачивает своей актуальности в современном обществе.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. *Смысл истории* / Н. А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 177 с.
2. Вернадский, В. И. *Несколько слов о ноосфере* / В. И. Вернадский // *Философские мысли натуралиста*. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
3. Дмитриевская, И. В. *Богочеловек* Вл. Соловьева – Ноосферный человек. «Прекрасный человек» А. П. Чехова / И. В. Дмитриевская // *Соловьевские чтения*. 2008. Вып. 20. – С. 85–93.
4. Исаченко, Н. Н. *Идея сверхчеловека в философском дискурсе* / Н. Н. Исаченко // *Фундаментальные исследования*. – Пенза: ИД «Академия естествознания». – 2014, № 11. – Ч. 9. – С. 2086–2089.

5. Исаченко, Н. Н. Ресентимент в структуре общественного сознания: монография / Н.Н. Исаченко. – Тюмень: Тюм. ГНГУ, 2013. –160 с.
6. Маслоу, А. Г. Дальние пределы человеческой психики / А. Г. Маслоу // пер. А. М. Татлыбаевой / под ред. Н. Н. Акулиной. – СПб. : Евразия, 1997. – 430 с.
7. Ницше, Ф. Сочинение: в 2 т. Т. 2 / Ф. Ницше // пер. К. А. Свасьян. – М.: Мысль, 1990. – 829 с.
8. Соловьев, В. С. Оправдание добра /В. С. Соловьев / отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – С. 273.
9. Субетто, А. И. Ноосферная научная школа в России: итоги и перспективы. URL : <http://bookz.ru/authors/aleksandr-subetto>. (дата обращения 10.04.2015).
10. Успенский, П. Д. Новая модель вселенной / П. Д. Успенский.– СПб. : Издательство Чернышова, 1993. – 560 с.
11. Хайдеггер, М. Вечное возвращение равного. URL : <http://yandex.ru, rutracker.org>.(дата обращения 10.04.2015).
12. Цвейг, С. Ницше. Борьба с безумием / С. Цвейг // Пер. С.И. Бернштейна. – Таллин: Периодика, ГНТ МП «Элмика», 1990. – 63 с.

Сведения об авторе

Исаченко Надежда Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета.
isnadezhda@pochta.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 84–88.

PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF THE PHENOMENON OF THE PERFECT MAN

Nadezhda N. Isachenko

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanitarian Sciences,
Tyumen State Oil and Gas University, isnadezhda@pochta.ru*

The article discusses the concept of “perfect man” in philosophical discourse. Comparing the concept of “perfect man”, “Superman”, “noosphere man,” voiced the idea that the “perfect man” is the highest type of human being, in unity with the developing world, based on spiritual values. The conclusion is that global problems require solutions of people acting for reasons of universal benefits, because the need for committed individuals increases.

Keywords: perfect man, the Superman, the God-man, the hero, the noosphere.

References

1. Berdyaev, N.A. Smysl istorii [The meaning of history] Moscow, Nauka, 1990, 177p. (In Russ.).
2. Vernadsky, V.I. Neskol'ko slov o noosfere [A few words about the noosphere] Filosofskie mysli naturalista [Philosophical thoughts naturalist] Moscow, Nauka, 1988, 520 p. (In Russ.).
3. Dmitrevsky, I.V. Bogochelovek VI. Solov'eva – Noosfernyi chelovek. «Prekrasnyi chelovek» A. P. Chekhova [Godman VI. Solovyov - Noospheric people. “Beautiful People” by Anton Chekhov] Solov'evskie chteniya, 2008, Vyp. 20, 85-93pp. (In Russ.).
4. Isachenko N.N. Ideya sverhcheloveka v filosofskom diskurse [Idea of superman in the philosophical discourse] /Fundamental issledovaniya.- Penza: ID “Academy of Natural Science», 2014, №11, ЧН.9, 2086-2089 pp. (In Russ.).

5. Isachenko, N.N. Ressentiment v strukture obshestvennogo soznaniya: monografiya [Ressentiment in the structure of public consciousness: a monograph] Tyumen', Tyum GNGU, 2013, 160p. (In Russ.).
6. Maslow A.G. Dal'nie predely chelovecheskoi psihiki [Long-distance limits of the human mind] lane. per. A. M. Tatlybaevoi / pod red. N. N. Akulinoi. SPb, Evrazija, 1997, 430 p. (In Russ.).
7. Nietzsche, F. Sochinenie: v 2 t. [Composition: 2 t.] T. 2, lane. KA Karen Swassjan, Moscow, Thought, 1990, 829p. (In Russ.).
8. Soloviev, V.S . Opravdanie dobra [Justification of the Good] hole. Ed. OA Platonov. - Moscow: Institute of Russian civilization, Algorithm, 2012, 273p. (In Russ.).
9. Subetto A.I . Noosfernaja nauchnaja shkola v Rossii: itogi i perspektivy [Noospheric scientific school in Russia: results and prospects]. Available at: <http://bookz.ru/authors/aleksandr-subetto>. (files accessed 04.10.2015)(In Russ.).
10. Uspenskiy, PD . Novaja model' vselennoi [The new model of the universe] Sankt Petersburg, Izdatel'stvo Chernyshova, 1993, 560 p. (In Russ.).
11. Heidegger, M. Vechnoe vozvrashenie ravnogo [Eternal return equal.] Available at: [http: yandex.ru, rutracker.org](http://yandex.ru, rutracker.org). (files accessed 04.10.2015). (In Russ.).
12. Zweig, S. Nicshe. Bor'ba s bezumiem [Nietzsche. Fighting madness] Trans. SI Bernstein, Tallinn: Periodika, GNT MP «Yelmika», 1990, 63p. (In Russ.).

Статья публикуется впервые, согласна на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 11/12
ББК 87.21

В. К. Асафьева

ПРОТИВОРЕЧИВАЯ СУЩНОСТЬ ОТЧУЖДЕНИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ Г. ЗИММЕЛЯ

Проведен анализ взаимосвязи феномена отчуждения и субъектно-объектных отношений, лежащих, согласно Г. Зиммелю, в основании культуры. В статье утверждается, что в философском наследии Г. Зиммеля можно выделить идею о наличии двух видов отчуждения: во-первых, объект отчуждается от субъекта творческой волей последнего, во-вторых, объект сам следует собственной логике отчуждения. Компаративистский анализ некоторых видов отчуждения в историческом процессе позволяет сделать вывод о том, что процесс отчуждения движется в сторону локализации и потери собственного напряжения.

Ключевые слова: отчуждение, культура, философия жизни, субъект, объект, общество потребления.

Среди исследователей отчуждения и его роли в культуре Георг Зиммель отличается тем, что соединяет две тенденции, бытовавшие до него, в одно. Условно их можно назвать гегельянской и марксистской: первая дает онтологическое понятие отчуждения как того, что с неизбежностью укоренено в способе бытия сущего, вторая – понятие отчуждения в тесной связи с феноменом эксплуатации, так что в воззрениях Г. Зиммеля онтологическая глубина охвата данной проблемы была дополнена трагическим гуманистическим пафосом.

Особенно полно Г. Зиммель осветил проблему отчуждения в таком аспекте в эссе «Понятие и трагедия культуры». В нем же мыслитель дает зарисовку собственной философии культуры, а именно, ее исторического развития.

Онтологическое значение отчуждения в контексте рассуждений Г. Зиммеля можно обнаружить через анализ субъектно-объектных отношений, лежащих, согласно философу, в самом основании культуры. Творчество человеческого духа (которое имеет своим продуктом всю человеческую культуру) происходит путем отчуждения: «Дух производит бесчисленные порождения, которые продолжают свое собственное, самостоятельное существование, независимое как от души, их сотворившей, так и от любой другой воспринимающей или же отклоняющей их души» [4. С. 445]. Без этого отчуждения культура не может состояться. Г. Зиммель утверждает, что ее цель – это самостоятельное развитие «духовного центра», которое при этом нуждается во «внешних для нее самой средствах и этапах развития» [4, С.

448]. Таким образом, культура – это, по словам Г. Зиммеля, процесс возвращения души к себе самой через обогащение отчужденными от нее же формами.

Тем не менее, уже в том субъектно-объектном отношении, которое в таком процессе подразумевается, Г. Зиммель уже усматривает трагизм. Он заключается в том, что дух является в двух формах: в виде не знающей покоя, но ограниченной по времени жизни (конкретное человеческое существование) и косной экзистенции, пребывающей вечно (культура как объект). В столкновении одного с другим, в их несоответствии и скрыто трагическое противоречие.

При этом трагизм человеческой культуры, совершающейся через отчуждение, усиливается на протяжении своего исторического развития. Происходит это потому, что логика развития культуры как объективного образования начинает расходиться с первоначальными высшими целями культуры – воссоединению человеческого духа с самим собой.

Это выражается в том, что культура становится как бы безучастной к духовной жизни индивида и ее потребностям. Произведение искусства оценивается исходя из отвлеченных эстетических норм, научное исследование – из установленных им же критериев, религия – из полноты утешения души, экономика – с экономической же точки зрения, и т.д. [4. С. 458]. На самом же деле, отмечает Г. Зиммель, даже несовершенное с эстетической точки зрения произведение искусства может послужить развитию человеческого духа, как и прочие объекты культуры, не соответствующие своей внутрен-

ней логике. Следовательно, это размежевание – можно назвать его отчуждением второго порядка – и составляет трагическую сущность развития культуры, согласно Г. Зиммелю. Он называет его «эмансипацией объективированного духа» [4. С. 473], когда средства начинают обладать ценностью конечных целей.

В другом эссе «Изменение форм культуры» Г. Зиммель признается, что переносит, по сути, модель исторического развития экономических форм у К. Маркса за пределы экономики: внутреннее движение культуры в целом, заявляет мыслитель, создает соразмерные своей эпохе формы, но перерастает их через конфликт [4. С. 483]. В других эссе Г. Зиммель указывает, как развитие техники усугубляет трагизм современной культуры (логика развития объектов начинает стремительно превосходить изначальную логику субъект-объектных отношений духа).

Тем не менее, Г. Зиммель возлагает надежды на философию жизни, основателями которой называет Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше, в том, что касается противостояния всеобщей бесформенности культуры – симптом ее отчуждения от высших целей [4. С. 498]. Таким образом, по его мысли, современный ему кризис культуры (а он выражен в отсутствии стиля) относителен, так как понятие жизни, значимое для интеллектуалов его времени, становится провозвестником «стиля» новой эпохи, – следовательно, и культура в плане достижения высших ее целей не обречена.

Продолжая мысль Г. Зиммеля, можно сказать, что общество потребления вслед за рассматриваемым им ростом техники лишь усугубило «отчуждение второго порядка». Жизнь индивида как таковая не стала действительной ценностью, но стала оцениваться, исходя из потребляемых им благ, при этом прогресс техники понимается уже в первую очередь не в связи с интеллектуальным развитием человечества, но через обогащение теми благами, которые это человечество может потребить. Жан Бодрийяр по этому поводу пишет следующее: «отсутствующая личность, эта утерянная инстанция стремится «персонализироваться». Именно это утерянное существо собирается вновь конституироваться *in abstracto* с помощью знаков, умноженного набора отличий» [1. С. 119].

В процитированном произведении французский мыслитель вступает в полемику с таким представлением о потребностях, в котором они принадлежат рациональному субъекту; на

манипуляции потреблению, полагает он, и построена вся современная экономика. Индивид сам создается из знаков социального статуса. Сама же его персонализация, становление как отдельного субъекта со своими качествами и особенностями, становится невозможной, потому что сводится к выбору тех социальных атрибутов, которые обществом дозволены. То есть, если мы возвратимся к терминологии Г. Зиммеля, то можем заключить, что логика развития эмансипированного объективированного духа стала развиваться дальше, причем она внедряется в целостность самого субъекта.

Кроме того, философия жизни не стала основой мировоззрения XX века: именно плюрализм, множество философских, художественных и пр. направлений и характеризует культуру прошлого века; таким образом, «отсутствие стиля», тяготившее Г. Зиммеля, не было «снято», как должно было произойти согласно его диалектике истории культуры. Жан-Франсуа Лиотар, на кого принято ссылаться в данном случае, назвав современное состояние культуры постмодерном, определил его через недоверие к метанарративам («метарассказам») [5. С. 11]. Причем Лиотар полагает это закономерным следствием развития исторического процесса – а именно, технического прогресса, на роль которого в процессе отчуждения указывал и Зиммель.

Постмодернизм как философия, отрицающая и субъект, и всякое тождество (коррелятом отчуждения здесь может стать «различие» у Деррида или Делеза, ставшие для них знаковыми идеями) завершает эту картину.

Однако очевидно, что каждый мыслитель, философствующий исторически, сам оказывается включенным в некоторый историко-философский контекст. И философия Г. Зиммеля, в этом отношении, как и учения Шопенгауэра и Ницше, столь высоко им ценимые, осталась в истории, в том смысле, что в новых культурных реалиях некоторые предпосылки его мышления перестали быть актуальными для новых философов.

Так стало, в частности, и с понятиями «субъект» и «объект», которые, как мы видели, находятся в самом центре представления о культуре у Г. Зиммеля. В рамках исследования современной философии принято полагать, что произошла «смерть субъекта», которую, в частности, выразил Мишель Фуко: «взяв сравнительно короткий хронологический отрезок и узкий географический горизонт – европейскую

культуру с XVI в., можно сказать с уверенностью, что человек – это изобретение недавнее <...> это просто было следствием изменений основных установок знания <...>. Если эти установки исчезнут <...>, человек изгладится, как лицо, нарисованное на прибрежном песке» [7. С. 398].

Такой тезис находит свое подтверждение в уже состоявшихся философских учениях без субъекта: для письма Жака Деррида и «номадического распределения сингулярностей» Жюльена Делеза не требуется никаких устойчивых самоидентифицируемых единств. Деррида в программной работе «О грамматологии» (в которой заявляется, в том числе, и об отсутствии внетекстовой реальности) говорит об «изначальном отсутствии субъекта письма» [3. С. 198]. Делез и Гваттари утверждают множественность ризомы: «у множества нет ни субъекта, ни объекта» [2. С. 14], есть лишь «процесс, соответствующий субъективации» [2. С. 15].

Для самого Фуко «Я» предстает через различие дисциплинарных практик и способов «заботы о себе». Ролан Барт и Жан Бодрийяр описывают субъект как лишь реципиента внушаемых образов мифологического сознания и общества потребления. Духовная жизнь индивида оказывается не только вне фактически свершающейся культурной жизни, но и вне теоретического рассмотрения философов.

Г. Зиммель, безусловно, принадлежит новоевропейской философии, для которой понятие «субъект» было незыблемым основанием со времен картезианского *cogito*. Однако гуманистический пафос мыслителя отсылает и к другим историко-культурологическим фактам. Культ человеческой личности был свойственен эпохе Возрождения. Будучи еще в рамках христианской веры в Бога, Джованни Пико дела Мирандола, например, отделял человеческое существование от прочих божьих творений на том основании, что оно само творит собственный образ, место в мировой иерархии, законы. В подобных формах это нашло выражение в целом в гуманизме этой эпохи.

Провозглашение важности интеллектуального развития духа свойственно и эпохе Просвещения. Иммануил Кант в известном эссе определял ее исходя из того, что человек сам берет на себя мужество использовать свой разум; несмотря на то, что эстетические интенции Возрождения отступают на второй план, субъект (в значении «индивид») также ставится в центр рассмотрения.

Мотив же столкновения конкретного человеческого индивида с косностью объективированного духа, который мы видим у Г. Зиммеля, можно назвать следами романтического пафоса, который был присущ, в том числе, и Ф. Ницше («Как становятся самим собой» в качестве подзаголовка одной из основных его работ вполне рифмуется и с целью культуры по Г. Зиммелю).

Таковы историко-философские предпосылки понятия субъекта у Г. Зиммеля – как самоидентифицируемой данности, которая стремится к широко понимаемому духовному развитию через приобщение к культуре и конфликт с нею. Но критика такого понимания была произведена уже Ф. Ницше, которого сам Г. Зиммель полагает своим предтечей. В черновиках, которые были затем изданы как «Воля к власти», он заявляет: «Субъект только фикция» [6. С. 215], «Субъект – это терминология нашей веры в единство всех различных моментов высшего чувства реальности» [6. С. 282].

Вместо него Ф. Ницше предлагает онтологию воли к власти, которая сама не имеет какого-либо субъекта. Эта тенденция в дальнейшем получила свое развитие у постмодернистских авторов, когда онтологическому расщеплению подвергается как субъект, так и другое любое тождественное себе образование. Так, в философии Деррида мы говорим уже не о каком-либо феномене, но о «следе». («След – главная форма неналичия <...> Он предшествует всякой мысли о сущем и неуловим» [3. С. 21], – пишет Н.А. Автономова).

Вернемся к двум видам отчуждения по Г. Зиммелю: во-первых, объект отчуждается от субъекта творческой волей последнего, во-вторых, объект сам следует собственной логике отчуждения. При этом, по Г. Зиммелю, первая форма отчуждения видится как более фундаментальная, онтологического характера. Однако если мы сопоставим это представление с проведенным выше историко-философским анализом, то мы увидим обратное отношение: субъект как феномен был растворен в обществе потребления, «субъект» как понятие – поглощен коррелятами понятия «отчуждение».

Следовательно, можно предположить, что и сами термины, взятые Г. Зиммелем в онтологической перспективе: «субъект», «объект», «дух» – могут оказаться следствиями отчуждения более высокого порядка.

Это происходит, если мы переносим акцент с представления о сущности человека как вне-

сторической данности на содержание истории философии, в котором мы можем обнаружить, что понятия, которыми оперируют мыслители, сами имеют относительный контекст: они сформированы исходя из определенных предпосылок. Тем не менее, это не значит, что в таком историко-философском рассмотрении онтология становится невозможной, а сущность отчуждения неопределимой. К такому выводу, по всей видимости, приходит Ж. Бодрийяр, когда говорит, что отчуждение немислимо из-за отсутствия субъекта в современности (грубо говоря, отчуждаться некому).

Из этого лишь следует, что отчуждение имеет собственную логику до всяческого разделения на субъект и объект, которая не исключает, но вписывает в себя и отчуждение, описываемое К. Марксом, Г. Зиммелем, Э. Фроммом и т.д.

Возьмем две крайние точки: первой станут представления об отчуждении в средневековье (когда соответствующей теории, впрочем, еще не существовало), а второй – концепция общества потребления. В первом случае мы наблюдаем глобальную проблему, которая заботит

теологов: отделенность человека от Бога, пропасть, которая лежит между Ним и тварным миром, и которая, тем не менее, может быть преодолена средствами, предлагаемыми религией. Во втором случае, если следовать мысли Ж. Бодрийяра – мы видим отчуждение в виде тщетных попыток индивида «выделиться» благодаря личному выбору тех или иных способов потребления. Более глобальные типы отчуждения перестают быть проблемой, теряют свою силу.

Таким образом, мы можем сказать, что процесс отчуждения движется в сторону локализации и потери собственного напряжения: на смену сущностным, но теоретически преодолимым типам отчуждения (человека от Бога, рабочего от процесса и продукта труда и т.д.) приходят более «личные», но теоретически непреодолимые (потребитель пытается учредить собственную отличительность, но его попытки тщетны).

Такой взгляд, конечно, требует дальнейшего обоснования, который мы осуществляем в дальнейшем исследовании.

Список литературы

1. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Е. А. Самарской. – М.: Республика: Культур. революция, 2006. – 269 с.
2. Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 672 с.
3. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: «Ad Marginem», 2000. 512 с.
4. Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. – М.: Юрист, 1996. 672 с.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. 160 с.
6. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.
7. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – М.: Прогресс. 1977. 488 с.

Сведения об авторе

Асафьева Валентина Константиновна – аспирант кафедры теоретической и социальной философии Национального исследовательского Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

asafeva@mail.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 89–93.

CONTRADICTION NATURE OF ALIENATION IN THE VIEWS OF GEORG SIMMEL

Valentina K. Asaf'eva

*postgraduate student at the department of theoretical and social philosophy of National scientific re-
search Saratov State University, acafeva@mail.ru*

The article gives the analysis of interrelation of a phenomenon of alienation and the sub-ektno-object relations lying, according to Zimmel, in the basis of the culture. In article it is claimed that in philosophical heritage of George Zimmel it is possible to allocate the idea of existence of two types of alienation: the first is that, the object is alienated from the subject by his creative will, secondly, the object itself follows own logic of alienation. The contrastive analysis of some types of alienation in historical process allows to draw a conclusion that the process of alienation moves towards localization and loss of own tension.

Keywords: alienation, culture, philosophy of life, a subject, an object, a consumer society.

References

1. Baudrillard J. Obshchestvo potrebleniya. Yego mify i struktury [Consumer Society. Its myths and structure], Ye.A. Samarskaya (tr.). Moscow, Respublika Publ., Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2006. 269 p. (In Russ.)
2. Delez ZH. Tysiacha plato: Kapitalizm i shizofreniia [A Thousand Plateaus : Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg, U-Faktoriia Publ., Moscow, Astrel Publ., 2010. 672 p. (In Russ.)
3. Derrida ZH. O grammatologii [Grammatology]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. 512 p. (In Russ.)
4. Zimmel G. Izbrannoe. T. 1. Filosofiiia kultury [Favorites in 2 vol. Vol 1 Philosophy of Culture]. Moscow, IURist Publ., 1996. 672 p. (In Russ.)
5. Liotar ZH.-F. Sostoianie postmoderna [The postmodern condition]. Moscow, Institut eksperimentalnoi sotciologii Publ., St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1998. 160 p. (In Russ.)
6. Nitshe F. Volia k vlasti. Opyt pereotcenki vsekh tcennostei [The will to power . Experience the revaluation of all values]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2005. 880 p. (In Russ.)
7. Fuko M. Slova i veshchi: Arkheologiiia gumanitarnykh nauk [Words and things Archaeology Humanities]. Moscow, Progress Publ., 1977. 488 p. (In Russ.)

Статья публикуется впервые, согласна на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 1(470+571)
ББК 87.3(2)

М. В. Шварова

«О ЖИЗНИ ПРЕИЗЫТОЧЕСТВУЮЩЕЙ»: ИДЕЙНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФИЛОСОФСКОГО УЧЕНИЯ Н. С. АРСЕНЬЕВА

Рассматриваются идейные предпосылки и становление философских взглядов Н.С. Арсеньева, известного русского философа, культуролога, литературоведа, поэта, находившегося в эмиграции с 1920 года. Показано, что, являясь свидетелем революционных событий начала XX века, он отстаивал философию христианства как философию любви и свободы, как подлинную «философию сердца», как один из величайших даров, полученных им в жизни.

Ключевые слова: философия русского зарубежья; теология; христианство; философия всеединства.

Н. С. Арсеньев (1888-1977) – один из представителей культуры русского зарубежья XX века, идейное наследие которого еще ждет своего вдумчивого исследования. Философ и богослов, культуролог и литературовед, переводчик и поэт, он оставил заметный след в отечественной культуре.

Арсеньев окончил историко-филологический факультет Московского университета, где с 1914 года был оставлен приват-доцентом. В 1919-1920 годах был профессором Саратовского университета. Эмигрировал в марте 1920. Жил в Кенигсберге, Варшаве, с мая 1945 – в Париже. Читал лекции в разных городах Европы: в Кенигсберге, Варшаве, Лозанне, Берне, Оксфорде, Кембридже, Лондоне, Гренобле, Париже, Страсбурге и т.д.; в Нью-Йорке – с 1948, где преподавал в Православной духовной академии св. Владимира в должности профессора.

В эмиграции он написал около 40 книг, множество статей. Среди них есть произведения как на русском языке – «О Жизни Преизыточествующей», «Единый поток жизни», «Жажда подлинного бытия», «Преображение мира и жизни» и др., так и на французском, английском, немецком – «DierussischeLiteraturderNeuzeitundGegenwertinihregeistigenZusammenhaengen», «DasheiligeMoskau» и др. Н.С. Арсеньев свободно владел двенадцатью языками. Развиваемые им идеи вызывали неизменный интерес за рубежом, однако на родине в советский период его имя замалчивалось. В нашей стране изучение творчества Н.С. Арсеньева началось с конца XX века благодаря работам А.А. Абрамова, Л.В. Довыденко, И.А. Дорошина, А.П.

Лыскова, Т.И. Ульянкиной, Л.Г. Филоновой, В.Е. Хализева, С.С. Хоружева и др.

Формирование философских взглядов Н.С. Арсеньева требует отдельного рассмотрения. Характеристика теоретических предпосылок концепции мыслителя необходима для понимания его мирозерцания.

Идейное становление Н.С. Арсеньева пришлось на конец XIX – начало XX века. В истории России эту эпоху называют «серебряным веком», а Н.А. Бердяев – «русским культурным ренессансом» [1. С. 3-22], ознаменовавшим взлетом духовной культуры. В это время происходило развитие многих философских течений, школ, разнообразных по своей мировоззренческой направленности (религиозная философия, философия революционеров-демократов и народников, философия марксизма, философия естествознания, математики, логики, языкознания, педагогики, русский космизм ...). В этой среде появилась целая плеяда русских мыслителей-идеалистов, в том числе: В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Вяч. Иванов, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, Д.С. Мережковский, Г.П. Федотов, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, кн. С.Н. Трубецкой и кн. Е.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн и др., благодаря которым была создана оригинальная русская философия, охватившая все области философского знания (онтологию, гносеологию, антропологию, аксиологию, социальную философию, историософию, этику, эстетику и т.д.). Раскрытие идейных предпосылок учения «О жизни преизыточествующей» Н.С. Арсеньева – одного из представителей этой когорты поможет нам осмыслить истоки русской философии.

В философском развитии Н.С. Арсеньева доминантой стало «искание и обретение Духовной Красоты мира и Надмирного» и, как верно подметил Р.В. Плетнев, его влекла к себе, прежде всего, «Красота, Духовно-Прекрасное и через нее он жаждал приблизиться к Сверх-Разуму и Сверх-Добру Божественной основы вселенной» [2. С. 176]. Особенно волновала Арсеньева тема «томления», духовной «жажды», как одной из движущих сил духовной жизни человечества вообще, как оплодотворяющая и вдохновляющая струя в жизни человеческого духа. Не случайно в отечественной и мировой философии он искал идеи и воззрения, наиболее созвучные его собственным устремлениям.

Отличительной особенностью усвоения Н.С. Арсеньевым мировой философской мысли стало то, что она воспринималась им через призму отечественной культуры, с учетом оценок ее сути русскими мыслителями. В литературе отмечено, что в духовном развитии Н.С. Арсеньева значительную роль сыграли кн. С.Н. Трубецкой, Л.М. Лопатин, В.С. Соловьев и историк литературы П.Н. Сакулин; кроме Св. Писаний и посланий отцов Церкви, в его трудах видно переработанное влияние Фридриха Шеллинга, Ивана Киреевского и Алексея Хомякова. Философия И. Канта оставила отрицательное впечатление у Н.С. Арсеньева, так как идеи его были слишком сухими, неинтересными особенно для того, кто стремился постичь религиозное значение Красоты и ее роль в истории человечества; все это было выражено во «внутреннем отпоре против Канта», неприятии его гносеологии и теории познания [3. С. 109].

Сам Н.С. Арсеньев назвал в числе главных своих духовных наставников А.С. Хомякова и В.А. Кожевникова. Однако интересовали его не только взгляды указанных мыслителей, но и тема страдания у Ф.М. Достоевского, и учение о Логосе кн. С.Н. Трубецкого и кн. Е.Н. Трубецкого, а также учение о всеединстве В.С. Соловьева, мистика С.Л. Франка, концепция «русской идеи» Н.А. Бердяева, идеи С.Н. Булгакова, Н.Ф. Федорова, Г.П. Федотова, П.А. Флоренского и др.

И все же, первостепенное значение в философском развитии Н.С. Арсеньева имели труды именно А.С. Хомякова: «Церковь одна», «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях», «Письма православного христианина», «Старое и новое». Особое внимание он уделял центральному по-

нятию его философии – «соборности». Н.С. Арсеньев стремился раскрыть идейный смысл «соборности», состоящий, в частности, в том, что «истина есть *реальность*, она не есть субъективная истина» [3. С. 199]. Ссылаясь на А.С. Хомякова, он пишет о том, что если кто-то из нас в жизни падает, то он страдает один, но никто в одиночку сам не спасется, а спасающийся «спасается в Церкви, как член ее, и в единстве со всеми другими ее членами»; если «верует ли кто, – он в общении Веры; любит ли – он в общении Любви; молится ли – он в общении Молитвы... Если же скажет рука, что ей не нужна кровь остального тела, и она своей крови ему не даст, рука отсохнет» [3. С. 204].

Учение о соборности А.С. Хомякова, полагает Н.С. Арсеньев, является раскрытием «учения о Божественной Любви», так как оно охватывает всего человека в его долгом, нелегком «пути к Богу» вместе с братьями. Одно послание Иоанна: «Я в них, и Ты во Мне, да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня», на которое опирается А.С. Хомяков, является, по мысли Н.С. Арсеньева, предтечей основного фона всей русской философии – «инкарнационного воплощения Слова, как выражения безмерного снисхождения Божественной Любви» [4. С. 19], где принцип братского общения соединяется с принципом свободы личности. По убеждению А.С. Хомякова и Н.С. Арсеньева, в соборности – весь смысл жизни и истории человечества, основа объединения всех людей.

В своих работах Н.С. Арсеньев также опирается на сочинения И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» и «О необходимости и возможности новых начал для философии». Но его вдохновляли и письма И.В. Киреевского к А.С. Хомякову. В одном из них И.В. Киреевский писал, что истинное познание нам дается только при изменении внутреннего «я», при нашем срастании с действительностью, т. к. «я должен сам переродиться, сам измениться, сам преобразиться, и только тогда можно быть способным постичь Истину и не словами, а существенно»; познание Истины есть новая жизнь, которая захватывает всего человека, его волю, чувства, внутреннее сознание, а не только какие-то логические схемы. Эти жемчужины русской мысли особенно актуальны сегодня. Кто знает об Истине только понаслышке и не живет ею, подобен, согласно Исааку Сирину, человеку, желающему утолить свою жажду

водой, нарисованной на стене. Слово – это не ящик с заключенной мыслью, а проводник, с помощью которого ее передают другим; это – не темница, куда спрятаны сокровища ума и знаний, но это – дверь, через которую они выносятся. И странный закон у этой сокровищницы: чем более знаний выпускается наружу, тем более их остается в сохранности. Благодаря И.В. Киреевскому, по убеждению Н.С. Арсеньева, в русскую философию вошли подлинные ценности «аскетическо-мистического» опыта Православной Церкви [3. С. 218].

Еще одним важным источником развития философского мировоззрения Н.С. Арсеньева следует признать творчество Ф.М. Достоевского. Выделяя его главную тему: «Страдание и ужас страдания», Н.С. Арсеньев заметил, что из этого страдания вытекает центральный вопрос духовной жизни Ф.М. Достоевского и внутренний нерв его творчества: верить ли в Бога?

Н.С. Арсеньев вывел три основные темы в творчестве Ф.М. Достоевского: «Христоцентризм», «Соборность нашего спасения» и «Преображение твари». Н.С. Арсеньев заметил, что названные три темы глубоко переплетаются между собой и преподносятся в русской мысли в ходе всего ее дальнейшего исторического развития, в течение всего трагического XX века, с различными поступающими дополнениями. Вследствие этого он ставит вопрос о новом характере познания у Ф.М. Достоевского, который неразрывно связан с нашим духовным ростом, «ибо мы должны измениться сами силою Божественного Духа, чтобы достичь этого познания». Н.С. Арсеньев назвал это – «аскетически-пневматологическим» учением о познании, т.е. учением о духовном преображении мыслящего субъекта как предпосылки подлинного познания [4. С. 30-33].

На формирование философских идей Н.С. Арсеньева оказал серьезное влияние В.А. Кожевников как своими лекциями, так и трудами, например, книгой «Философия чувства и сердца Фрица Якоби», в которой им воссоздано «философское лицо» XVIII века для обнажения идейного мещанства философов-рационалистов. Религиозно-философские взгляды В.А. Кожевникова были христоцентричны. Особый интерес вызывают его размышления о Пасхе. «Победа Сына Божия над смертью, Воскресение – вот стержень мировой истории. Отсюда, из этой совершившейся победы, <...> из воплощения Сына Божия вытекает и новое,

повышенное достоинство твари, реабилитация павшего творения, реабилитация ветшающей и умирающей красоты мира. Преображение мира в лучах Воплощения и Победы Сына Божия – вот затаенная основная идея, вдохновлявшая научный и мыслительный труд Кожевникова», – но этой теме, как отметил Н.С. Арсеньев, он не посвятил ни одной книги, хотя большинство его трудов пересекаются с ней.

Благодаря В.А. Кожевникову, Н.С. Арсеньев познакомился с идеями Н.Ф. Федорова, положившими начало русскому космизму. Когда Н.С. Арсеньев говорил о своем духовном учителе, то он указал, что В.А. Кожевников, хотя был учеником и другом Н.Ф. Федорова, всех его мыслей не разделял.

Н.С. Арсеньев так же писал о том, что для него Владимир Соловьев – центральная и крупнейшая фигура в истории русской философии, вдохновитель и учитель многих. Н.С. Арсеньевым была воспринята концепция всеединства Владимира Соловьева, которая получила развитие в трудах кн. С.Н. Трубецкого. Характеризуя эволюцию его взглядов, Н.С. Арсеньев отмечал, что центральным объектом философско-богословских и философско-исторических размышлений и изысканий князя С.Н. Трубецкого стал Логос Божий (в более ранние годы – София, Премудрость Божья). «Он, творчески осуществляющий Свой план в создании и судьбе мира, Он – тот Разум, свет которого во тьме светит и тьма его не объясит, Он, этот Логос Божий, источник и цель, основа жизни и мира, и сокровенный его смысл, становится центром <...> его исторического бытия, центром земной, конкретной, человеческой истории – в Воплощении Своем. Слово плоть бысть, и мы видели Славу Его», – это тема Иоанновского пролога, которая увенчала собой путь, как всех предшествующих религиозных исканий, так и всей религиозной мысли человечества, она стала основной темой для С.Н. Трубецкого. Он – редкий пример мыслителя, который захвачен «одним основным, превозмогающим созерцанием и старающийся жить согласно этому созерцанию» [3. С. 235].

Вместе с тем, усвоение Н.С. Арсеньевым концепции всеединства В.С. Соловьева было достаточно критичным. Он видел не только теоретические возможности, которые открывало это учение, но и границы подобного мышления. Религиозный напор идей Соловьева «как бы ослабляется <...> самодовольством блестящей диалектики гегелевской (или шеллинги-

анской) школы); «эти типично гегелианские логические схемы <...> скользят подчас мимо своего предмета», – это ощутил еще Лев Шестов и он был прав, по мнению Н.С. Арсеньева. Натуралистическую струю создает «половая устремленность в его философии», которая никак не вяжется с «трепетной сосредоточенностью христианского благочестия», но играет большую роль в его мирозерцании, как считает Н.С. Арсеньев, и «трепет перед божественной Тайной как-то не всегда присущ настроениям Влад. Соловьева» [4. С. 30-33], но в последние годы его жизни христоцентризм проявился сильнее, особенно в его замечательных предсмертных «Трех Разговорах» (1900).

Особенно глубокое впечатление на Н.С. Арсеньева произвели знаменитые «Чтения о богочеловечестве» (1880) Владимира Соловьева, так как в них создатель концепции всеединства старался раскрыть слушателям «сокровенную мудрость плана Божия о мире и человеке», показывая, как все линии этого плана, словно «радиусы к центру, сходятся к воплощению Богочеловека» [5. С. 95-103]; а судьбы мира и человека, освещенные из этого центра, получают внутреннюю законченность, особый смысл. Этот смысл и «цель всего творения есть всеединство в Боге (основная и любимая мысль В.С. Соловьева)» [5. С. 95-103]. Н.С. Арсеньев также высоко ценил другой труд мыслителя – «Духовные основы жизни» (1882). «Все должно быть восстановлено, все должно быть освящено победною силою Духа», так как именно победа духовного начала над природным должна «показать свое превосходство, не истребляя и не поглощая эту побежденную природу», восстанавливая ее в новом образе бытия, потому что Воскресение – это внутреннее примирение материи и духа, с которым оно

становится как одно его реальное выражение, как духовное тело» [5. С. 95-103].

В замечательных «Пасхальных письмах» (1897) Влад. Соловьева Н.С. Арсеньев увидел не только один из фактов евангельской истории, увенчивающих земное предназначение Христа, но и «начало новой, грядущей и притом конечной, завершительной стадии в истории мира: действительной победы Жизни над Смертью, Царства Вечной Жизни» [5. С. 95-103]. «Христос воскрес!» Окончательная и отличительная истина христианства состоит «в одухотворении и обожествлении плоти» [5. С. 95-103] – в этом есть главный смысл воскресения Христова. Гимном радости всемирного воскресения звучит его замечательное «пасхальное» письмо «Христос воскрес!». «Носителем зачатка этой грядущей всеохватывающей Вечной Жизни, этого грядущего всеединства является великий организм Тела Христова – Церковь», так как «тело Христово», являющееся сначала как малый зачаток в виде немногочисленной общины первых христиан, мало-помалу растет и развивается, чтобы «в конце времен обнять собою все человечество и всю природу в одном вселенском богочеловеческом организме, потому что и остальная природа, по словам Апостола, с надеждой ожидает сынов Божиих» [5. С. 95-103], – эти мистические и глубоко православные мысли о Церкви В.С. Соловьева глубоко созвучны, по мнению Н.С. Арсеньева, учению А.С. Хомякова.

Таким образом, с помощью компаративистского анализа текстов Н.С. Арсеньева обнаружены истоки его философского мирозерцания в трудах русских мыслителей, опираясь на работы которых он создал свое собственное учение о «Жизни Преизбыточествующей».

Список литературы

1. Бердяев, Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь»: (к десятилетию «Пути») // Путь, 1935. № 49 (окт./дек.).
2. Плетнев, Р.В. Н.С. Арсеньев // Русская религиозно-философская мысль XX века / Сб. статей / Под ред.: Н. П. Полторацкого. – США, Питтсбург, 1975.
3. Арсеньев, Н.С. Дары и встречи жизненного пути. – СПб., 2013. – 453 с.
4. Арсеньев, Н.С. О некоторых основных темах русской религиозной мысли 19-го века // Русская религиозно-философская мысль XX века / Под ред. Н. П. Полторацкого. – США, Питтсбург, 1975.
5. Арсеньев, Н.С. Из жизни духа. – Варшава, 1935. Эл. ресурс: http://www.russianresources.lt/archive/Arsen/Arsen_3.html. С. 95-103.

Сведения об авторе

Шварова Маргарита Валентиновна – аспирант кафедры философии Балтийского федерального университета им. И. Канта.
margaritasor26@mail.ru.

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 94–98.*

**«LIFE IN ABUNDANCE»: THE CONCEPTUAL PREMISES
OF N. ARSENIYEV'S PHILOSOPHICAL TEACHINGS**

Margarita V. Shvarova

*Postgraduate Student at the Department of Philosophy, Immanuel Kant Baltic Federal University,
margaritasor26@mail.ru*

The article examines the ideological background and philosophical views of N. Arsenyev, a famous Russian philosopher, cultural studies, literary critic, poet, who was in exile since 1920. It is shown that, as a witness to the revolutionary events of the early twentieth century, he advocated the philosophy of Christianity as a philosophy of love and freedom, as a genuine “philosophy of the heart” as one of the greatest gifts he has received in life.

Keywords: Russian philosophy abroad; theology, Christianity; philosophy of all-unity

References

1. Berdjajev, N.A. RusskiiduchovnyirenessansnachalaXXv. Izhurnal«Put'»: (kdesjatiletiju«Puti») // Put'. - 1935. - № 49 (okt./dec.). [RusskiiduchovnyirenessansnachalaXXv.] 3-22p.(In Parizh).
2. Pletnev, R.V.Arsen'evN.S. // Russkajareligiozno-filosofskajamysl'XXveka/ Sb. statei/podred. N.P. Poltorackogo. [N.S.Arsen'ev] Pittsburg, 1975. 18-36 p (In USA).
3. Arsen'ev, N.S. Dari i vstrechi zhiznennogo puti.[Filosofija zhizni N.S. Arsen'eva] – SPb., 2013. – 453 p. (In Russ.)
4. Arsen'ev, N.S. O nekotorych osnovnych temach russkoi religioznoi mysli 19-veka //Russkaaj religiozno-filosofskaja mysl' XX veka / Pod red. N.P. Poltorackogo. [Russkaaj religiozno-filosofskaja mysl' XX veka] – Pittsburg, 1975. 18-36 p (In USA).
5. Arsen'ev, N.S. Iz zhizni ducha. Warshava. [Filosofija duschovnogo vseestva]. 1935. URL: http://www.russianresources.lt/archive/Arsen/Arsen_3.html.

Статья публикуется впервые, согласна на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 294/299
ББК 86.33

М. А. Головина

МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КАРМЕ В ТВОРЧЕСТВЕ С. ВИВЕКАНАНДЫ

Статья посвящена изучению модернизации традиционных представлений о карме в творчестве Свами Вивекананды. В ней рассматриваются характерные особенности традиционного понимания учения о карме, раскрываются отличительные черты представления о карме Свами Вивекананды. Выявлены различия между интерпретацией учения о карме С. Вивекананды и традиционным пониманием кармы.

Ключевые слова: индийская философия, карма, Свами Вивекананда, неоиндуизм.

В настоящее время «карма» является весьма популярным понятием. Названия телепередач, книг и статей, рекламные листовки различных новых религиозных движений призывают всех и каждого научиться управлять своей кармой, предлагают «почистить» или диагностировать её. При этом в настоящее время слово «карма» зачастую используется не в своем исконном значении. Сегодня «карма» имеет множество значений, знание которых необходимо как ученым, так и рядовым «потребителям» духовных услуг. Цель данной статьи – рассмотреть пути модернизации традиционных представлений о карме в творчестве известного религиозного философа Свами Вивекананды.

В традиционных индийских религиях, сформировавшихся в досовременных обществах, карма понимается как «естественный» закон, который, как отмечают исследователи этого феномена, в широком смысле «означает влияние совершенных индивидом действий (телесных, речевых, ментальных) на его последующую жизнь, а также характер будущего рождения» [1. С. 438]. Учение о карме неразрывно связано, с одной стороны, с доктриной перерождения, реинкарнации – сансара, с другой стороны – с идеей морально-космического закона дхармы. Карма в традиционном понимании предполагает, что человек ответственен за свои действия и способен давать моральную оценку этим действиям [1. С. 439]. Также одной из особенностей учения о карме является установление причинно-следственной связи между действиями и их последствиями.

Земной мир, находясь под действием кармы, становится местом нравственного возмездия. Закон кармы обуславливает настоящее, а также и будущее положение человека в мире. На-

стоящая жизнь индивида является неизбежным следствием его деяний в прошлых существованиях, а образ жизни, любой поступок человека в настоящей жизни определяют его будущее. Следовательно, с точки зрения сторонников концепции кармы, нет ничего неизвестного или случайного в моральном мире. Согласно классической формуле кармы «поистине [человек] становится добрым от доброго деяния, дурным – от дурного», и «как кто действует, как кто ведет себя, таким он бывает. Каково бывает желание, такова бывает воля; какова бывает воля, такое деяние и делает; какое деяние делает, такого удела и достигает» (III. 2. 13; IV. 4.5) [2. С. 100, 125]. Карма выступает в качестве инструмента, сводящего все многообразие воспринимаемых человеком явлений к определенному единому принципу. Закон кармы, таким образом, объясняет, почему космос устроен по иерархическому принципу, откуда берется неравенство разных классов живых существ, почему в мире есть зло и страдание [1. С. 439].

Для того чтобы обеспечить благоприятное перерождение, человек должен вести себя добродетельно (согласно закону дхармы), укреплять хорошие побуждения и сводить к минимуму дурные, тогда после смерти его душа сможет возродиться в теле человека более высокого общественного статуса.

Исходя из того что «поступки, рассматриваемые как причина определенного положения человека, совершены им в прошлой жизни, о которой он не помнит, ответственность за них носит неизбежно абстрактный, пассивный характер, что придает кармическому воздаянию фаталистический и пессимистический оттенок, сближая карму с роком, судьбой» [1. С. 439]. Поскольку в настоящем существовании чело-

век имеет возможность сознательно совершать поступки, которые могут изменить его будущую жизнь, карма неразделимо связана со свободой воли, что позволяет отличать ее от фаталистического взгляда на мир.

Таковы характерные особенности закона кармы, присущие большинству школ и учений индийской философии. Разногласия между индийскими философскими школами встречаются по вопросу автономии закона причинно-следственной связи: одни школы считают, что карма находится под руководством некоего верховного существа, другие являются сторонниками автономности кармы. Также встречаются и случаи полного или частичного отрицания категории «карма», но это скорее исключение.

Обобщая, можно сказать, индуисты верят, что эмпирически наблюдаемая человеческая жизнь не является уникальным событием. Она повторяется как новые воплощения души человека, переселяющейся в различные тела соответственно деяниям в прошлой жизни. Душа вовлечена в круговорот рождений и смерти (сансара): «Как одежду изношенную бросая, человек надевает другую, так, сносив это тленное тело, Воплощенный в иное вступает» (II. 22) [3. С. 6]. Главной целью человеческой жизни является освобождение от сансары – мокша. Мокша понимается в индуизме как осознание тождества индивидуальной души с Мировой душой (Атманом), изначально чистой, не связанной с сансарой и свободной. Освобождение от сансары предполагает выход из-под власти кармы, которая, наказывая человека за злые деяния, вынуждает его перерождаться вновь и вновь. Закон кармы представляет собой некий карательный механизм, остановить которой может только сам человек. Иначе круговорот жизни может продолжаться вечно, что является наказанием.

Первые попытки трансформации категории «карма» были предприняты в самой Индии. Эти и другие изменения древней религии и вековых традиций были связаны с реформаторскими движениями, которые получили название «неоиндуизм». Начиная с XIX столетия, в рамках движения неоиндуизма предпринимались попытки обращения к древней традиции, призывы к духовному освобождению личности, происходило переосмысление традиций индуизма по западному образцу. Индийцы, находящиеся под влиянием западной цивилизации, желали избавить древнюю религию от, как им казалось, устаревших положений и антигуман-

анных обычаев, вдохнуть в нее новую жизнь. При помощи синтеза индийского и западного они хотели переосмыслить многие категории, положения и понятия индуизма, чтобы древняя религиозная традиция отвечала потребностям модернизирующейся Индии. Основной идеей неоиндуизма стало стремление адаптировать западные ценности для индийского общества и познакомить Запад с индийской мудростью, представить ее как равноправную среди других культур. В духовной жизни Индии того времени переплетались ренессансные, реформационные и просветительские тенденции [4. С. 6].

В истории сложного и противоречивого развития неоиндуизма традиционно выделяют три этапа. Первый из них, продолжавшийся примерно до середины 1880-х гг., был просветительским: ставил своей задачей преодоление отсталости страны, стремление отойти от мифологического мышления, внести в религиозные установки «разумные основания», ратовал за широкое народное просвещение. На втором и третьем этапах неоиндуизма главной задачей становится осмысление роли религии в современном обществе, происходит секуляризация традиционной религии, обращается особое внимание на достижения Запада, активно используются различные понятия и установки западной культуры.

Один из крупнейших индийских мыслителей Нового времени, религиозный реформатор и общественный деятель, яркий представитель «второй волны» неоиндуизма – Свами Вивекананда (Нарендранатх Дата, 1863-1902). Отечественный индолог В.В. Бродов отмечает, что на взгляды Свами Вивекананды оказали воздействие сложность и противоречивость индийской буржуазной идеологии того периода. «Искреннее сочувствие народным массам сочеталось с непониманием их подлинных интересов, желание быть ближе к народу – с боязнью народа, стремление освободиться от колониального ига – с наивной верой в «добрую волю» колонизаторов, идеализм и метафизика – с элементами материализма и диалектики, глубокая религиозность – с высказываниями атеистического характера» [5. С. 146]. Вивекананда пытался бороться в родной стране с традиционными предрассудками и суевериями, стремился реформировать традиционный религиозный идеал. Он высоко оценивал роль наук, светского образования.

Религиозный деятель полагал, что синонимом индуизма можно считать веданту, по-

скольку она проникла во все идейные течения Индии, каждый человек думает и живет ведантой. Веданта, являясь одной из самых древних, влиятельных, богатых разнообразием форм проявления и «живучих» философских традиций, представляет собой одну из шести школ индийской философии [6. С. 3]. Как направление индийской религиозно-философской мысли, веданта сложилась к 7-8 вв. и опиралась на идеи упанишад. Формируясь и развиваясь, эта традиция накладывала отпечаток не только на становление индийской философии, но и на развитие индийской культуры в целом.

Свами Вивекананда ставил перед собой задачу выделить из философского наследия веданты наиболее ценное, прогрессивное и на этой основе создать новую веданту. Пытаясь таким образом возобновить и видоизменить веданту, философ разработал собственную систему, которую называл практической ведантой. Тем самым Вивекананда внес свой вклад в формировавшееся в то время новое направление индийской философии – неоведантизм.

В качестве конечной цели каждого человека философ видел воссоединение с Брахманом, богом, т.е. достижение освобождения. Методы достижения подобной цели могут быть разнообразными, но главным Вивекананда считает йогу. Вивекананда признавал четыре пути духовного совершенствования: карма-йога, джняна-йога, раджа-йога и бхакти-йога. Йогу действия или карма-йогу мыслитель определял как наиболее подходящий путь для своего времени. Данный путь Вивекананда считал вполне приемлемым даже для атеистов. Карма-йога представляет собой нечто вроде дисциплины действия. В контексте именно этого пути духовного совершенствования Вивекананда рассматривает категорию «карма», придавая ей новые очертания.

В первую очередь, в своих трудах индийский философ обращается непосредственно к значению слова «карма». Говоря о происхождении кармы, Свами Вивекананда утверждает, что слово это производится от санскритского слова «кри» – делать. Опираясь на данное утверждение, философ делает вывод, что карма есть всякое действие, а также означает и результаты действий. «В связи с метафизическими соображениями оно означает иногда результаты, причинами которых были наши прежние действия» [7. С. 9]. Далее Вивекананда подчеркивает, что в карма-йоге слово «кар-

ма» все же имеет смысл «работы», а не просто любого действия.

Целью человечества, по мнению философа, является знание. Вивекананда полагает, что это единственный идеал, который поставила восточная философия. Всякое знание, как временное, так и духовное, заключается в человеческом уме. Внешний мир дает человеку лишь толчок, заставляющий изучать собственный ум. Однако для раскрытия знания в себе необходимы также собственные усилия. Всякий труд способствует выявлению сил, которые уже существуют в уме, а также пробуждению души. Совокупность усилий и есть карма – труд, действие, работа.

Вивекананда утверждает, что работа должна быть бескорыстной, и работать нужно ради самого труда. Работая бескорыстно, человек растет нравственно, постепенно достигает единения с Абсолютом. «Мы имеем право работать, но не имеем права на плоды работы» [7. С. 17], – пишет Вивекананда. Работа должна быть не только бескорыстной, но также должна быть направлена на спасение других. Если у человека получится занять положение дающего, и в то же время не задумываться о какой-либо награде, то тогда труд не будет создавать привязанности, соответственно, не будет накапливаться карма [8. С. 13].

Вивекананда наиболее страшным злом в человеке считал пассивное, созерцательное отношение к жизни, отказ от активной деятельности, равнодушие к своей собственной жизни и судьбе, а также к судьбе своего народа. Все произносимые речи и написанные сочинения философа содержали призыв к соотечественникам покончить с вековой спячкой, набраться физических и духовных сил и стараться защищать свои жизненные интересы. Философ неоднократно подчеркивает, насколько велико значение, как самого человека, так и его собственных волевых усилий, его стремления к труду на пути к собственному освобождению и освобождению всего народа.

В одном из своих произведений Свами Вивекананда обращает внимание, что некоторые действия, которые совершает человек, имеют значение только в сумме [7. С. 13], поскольку большое дело состоит из множества маленьких дел. Таким образом, чтобы судить о характере человека необходимо учитывать всю совокупность его действий, т.е. карму. Карма является могущественной силой, которая влияет на характер человека. Помимо характера челове-

ка, карма также имеет влияние на проявление воли человека, поскольку воля находит свой источник в характере.

Индийский мыслитель характеризует карму как процесс двусторонний: с одной стороны, человек, проявляя свою волю, воздействует на что-то; с другой – одновременно на него что-то воздействует. Влияя на человека, внешние предметы «высекают» знания [5. С. 167], именно от внешних предметов зависит, что будет «высечено», т.е. характер ума человека.

Вивекананда убежден, что никто на свете не может получить что-либо, если он того не заслуживает. Карма каждого человека определяет, что действительно принадлежит каждому, чего он заслуживает. Получается, что именно человек ответственен за то, кем он является, и имеет в себе силу сделать себя тем, кем желает быть. Поэтому индивид должен отдавать отчет в своих действиях, знать, как стоит поступить в разных случаях жизни [7. С. 14].

Одной из характерных особенностей интерпретации категории «карма» Вивеканандой является то, что он трактует карму преимущественно как закон связи настоящего с будущим, нежели настоящего с прошлым. Философ не признает неотвратимость, предопределенность событий, отрицая, таким образом, фаталистическую трактовку кармы. По мнению мыслителя, с помощью кармы возможно изменить то, что произошло в настоящем времени.

Резюмируя представления Свами Вивекананды, можно заключить, что, являясь одним из ярких представителей второго этапа неоиндуизма, он предлагает наиболее подходящий путь освобождения для своей эпохи – карма-йогу. Карма-йогу Вивекананда рассматривает в основном как путь бескорыстной умственной или физической работы, труда. При этом

Вивекананда акцентирует особое внимание на утверждении человека в настоящей текущей жизни, тем самым он забывает о главной цели человеческой жизни (с точки зрения традиционного понимания) – освобождении от сансары, а также от оков кармы. В связи с этим «карма» понимается у него иначе, нежели в традиционном индуизме. Он определяет ее то, как действие, труд, то, как причинность. Но особенно выделяет карму как действие, считая, что каждый человек должен действовать, работать, трудиться, будь то труд умственный или физический. Вивекананда акцентирует внимание не на устранение кармы и выходе из сансары, а на улучшении кармы посредством различного рода социальной активности. Такое направление модернизации понятия кармы обнаруживает явное влияние мировоззрения, доминировавшего в Европе того времени, ориентированной на улучшение социального мира путем реформ, модернизации (классическим выражением чего является философия О. Конта, Дж. С. Милля и Г. Спенсера, с трудами которых С. Вивекананда был хорошо знаком).

Пересматривая учение о карме, Свами Вивекананда пытался избавиться от тысячелетнего стереотипа, изменить традиционный религиозный идеал. Индийский мыслитель искал наиболее доступное для того времени и общества объяснение закона причинно-следственной связи, привнося в него некоторые новшества. Придавая огромное значение самому человеку, Свами Вивекананда взывал к соотечественникам с призывами начать защищать свои жизненные интересы, выполнять свои обязанности, стремиться к труду ради освобождения, при этом используя традиционные категории и понятия (такие, как карма), вкладывая в них смысл, отличный от традиционного.

Список литературы

1. Лысенко, В.Г. Карма // Индийская философия: Энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц. – М., 2009. – С. 438-445.
2. Брихадараньяка-упанишада. Упанишады в 3-х книгах: перевод, предисл. и коммент. А.Я. Сыркина. Кн.1. – М., 1992. – 240 с.
3. Махабхарата. Бхагавадгита (Кн. VI. Гл. 25-42). Перевод с санскрита, исследование и примечания В.С.Семенцова. – М., 1999. – 45 с.
4. Скороходова, Т.Г. Бенгальское Возрождение: историко-философский анализ: автореферат дис. ... д-ра филос. наук / Скороходова Т. Г. – СПб, 2009. – 371 с.
5. Бродов, В.В. Индийская философия Нового времени. – М., 1967. – 283 с.
6. Костюченко, В.С. Классическая веданта и неоведантизм. – М., 1983. – 272 с.
7. Свами Вивекананда. Карма-йога. Перевод: Я. Попов. – М., 2004. – 144 с.
8. Свами Вивекананда. Практическая Веданта. – М., 1993. – 560 с.

Сведения об авторе

Головина Мария Александровна, аспирант кафедры философии Челябинского государственного университета.
summer59@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 99–103.*

**MODERNIZATION OF TRADITIONAL IDEAS OF KARMA
IN S. VIVEKANANDA'S CONCEPT**

Maria A. Golovina

postgraduate student at the department of philosophy at the Chelyabinsk State University, summer59@mail.ru

The article is devoted to studying of modernization of traditional ideas of karma in Swami Vivekananda's concept. There are considered the characteristics of traditional understanding of the doctrine of karma and distinctive features of idea of karma in Swami Vivekananda's concept. There are revealed distinctions between interpretation of the doctrine of karma in S. Vivekananda's concept and traditional understanding of karma.

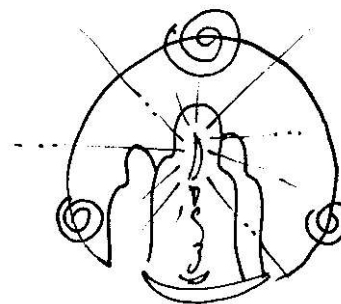
Keywords: Indian philosophy, karma, Swami Vivekananda, neohinduism.

References

1. Lysenko, V.G. Karma [Karma // Indian philosophy: Encyclopedia] // *Indiiskaya filosofiya: Entsiklopediya*. M., 2009. pp. 438-445. (In Russ.)
2. Brihadaran'yaka-upanishada [Brihadaranyaka Upanishad] // *Upanishady v 3-kh knigakh: perevod, predisl. i komment. A.Ya. Syrkina*. Kn.1. M., 1992. 240 p. (In Russ.)
3. Makhabkharata. Bkhagavadgita [Mahabharata. The Bhagavad Gita]. *Perevod s sanskrita, issledovanie i primechaniya V.S.Sementsova*. M., 1999. 45 p. (In Russ.)
4. Skorokhodova, T.G. Bengal'skoe Vozrozhdenie: istoriko-filosofskii analiz [Bengalese revival: historical and philosophical analysis]: avtoreferat dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.03 – istoriya filosofii, 09.00.11 – sotsial'naya filosofiya / Skorokhodova Tat'yana Grigor'evna. SPb, 2009. 371 p. (In Russ.)
5. Brodov, V.V. *Indiiskaya filosofiya Novogo vremeni [Indian philosophy of Modern period]*. M., 1967. 283 p. (In Russ.)
6. Kostyuchenko, V.S. *Klassicheskaya vedanta i neovedantizm [Classical Vedanta and Neo-Vedanta]*. M., 1983. 272 p. (In Russ.)
7. Svami Vivekananda. *Karma-ioga [Karma Yoga]*. *Perevod: Ya. Popov*. M., 2004. 144 p. (In Russ.)
8. Svami Vivekananda. *Prakticheskaya Vedanta [Practical Vedanta]*. M., 1993. 560 p. (In Russ.)

Статья публикуется впервые, согласна на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.2
ББК 60.561.2

И.С. Самборецкий

МОНОФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ – ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ ТЕРМИНОЛОГИИ

Изучена современная ситуация с термином «монофункциональные поселения» в законодательных актах Российской Федерации, показано отсутствие официального определения в нормативных документах. Приведены различные виды определений дефиниции «город», следующие территориально-численному и функциональному подходу. Рассмотрены различные мнения авторов по вопросу терминологии монопоселений, приведены различные виды данного термина и их определения. Приведено определение монофункционального поселения, по мнению автора, указано на необходимость дальнейшего изучения данного вида поселений.

Ключевые слова: моногород, монофункциональное поселение, функциональный подход.

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 года в России насчитывается 1100 городов. По сравнению с переписью 2002 года их число немного увеличилось – на 2 города. В 1998 году Экспертный институт опубликовал результаты исследования под названием «*Монопрофильные города и градообразующие предприятия*». Согласно данным, собранным при проведении этого исследования, монопрофильными поселениями на тот момент можно было назвать 332 поселка городского типа и 467 городов. Таким образом, согласно докладу, 42,5% городов и около 26% поселков городского типа были монопрофильными, в них проживало около 25 млн. человек: 25% городского населения и 17% всего населения страны. На сегодняшний день в научной литературе можно встретить несколько вариантов определения данного типа городов. Более того, нет четкого понятия о том, какой термин более точный – монопрофильный город, моногород, город-завод или город монофункциональный. В российском законодательстве так же до сих пор нет четкого ответа на этот вопрос, притом, что важность поселений этого вида признается на самом высоком уровне власти, вплоть до президента[1].

Вопрос о точности определения весьма важен, поскольку без конкретики трудно проводить какую-либо работу. Необходимо четко понимать, о чем идет речь. Например, в прессе и постановлениях правительства чаще всего встречается термин «моногород». В Кемеровской области принят закон «О моногородах». Но, как сказано выше, достаточно часто встречаются и другие определения. Подчас в них вкладываются совершенно разные значения и признаки для определения принадлежности к ним города. Автор считает необходимым изучить уже имеющиеся определения, подвергнуть их анализу и, при необходимости, предложить свой вариант.

До настоящего времени в официальных документах и в научной литературе общепринятого определения понятия «моногород» не существует, как до сих пор нет единых критериев и показателей выделения такого типа городов. Более того, нет единого мнения относительно самого термина. В настоящее время одновременно используются термины: моногород, моноструктурный, монопрофильный, моноспециализированный, моноотраслевой, монопроизводственный и другие. Их часто

употребляют как синонимы. В Градостроительном кодексе РФ понятие монопоселения отсутствует вообще. В законодательных актах Российской Федерации встречаются термины «город с монопрофильной структурой хозяйства», «город с монопроизводственной структурой» и «монопромышленный город»[2].

Первый из приведенных терминов используется в п. 8 постановления Правительства РФ от 3 августа 1996 г. № 928 «О реализации Комплексной программы по созданию и сохранению рабочих мест на 1996–2000 гг.»; последние два – в постановлении Правительства РФ от 26 февраля 1997 г. № 222 «О Программе социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 годов» и в Генеральном соглашении между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 1998–1999 гг.

Нередко используется еще один термин – «город с моноэкономической структурой» (впервые этот термин был применен в постановлении Минтруда РФ от 22 января 2001 г. № 11 «О мониторинге городов и других населенных пунктов с моноэкономической структурой и высоким уровнем безработицы»). В научной литературе традиционно используется понятие «монофункциональный город», а в последние годы – «монопрофильный город».

В докладе Минрегионразвития РФ «Моногорода: перспективы развития» на международной конференции «Зарубежный опыт реструктуризации моногородов» приводится следующая формулировка: «Моногород – это поселение (городской округ), организации и жители которого не способны своими силами компенсировать риски внешней экономической среды, исключающие возможность устойчивого развития этого населенного пункта, как правило, имеющее градообразующее предприятие, на котором занято не менее 25% трудоспособного населения этого населенного пункта»[3].

Исследователи данного типа поселений так же расходятся во мнении как относительно самого термина, так и критериев, по которым город или поселок можно назвать «моно». Например, Е.Г. Анимица большое значение уделяет градообразующему предприятию. Он сближает понятие «моногород» и термин «город-завод». Следовательно, предполагается наличие существенной связи между функционированием городского поселения и крупным

предприятием, расположенным на его территории и оказывающим значительное влияние на все сферы жизни данного города[4].

Манаева И.В. придерживается другой точки зрения. В своей статье «Моногорода: вопросы терминологии» она приводит следующее определение: «Моногород – это моноцентричный город по отношению к преобладающей сфере занятости, сфере деятельности трудоспособного населения». При этом указывается, что термин «моногород» можно использовать только для тех поселений, которые официально имеют городской статус. Серьезным минусом такого определения автор статьи видит то, что множество поселков городского типа не могут быть отнесены к описываемой категории поселений[5].

Подводя итог анализу используемых исследователями подходов к определению моногорода, можно констатировать, что они не носят универсального характера и не отражают в полной мере сущности анализируемого объекта. Множественность дефиниций во многом связана со стремлением авторов сконцентрировать внимание на отдельных частных случаях, элементах моногородов, что не позволяет комплексно охарактеризовать явление.

Попытку преодолеть односторонность определений предприняли В.Я. Любовный и Г.П. Лузин, которые, стремясь выяснить сущность моногорода, противопоставляют общим определениям набор конкретных критериев. Ученые предлагают использовать термин «монопрофильный» город и считают, что город можно отнести к данному типу по следующим признакам: разделение предприятий или цепочки технологически связанных предприятий, работающих на конечный (не городской) рынок, и предприятий работающих на внутригородской рынок. Следовательно, существует крайняя зависимость целых групп городов в разных регионах от ситуации, связанной с реализацией продукции градообразующих предприятий; высокая доля занятых, около 50%, на одном предприятии из числа работающего населения города; прямая зависимость доходной части бюджета города от деятельности одного крупного предприятия; низкая мобильность жителей, которая связана с удаленностью города от более крупных населенных пунктов [6].

Таким образом, содержание категории «функция города» отражает: во-первых, взаимосвязи города с зоной своего ближнего окружения и другими городами; во-вторых, с

хозяйственными агентами, действующими на городской территории; в-третьих, с местным сообществом. При этом монофункциональность города выражается в следующих формах: ограниченное число внешних городских функций (как правило, одна или же несколько функций взаимодополняют и поддерживают основную); низкий уровень диверсификации структуры городской экономики; низкий уровень диверсификации структуры занятости; внешние функции города реализуют ограниченное число предприятий.

Общим элементом всех представленных выше подходов к рассматриваемому феномену является термин «моно» (относящийся к одному), означающий ограниченный чем-либо характер данного типа поселения. Проанализировав специфические черты, выявленные исследователями, считаем необходимым выделить два базовых признака моногородов: это низкая диверсификация видов деятельности и сферы занятости и, как следствие, сильная зависимость возможностей функционирования и развития городского сообщества от определенной экономической деятельности.

Неоднозначная оценка числа моногородов, проводимая в последние годы, свидетельствует, с одной стороны, об отсутствии общепринятых критериев отнесения населенных пунктов к моногородам, с другой – о зависимости выделяемых показателей от цели оценки. Это затрудняет реализацию гомогенных управленческих воздействий, направленных на поддержку развития конкретных групп моногородов. В свете сказанного несомненный интерес имеет многокритериальный подход к классификации моногородов, предложенный А.Ю.Устиновым[7].

Он выделил следующие критерии: численность населения; удаленность от крупного многофункционального поселения; объем промышленного производства на душу населения; объем расходов бюджета на душу населения; размер заработной платы; количество градообразующих предприятий и их хозяйственная специализация; финансовые результаты крупных и средних организаций на душу населения.

Предложенная классификация достаточно универсальна и обладает как преимуществами, так и недостатками. В качестве критериев в ней используются важные количественные показатели. Это, безусловно, позволяет сравнивать между собой города по объективным критериям. Однако классификация, предложенная

А.Ю. Устиновым, по нашему мнению, может применяться только для сравнения однотипных монофункциональных городов, так как она не предлагает какого-либо главного критерия для определения типа поселения. Более того, разработанные критерии не представлены качественными характеристиками, и не позволяют выявить особенности функционирования социальной общности, оценить эффективность управления городом в целом.

Более информативными представляются выделенные И.Н. Ильиной особенности моногородов: низкий уровень диверсификации экономики, подчинение городской планировки особенностям производственной деятельности основного предприятия; высокие риски загрязнения экологической среды; простая структура занятости населения. При этом следует учитывать, что каждый моногород отличается особенностями социально-экономической среды и, следовательно, особыми потребностями в части поддержки социального сектора[8].

Выделенные специфические характеристики функционирования моногородов детерминируют зависимость их жителей от эффективности деятельности градообразующего предприятия, от качества управления муниципальным образованием, что делает проблему исследования и учета в управленческой деятельности социального самочувствия горожан особенно актуальной. А потому, по нашему мнению, необходимо оценивать и социальные критерии: уровень безработицы, число родившихся и количество зарегистрированных браков, показатели удовлетворенности населения оказанием наиболее значимых услуг, уровень социальной безопасности членов территориальной общности. Данные показатели отражают не только характер работы местных органов власти, но и успешность социального управления в целом. При этом именно население оценивает социально-экономическую ситуацию в городе; состояние экологической обстановки; удовлетворенность работой общественного транспорта, состоянием дорог; благоустройство территории; качество медицинского обслуживания; наличие объектов торгового и бытового обслуживания; культурную и спортивную жизнь города; охрану общественного порядка; социальную поддержку населения; уровень информированности населения о деятельности муниципальных органов власти.

Следует признать, что в настоящее время значительное число моногородов переживают

период деградации и вымирания. Ю.А. Лаамарти констатирует усиление процесса распада локальных городских сообществ, разрушения городской инфраструктуры, сворачивание производственной базы и неразвитость местного самоуправления[9].

Стратегической альтернативой развития моногородов является повышение их конкурентоспособности и социальной привлекательности на основе развития человеческого потенциала как приоритетного ресурса экономического роста и социального прогресса. До последнего времени исследования в области проблематики моногородов носили преимущественно социально-экономический, градостроительный, социально-демографический или управленческий характер. Признавая важность выделенных аспектов, автор считает необходимым акцентировать внимание на таком критерии оценки эффективности социального управления моногородом как социальное самочувствие горожан. Представляется, что в решении проблем моногородов существенное значение имеет улучшение социального самочувствия членов социальной общности, обеспечивающее условия для социального, эконо-

мического и культурного саморазвития путем активизации собственных возможностей в сочетании с политикой государственной поддержки проблемных городов.

В то же время повышение эффективности и устойчивости моногородов предопределяет становление и развитие социального управления городом как социальной общностью, расширение набора выполняемых им функций, таких, как: рекреационные, транспортные, научно-образовательные, организационно-культурные, что станет залогом успеха в условиях современных рыночных отношений.

При этом в социальном управлении моногородом участвуют не только органы муниципальной власти, но и многие другие субъекты управления, в том числе, индивиды и социальные группы местного сообщества. Сетевой характер системы управления требует непрерывного совершенствования в связи с постоянными изменениями не только внутренней, но и внешней среды в условиях трансформации общества. Новые управленческие подходы позволяют восстановить способность моногородов к самостоятельному развитию и повышению качества жизни населения.

Список литературы

1. Монопрофильные города и градообразующие предприятия. Обзорный доклад. /под ред. И.В. Липсица. – М.: Издательский дом «Хроникер», 2000.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации /Федеральный закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.orfi.ru/law/normdoc/spisok/text/190fz20041229/>.
3. Общероссийская конференция «Моногорода: современные решения» - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.monocityforum.ru/>.
4. Анимациа, Е. Г., Бочко, В. С., Пешина, Э. В., Анимациа, П. Е. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города /Под ред. Татаркина А.И., Федорова М.В. – Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2010. – 81 с.
5. Манаева, И.В. Моногорода: вопросы терминологии / И.В. Манаева // Современные проблемы социально-экономического развития России: материалы науч-практ. конф. в 2-х томах / под ред. Е.Н. Камышанченко, С.Н. Растворцевой. – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2011. – Т.2. – С.140-143.
6. Любовный В.Я. Города России: альтернативы развития и управления – М.: Экон-информ, 2013. – 614 с.
7. Устинов А.Ю. Теоретико-методические аспекты классификации моногородов //Вопросы управления. – 2012. Выпуск 21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.uara.ru/ru-ru/issue/2012/04/15/>, свободный.
8. Развитие моногородов России: монография /Под ред. И.Н.Ильиной. – М.: Финансовый университет, 2013. – 168 с.
9. Лаамарти Ю.А. Актуальные проблемы малых городов России // Социология города. – 2011. – №2. – С.11-15.

Сведения об авторе

Самборецкий Игорь Сергеевич – аспирант кафедры Маркетинга и Муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета.
Ingvarkun@gmail.com.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 104–108.

MONOFUNCTIONAL SETTLEMENT –TO THE STUDY OF THE QUESTION OF TERMINOLOGY

I. S. Samboretskiy

Postgraduate Student, Tyumen State Oil and Gas University, Ingvarkun@gmail.com

The article deals with the study of the current situation with the term «mono-functional settlements» in the legislation of the Russian Federation, showing the absence of a formal definition in federal laws. Briefly studied definition «city» is the different kinds of definitions, the following territorial numerical and functional approach. It is shown that the functional approach - a more modern and that it is necessary to apply that definition would bring nonfunctional settlement. Different opinions of the authors on mono-town terminology, describes the various types of the term and definition. The definition of mono-functional settlements, according to the author, indicated the need for further study of this type of settlement.

Keywords: mono-town, mono-functional settlement functional approach.

References

1. Company towns and town-forming enterprises. Review report. / ed. I.V. Lipsits. - M.: Publishing House "chronicler", 2000.
2. Town Planning Code of the Russian Federation / Federal Law of 29.12.2004 № 190-FZ - [electronic resource] - Access: <http://www.orfi.ru/law/normdoc/spisok/text/190fz20041229/>
3. All-Russian Conference "Monocities: modern solutions" - [electronic resource] - Access: <http://www.monocityforum.ru/>
4. Animitsa E.G., Bochko V.S., Pechiney E.V., Animitsa P.E. Conceptual approaches to the strategic development of single-industry town / Ed. Tatarkina A.I., Fedorov M.V. - Ekaterinburg: Izd USUE, 2010. - 81 p.
5. Manaeva I.V. Monocities: questions of terminology / I.V. Manaeva // Modern problems of socio-economic development of Russia: Materials of scientific-practical conference. Conf. in 2 volumes / edited. E.N. Kamyshanchenko, S.N. Rastvortsevov. - Belgorod Univ Belgorod University Press, 2011. - V.2. - S.140-143.
6. Lybovniy V.Y. Cities of Russia: alternative development and management - M.: Eco-Inform, 2013. - 614 p.
7. Y.U. Ustinov. Theoretical and methodological aspects of classification monocities // Management. - 2012 Issue 21 [electronic resource]. - Access: <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2012/04/15/>, free.
8. The development of single-industry towns in Russia: monograph / Ed. I.N. Ilinoy. - M.: Financial University, 2013. - 168 p.
9. Laamarti Y.A. Actual problems of the small cities of Russia // Sociology of the city. - 2011. - №2. - S.11-15.

Статья публикуется впервые, согласен на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 316.354
ББК 60.55

Г. О. Барбаков, О. В. Устинова

К ПРОБЛЕМЕ ВНЕДРЕНИЯ «ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА»

Сегодня информационное обеспечение муниципального управления невозможно без использования современных технологий, одной из которых является «Электронное правительство». В статье анализируется проблема низкого уровня информированности и компьютерной грамотности населения, снижающая эффективность реализации электронных услуг. Предлагается модель информационного взаимодействия органов местного самоуправления с населением.

Ключевые слова: информационная политика, органы местного самоуправления, электронное правительство, электронный муниципалитет.

В настоящее время информационный ресурс в сфере муниципального управления играет не менее важную роль, чем материальные, трудовые, энергетические, финансовые и другие ресурсы.

Информационная политика – «это способность и возможность субъектов политики воздействовать на сознание, психику людей, их поведение и деятельность с помощью информации в интересах государства и гражданского общества» [1]. В широком смысле – это «особая сфера жизнедеятельности людей, связанная с воспроизводством и распространением информации, удовлетворяющей интересы государства и гражданского общества, и направленная на обеспечение творческого, конструктивного диалога между ними и их представителями» [2. С. 272].

Информационная политика органов местного самоуправления – это совокупность организационно-правовых, методических, информационных, программно-технических компонентов, обеспечивающая информационные процессы в системе муниципального управления [3]. Исследованию проблем информатизации деятельности органов власти посвящены работы современных ученых Б.В. Заливанского, Н.В. Мелашенко, Н.В. Осиповой, О.В. Устиновой и др. [3. 4. 5].

Информационное обеспечение муниципального управления в современных условиях невозможно без использования современных информационных технологий, программных средств, баз данных и систем управления ими [6]. Одной из современных технологий является «Электронное правительство», суть которого заключается в использовании виртуального пространства для совершенствования механиз-

мов оказания услуг и повышения эффективности функционирования органов власти и госучреждений.

Несмотря на то, что в России органы государственного и муниципального управления повсеместно переходят на оказание услуг в электронном виде, тем не менее, существует ряд нерешенных проблем, существенно тормозящих этот процесс. Одной из таких проблем является *низкий уровень информированности и компьютерной грамотности населения, не позволяющий в полной мере использовать электронные услуги.*

Согласно исследованиям, проведенным ФОМ в рамках проекта «Мир Интернета» под руководством П. Лебедева, показали относительно невысокий уровень осведомленности населения о возможности пользоваться госуслугами через интернет – 41% ответили, что знают об этом, 32% – что-то слышали, и около четверти (23%) указали, что впервые слышат о такой возможности [7].

Наиболее осведомлены об услугах «Электронного правительства» жители крупных городов (55%) и молодежь от 18 до 20 лет (52%) (рис. 1). Каждый десятый пользуется интернет-услугами государственных учреждений и служб (среди пользователей интернета – 22%).

Ужасает тот факт, что 42% не пользовались госуслугами через Интернет и не хотели бы. Практически каждый четвертый затруднился с ответом относительно желания пользоваться госуслугами в интернете (22%) (рис. 2).

Основные причины, по которым граждане не пользуются электронными госуслугами – недостаток навыков, отсутствие необходимости и возможности работы с компьютером и Интернетом (рис. 3).

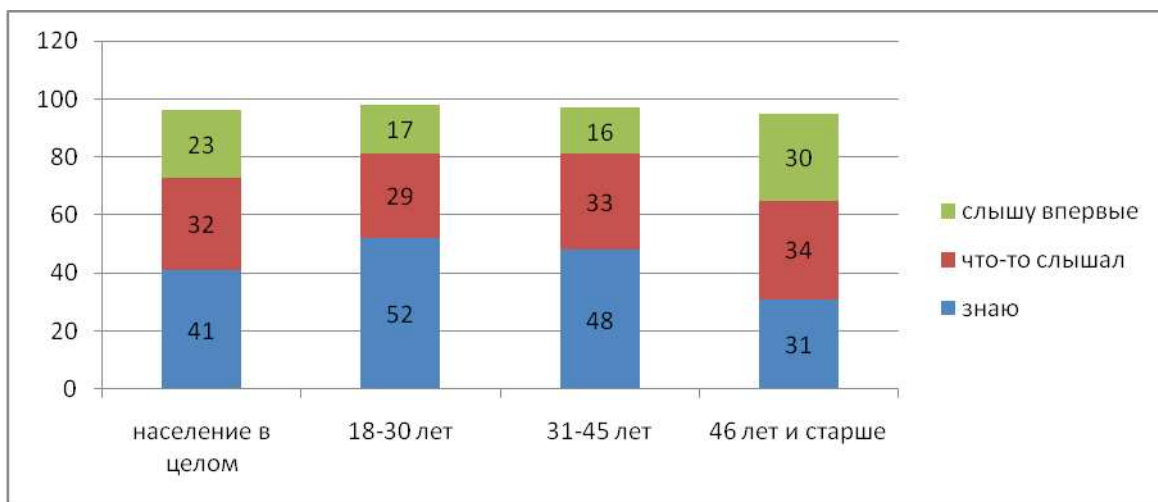

Рис. 1. Осведомленность населения о возможности пользоваться госуслугами через Интернет (% от возрастных групп).

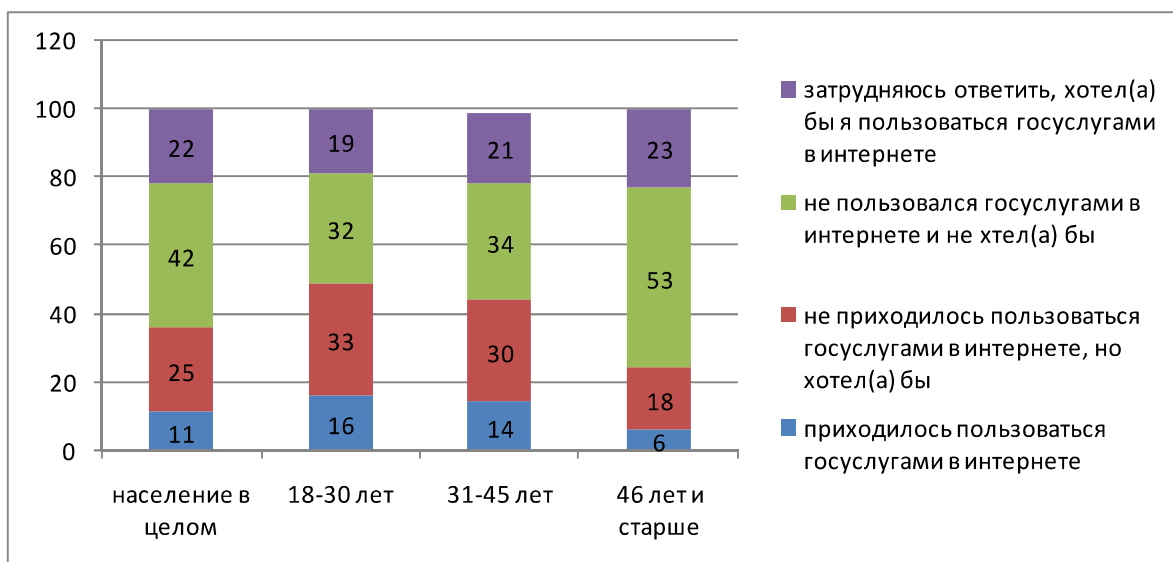

Рис. 2. Практика пользования госуслугами через Интернет (% от возрастных групп).

Рис. 3. Результаты ответов на открытый вопрос о причинах, по которым граждане не пользуются госуслугами через Интернет (% от общего числа респондентов).

Среди желающих пользоваться данными услугами в будущем преобладает молодежь. В качестве причин своей заинтересованности респонденты отметили доступность и простоту использования (47,2%), возможность сэкономить время и не стоять в очередях (40,1%).

Результаты исследования показали, что многие граждане, не имея четкого представления об электронных госуслугах, путают их с другими сервисами – например, оплатой товаров и услуг в Интернете. Так, отвечая на открытый вопрос о том, какими именно госуслугами в Интернете им приходилось пользоваться, примерно по 20% респондентов назвали онлайн-оплату услуг ЖКХ и телефонной связи, покупку ж/д. и авиабилетов.

Подводя итог, авторы исследования делают вывод, что в действительности к государственным услугам в Интернете прибегает лишь около 6% населения.

Схожая ситуация сложилась практически во всех регионах России, причем не стали исключением экономически благополучные регионы. Так, например, исследование проблем активного продвижения информационных технологий взаимодействия органов местного самоуправления с населением в Тюменской области, проведенное авторами статьи в августе 2014 года, показало низкую информированность населения о существующих на практике механизмах электронного взаимодействия.[7. С. 113].

Согласно результатам исследования 32% жителей юга Тюменской области хорошо осведомлено об электронных услугах, оказываемых органами власти. Практически столько же респондентов (35%) что-то слышали о них. Наиболее информированными о государственных электронных услугах оказались жители

областного центра – в г. Тюмени 35% жителей определенно знают о таковых, а еще 32% что-то слышали о них.

В городах юга Тюменской области знают об электронных услугах 31% жителей, а 35% – слышали о них. Менее информированы об электронных услугах жители сельских районов региона. Так, 26% респондентов утверждают, что им известно об электронных услугах, а 36% – что-то слышали об этом.

Две трети респондентов (72%), знающих о существовании электронных услуг, уже успели воспользоваться ими. При этом 62% получили услуги лично; в 10% случаев услугами пользовались члены их семьи.

Подавляющая часть респондентов (80%), воспользовавшихся электронными услугами, оценили их как «удобные» и понятные. Трудности при получении электронных услуг возникли у 17% пользователей.

В целом, результаты опроса выявили слабую информированность граждан о возможностях электронного муниципалитета. Повышение эффективности информационной политики органов местного самоуправления в г. Тюмени возможно при условии внедрения модели информационного обеспечения (рис. 5).

Для совершенствования информационной политики в г. Тюмени необходимо обеспечить повышение эффективности использования электронного муниципалитета путем расширения тематики разделов для увеличения количества категорий пользователей, размещения информационных брошюр о возможностях электронного муниципалитета в социальных учреждениях, общественном транспорте, в средствах массовой информации с описанием его преимуществ.

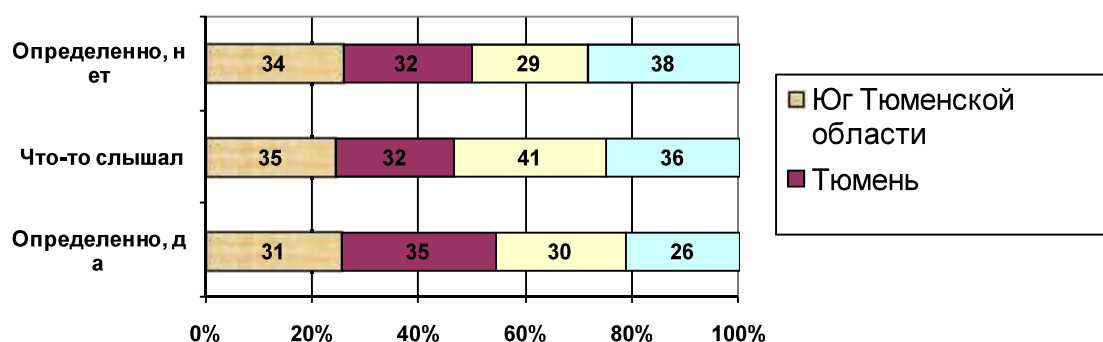

Рис. 4. Информированность населения Тюменской области об электронных услугах (%).

Рис. 5. Модель информационного обеспечения деятельности органов местного самоуправления г. Тюмени.

Список литературы

1. Черепанова, В.Н., Устинова, О.В. Проблемы обеспечения информационной безопасности / В.Н. Черепанова, О.В. Устинова // *Современные проблемы науки и образования*. – 2015, № 19 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/121-18701> (дата обращения: 05.04.2015).
2. Осипова, Н.В. Компетентность служащих органов государственной власти субъектов РФ в сфере информационных технологий / Н.В. Осипова // *Открытое образование*. – 2011, № 2. Ч. 2. – С. 270-274.
3. Ustinova, O.V., Khairullina, N.G., Romanova, O.P. The role of communicative technologies in the process of local governments and the population interaction // *Life Science Journal*. – 2014. № 11(12s). – P. 113-119.
4. Заливанский, Б.В. Формирование информационно-коммуникативных компетенций муниципальных служащих / Б.В. Заливанский // *Научно-практический журнал «Гуманитарные научные исследования»*. – 2014, № 9 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/09/7711> (дата обращения: 05.11.2014).
5. Мелашенко, Н.В. Размещение органами местного самоуправления информации в Интернете в контексте развития информационного общества в России / Н.В. Мелашенко // *Закон*. – 2013, № 3. – С. 72-76.
6. Бирик, Л.Н., Дейнеко, С.В., Устинова, О.В. **Роль средств массовой информации в современном обществе** / Л.Н. Бирик, С.В. Дейнеко, О.В. Устинова // **Вестник Челябинского государственного университета**. – 2014, № 24 (353). – С. 111-113.
7. В тридевятом царстве, в электронном государстве // Пресс-релиз Фонда «Общественное Мнение». – 2011. 13 июля [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/pressr_080711 (дата обращения: 17.10.2012).

Сведения об авторах

Барбаков Григорий Олегович, кандидат юридических наук, доцент Тюменского государственного нефтегазового университета, bara79@bk.ru.

Устинова Оксана Вячеславовна, кандидат социологических наук, доцент Тюменского государственного архитектурно-строительного университета.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 109–113.

THE PROBLEM OF IMPLEMENTATION OF “ELECTRONIC GOVERNMENT”

Gregory O. Barbakov

*Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Tyumen State Oil and Gas University,
bara79@bk.ru*

Oksana V. Ustinova

Candidate of Social Sciences, Associate Professor of Tyumen State Architectural University

Today, information support of municipal management is impossible without the use of modern technologies, one of which is “E-government”. The article analyzes the problem of low awareness and computer literacy of the population, decreasing the effectiveness of the implementation of electronic services. It is given the model of information interaction of local governments with the population.

Keywords: information policy, local government, e-government, e-municipality.

References

1. Cherepanova, V.N., Ustinova, O.V. Problemi obespechenij informacionnoj bezopasnosti / V.N. Cherepanova, O.V. Ustinova // *Sovremennye problemi nauki i obrazovanij*. – 2015, № 19 [online]: <http://www.science-education.ru/121-18701> (accessed: 05.04.2015).
2. Osipova, N.V. Kompetentnost' slugashich orqanov qosudarstvennoj vlasti subjektov RF v sfere informacionnich tehnoloqij / N.V. Osipova // *Otkritoe obrazovanie*. – 2011, № 2. Ch. 2. – P. 270-274.
3. Ustinova, O.V., Khairullina, N.G., Romanova, O.P. The role of communicative technologies in the process of local governments and the population interaction // *Life Science Journal*. – 2014. № 11(12s). – P. 113-119.
4. Zalivanskij, B.V. Formirovanie informacionno-kommunicativnich kompetencij municipal'nich slugashich / B.V. Zalivanskij // *Nauchno-prakticheskij gurnal «Qumanitarnie nauchnie issledovanij»*. – 2014, № 9 [online]: <http://human.snauka.ru/2014/09/7711> (accessed: 05.11.2014).
5. Melashenko, N.V. Razmeshenie orqanami mestnorqo samoupravlenij informacii v Internetе v kontekste razvitij informacionnoqo obshestva v Rossii / N.V. Melashenko // *Zakon*. – 2013, № 3. – P. 72-76.
6. Bibic, L.N., Dejneko, S.V., Ustinova, O.V. Rol' sredstv massovoj informacii v sovremennom obshestve / L.N. Bibic, S.V. Dejneko, O.V. Ustinova // *Vestnik Chel'abinskogo qosudarstvennoqo universiteta*. – 2014, № 24 (353). – P. 111-113.
7. V tridevjatam zarctve, v elektronnom qosudarstve // *Press-reliz Fonda «Obshestvennoe Mnenie»*. – 2011. 13 iulj [online]: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/pressr_080711 (accessed: 17.10.2012).

Статья публикуется впервые, согласны на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 34
ББК 67.5

Л. В. Ребышева, Е. В. Васильченко

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ

В свете институционального оформления органов местного самоуправления одной из наиболее актуальных задач является организация социального взаимодействия органов МСУ с населением. Авторы статьи акцентируют внимание на недостаточной эффективности деятельности органов местного самоуправления в выстраивании отношений с населением в решении социальных проблем, что негативно сказывается на рейтинге властных структур и востребованности её обществом как самостоятельной формы народовластия.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, муниципальный совет, социальное взаимодействие, деловое партнерство.

В современных условиях местное самоуправление является частью гражданского общества. Как правило, оно реализуется в пределах муниципальных образований и включает в себя элементы самоорганизации населения для решения вопросов местного значения. Взаимодействие органов местного самоуправления и населения конкретной территории является важным условием дальнейшего развития общества.

В ст.3 Европейской хартии о местном самоуправлении говорится, что «под местным самоуправлением понимается право и способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, в соответствии со своей компетенцией и в интересах местного населения» [1].

Актуально высказывание Л. Штейн о системе самоуправления. Он определял её как «первую форму, в которой широко распространена идея свободного управления с учетом организованного и полномочного участия граждан в функциях его исполнения. При этом оно возникает в силу свободной и самостоятельной воли граждан, делающих их участие необходимым и взаимовыгодным» [4].

По мнению Дж. Мида, «участники взаимодействия интерпретируют поведение друг друга, что является предпосылкой социального взаимодействия». Согласно его концепции «свобода человека обеспечивается силой импульсивного «Я» и самосознанием человека, которое возникает путем принятия роли другого» [2].

Согласно теории Т. Парсонса, «действи-

ющие лица не просто обладают статусами с четко установленными правилами и ролевыми ожиданиями, а ставят смысл и значение каждой социальной роли в зависимости от личной оценки ситуации и от того, как сказывается на социальном взаимодействии общее определение ситуации всеми ее участниками» [3]. Следовательно, взаимная организация социального действия наполняет особым смыслом сферу социального взаимодействия.

Особая роль в организации социального взаимодействия с целью активного вовлечения в продуктивную деятельность отводится местным органам власти, которые в большей степени приближены к населению. Следует отметить, что за годы становления местного самоуправления у некоторой части населения до сих пор не сформировалось четкое представление о роли и функциональном предназначении данной властной структуры. Так, при социопросе населения был задан вопрос: «Какие органы относятся к органам местного самоуправления?».

Как видно по результатам опроса, многие представители общественности правильно понимают структуру органов местного самоуправления. Так 62% респондентов отнесли к местному самоуправлению городскую администрацию; 58% - Глав МО; 48% - городскую законодательную власть. Однако следует обратить внимание и на тот факт, что треть опрошенных отнесли к органам местного самоуправления и региональные власти. Одновременно зафиксированы случаи определения Правительства РФ (4%) и Президента РФ (3%) к органам местного самоуправления. Эти дан-

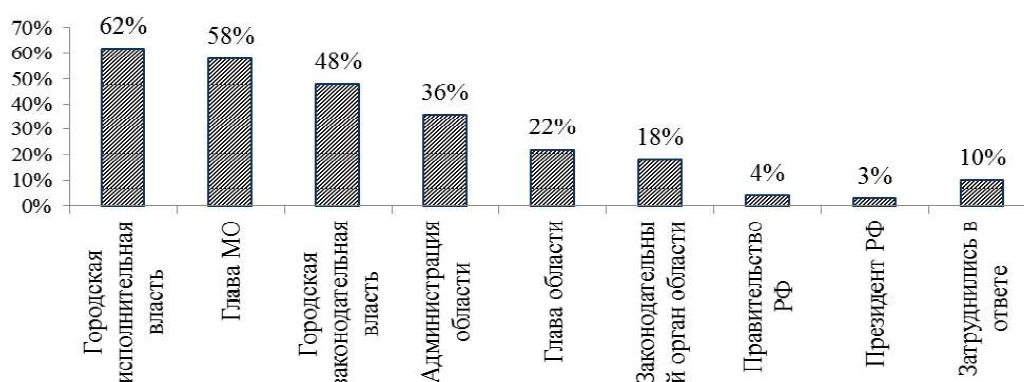

Рис. 1. Мнения респондентов об органах местного самоуправления (%).

Рис. 2. Вовлечение общественности к участию делами г. Тюмени.

ные подтверждают, что в общественном сознании пока не утвердилось адекватное представление о сути органов местного самоуправления.

Местное самоуправление в городе Тюмени обеспечивается на основе законодательной базы, при активном участии в решении местных вопросов населения города, с учетом исторических и местных традиций. Это налагает определенную ответственность на их деятельность и требует делового партнерства и сотрудничества между общественностью и администрацией города.

В городе Тюмень создано четыре административных округа. В каждом из них действуют территориальные органы администрации города (управы), которые обеспечивают прямой контакт с населением и выполняют задачи, возложенные на органы местного самоуправления по развитию территории.

Объективный анализ показывает, что управы сегодня являются эффективным инстру-

ментом местного самоуправления и запроса от населения на создание внутригородских муниципальных районов в настоящее время не возникает.

В настоящее время успешно работает информационный портал «Тюмень – наш дом», который позволяет максимально оперативно и полно информировать горожан обо всех реализуемых программах развития городской инфраструктуры. Важно, что с его помощью жители города могут контролировать проводимые работы, их качество и сроки исполнения.

В целях обеспечения участия населения в осуществлении местного самоуправления в городе Тюмени проведено 47 публичных слушаний. Следует отметить, что не все жители понимают значения подобных мероприятий, что является показателем низкой явки.

Процесс социального взаимодействия включает в себя комплекс мер, направленных на достижение информационной открытости органов МСУ, формирование позитивной ре-

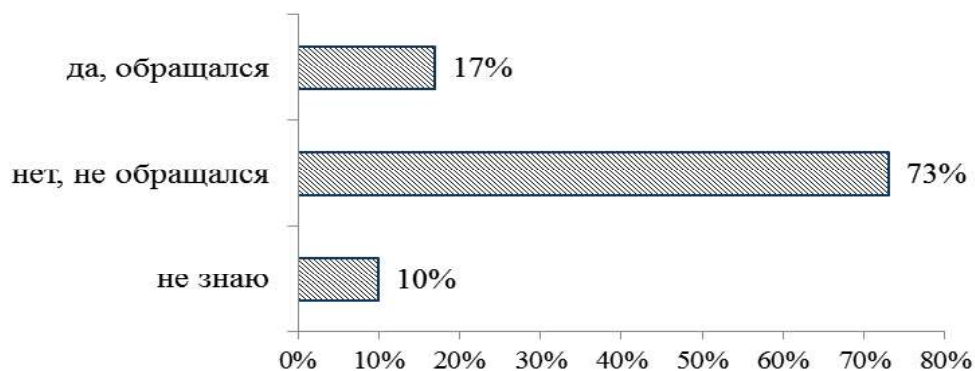

Рис. 3. Обращение жителей в муниципальный совет (%).

путации местного уровня власти, установление обратной информационной связи с населением. Стали традиционными выступления Губернатора Тюменской области, Главы Администрации города Тюмени и руководителей органов Администрации города Тюмени с жителями города на телеканале «Регион-Тюмень».

На протяжении последних лет стали традиционными мероприятия, посвященные Дню Победы, чествование ветеранов войны и труда, празднование Дня молодежи, Дня пожилого человека, новогодних гуляний и т.д. При проведении данных мероприятий работников администрации требуется проявление инициативы и добросовестности, а также установление творческого содружества между населением и представителями власти.

Одновременно, результаты опроса показали низкий уровень обращений населения в органы местного самоуправления: 73% опрошенных горожан никогда не обращались в органы власти; 17% обращались редко; затруднились в ответе – 10%.

Среди жителей, которые не обращались в муниципальный совет: 25% не имели никакой информации о полномочиях и компетенции депутатов; 26% не доверяют представителям власти; 20% не знают, в чем им могут оказать помощь муниципального совета. Целесообразно отметить, что письменные обращения позволяют оценить характер и содержание коммуникативных ситуаций, т.е. сферы, в отношении которых осуществляется коммуникативный процесс.

Особое внимание уделяется фиксации замечаний и предложений конкретных жителей муниципальных образований. Чаще всего это касается вопросов благоустройства территории: отсутствие детских площадок, не вывозится мусор, спиливание деревьев, наличия большого скопления машин у подъездов, сло-

манные почтовые ящики, отключение света в домах, неисправность теплосистем и т.д. Все это подтверждает несовершенство структуры управления.

Например, половина респондентов (54,3%) хотели бы видеть городские парки благоустроенным местом отдыха; 24,4% проявили равнодушие к поднимаемой проблеме (главная просьба: придать парку ухоженный, благоустроенный вид). Треть респондентов высказалась за обновление развлекательных аттракционов; 21% хотели бы видеть в парке спортивный комплекс; 15% высказались за сооружение концертной площадки.

Отрадно, что именно от населения муниципального образования исходит инициатива по активизации работы с молодежью: спортивно-культурные мероприятия, военно-спортивные игры и т.д. Около половины жителей (48%) высказались за объективное информирование населения о происходящих в городе событиях.

На вопрос «Готовы ли Вы к участию в работе органов МСУ?» ответы оказались следующими: лишь треть населения района готова принять участие в работе органов местного самоуправления. В качестве возможных форм социального взаимодействия респонденты назвали помощь в проведении общественных мероприятий, опросов общественного мнения, благоустройстве города.

О серьезных изменениях во взаимоотношениях между представителями местной власти и населением в различных сферах жизнедеятельности муниципального образования говорит каждый седьмой респондент (15,2%). Примерно каждый третий (34,8%) полагают, что изменения произошли, но они не достаточно существенны; 25,2% - уверены, что трансформационные процессы никак не повлияли на взаимоотношения местной власти и населения. К сожалению, результаты свидетельствуют

и о том, что население не ассоциирует себя с ролью активного субъекта местного сообщества. Следовательно, представителям местных органов власти необходимо учитывать, что совместное решение проблем на местном уровне способствует развитию социального взаимодействия.

Таким образом, среди инструментов организации социального взаимодействия органов МСУ с населением наиболее конструктивны-

ми являются проведение мероприятий и акций; публичные слушания, развитие каналов обращений населения к местной власти, применение методов социальной диагностики (опросы, интервью). Указанные направления деятельности способствуют управлению репутацией органов МСУ, формированию имиджа местной власти, что существенно сказывается на характере социального взаимодействия между населением и органами МСУ.

Список литературы

1. Европейская хартия местного самоуправления // Городское управление. – 2009, № 7. – С. 85-91.
2. Mead, G. Geist, Inentitat und Gesellschaft. Frankfurt am Main. – 1973.
3. Парсонс, Т. Система современных обществ /Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 270 с.
4. Штейн, Л. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательства Франции, Англии и Германии / Л. Штейн. – СПб., 2009 (переп.). – С. 27.

Сведения об авторах

Ребышева Лидия Васильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления ФГБОУ ВО «Тюменский государственный нефтегазовый университет».

rebisheva_lida@mail. Ru.

Васильченко Елена Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления ФГБОУ ВО «Тюменский государственный нефтегазовый университет».

elenavasilchenko@mail.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 114–118.

ORGANIZATION OF SOCIAL INTERACTION OF LOCAL GOVERNMENT WITH POPULATION

Lidia V. Rebysheva

Candidate of Social Sciences, Associate Professor of Marketing and Municipal management, Tyumen State Oil and Gas University, rebisheva_lida@mail.ru

Elena V. Vasilchenko

Candidate of Social Sciences, Associate Professor of Marketing and Municipal management, Tyumen State Oil and Gas University, elenavasilchenko@mail.ru

Local government is a part of civil society, representing the complex phenomenon of modern social practices. It is implemented within the municipalities and calls for reinforcing the inclusion of residents in the process of self-organization to solve social problems in a particular area. The authors also noted the lack of effectiveness of this independent form of democracy and its relevance society.

Keywords: local government, municipality, municipal council, social interaction, business partnerships.

References

1. The European Charter of Local Self-Government // Town Hall. - 2009, № 7. - pp 85-91.
2. Mead, G. Geist, Inentitat und Gesellschaft. Frankfurt am Main. – 1973.
3. Parsons T. The system of modern societies / T. Parsons. – М. : Aspect Press, 1997. - 270 p.
4. Stein, L. Teaching about the management and the right to control literature and the comparison of the legislation of France, Britain and Germany / L. Stein. - SPb., 2009 (a break.). - S. 27.

Статья публикуется впервые, согласны на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 316.356.2
ББК 60.561.5

Ю. С. Бердова

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОДПРОГРАММЫ «ДОСТУПНОЕ ЖИЛЬЕ МОЛОДЫМ» В ХМАО-ЮГРЕ

Трансформационные процессы, характеризующие российское общество в переходный период, негативным образом отразились на институте семьи, незыблемость и стабильность которого, казалось бы, не вызывала ни у кого сомнений. В наиболее трудных условиях оказались молодые семьи, одной из ключевых проблем которых является жилищная обеспеченность. В статье представлены результаты авторского исследования, целью которого стало выявление проблем реализации подпрограммы «Доступное жилье молодым» Программы ХМАО-Югры «Улучшение жилищных условий населения ХМАО-Югры» на 2005-2015 гг.

Ключевые слова: семья, проблемы молодой семьи, жилищная проблема, государственная программа.

Современная российская семья вступила в состояние кризиса, основой которого явилось снижение социальных гарантий, реального уровня доходов, углубление масштабов бедности семей с детьми, в первую очередь, многодетных [1]. Особенно в уязвимом положении оказались молодые семьи, чьи проблемы имеют свою специфику и связаны с рядом особенностей. Во-первых, период образования молодых семей – возрастной этап, когда создание семьи совпадает с прохождением ступеней социализации, связанных с получением образования, поиском работы, профессиональным самоопределением. Необходимо отметить и прохождение психологической адаптации к семейной жизни, к рождению детей. От того, насколько успешным будет этот этап для молодых супругов, во многом зависит стабильность и прочность семьи в будущем. Вторая особенность – недостаточный уровень финансовой и материальной обеспеченности [2].

Как показывают многочисленные социологические исследования, проведенные О.В. Устиновой [3. 4. 5. 6], в качестве основных причин, по которым молодые семьи не желают иметь детей, выступают: отсутствие перспектив приобретения жилья, отсутствие возможности трудоустройства и низкий уровень доходов. Причем первая из указанных причин звучит не как собственно отсутствие жилья, а именно как отсутствие перспектив его получения.

Актуальность заявленной темы обусловлена тем фактом, что государственная поддержка молодых семей в решении жилищной проблемы является основой стабильных усло-

вий жизни для этой наиболее активной части населения, способной повлиять на улучшение демографической ситуации в стране и регионе, в частности.

Для выявления проблем реализации подпрограммы «Доступное жилье молодым» Программы ХМАО-Югры «Улучшение жилищных условий населения ХМАО-Югры» на 2005-2015 гг. автором был проведен опрос представителей 50 молодых семей (рис. 1).

Рис. 1. Структура выборки семей по количеству детей (%).

К основным проблемам, препятствующим участию молодых семей в подпрограмме респонденты отнесли (в порядке убывания): сложности в нахождении недостающей (от

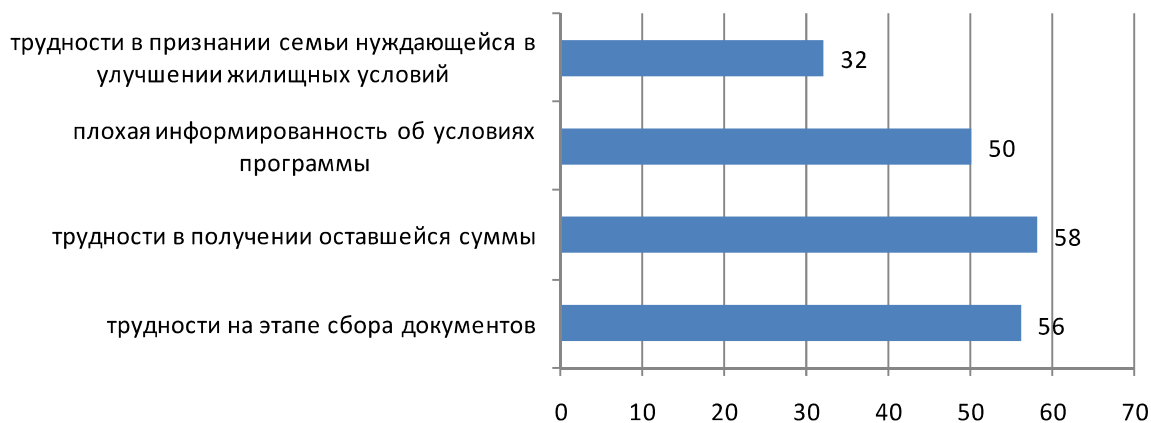

Рис. 2. Основные проблемы молодых семей как участников подпрограммы (%).

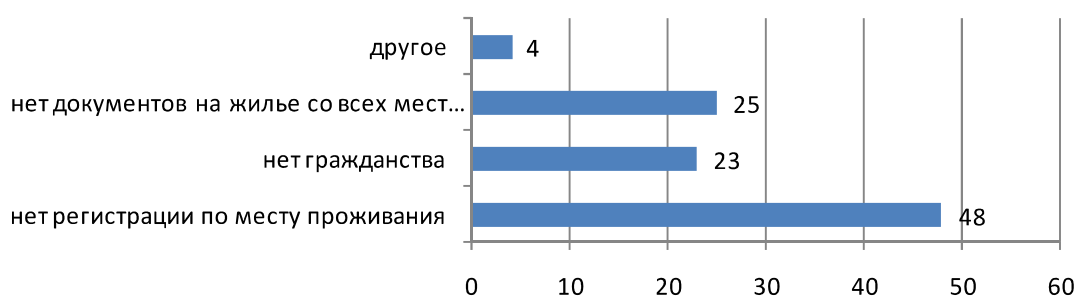

Рис. 3. Проблемы, возникающие на этапе сбора документов (%).

стоимости квартиры за вычетом субсидии) суммы; трудности на этапе сбора документов; плохая информированность об условиях подпрограммы; трудности в признании семьи, нуждающейся в улучшении жилищных условий (рис. 2).

Основными проблемами на этапе сбора документов для участия в подпрограмме, по мнению респондентов, являются: отсутствие регистрации в месте проживания (48%), отсутствие возможности предоставления документов с предыдущих мест регистрации за последние 5 лет (25%), отсутствие гражданства (23%) (рис. 3).

Трудности получения оставшейся суммы, необходимой для оплаты жилья проявляются в отказе банков в предоставлении ипотеки (эту причину назвали 58% респондентов), а также низкий официальный доход, не позволяющий собрать самостоятельно необходимую сумму (52%).

Для получения субсидии нужно доказать наличие остальной (недостающей) части стоимости жилья. На начальном этапе это удается сделать, но после одобрения часто получается так, что остальную часть денег молодая семья найти не может. В случае если не накоплена достаточная сумма или банк отказал в ипотеч-

ном кредите, молодая семья вынуждена отказаться от субсидии.

Часто молодым семьям отказывают в субсидии по причине того, что они не могут доказать свою потребность в жилье. Распространенной проблемой является и то, что большинство семей «не проходят по родительским метрам». Например, если один из членов молодой семьи прописан у родителей, у которых квартира 72 кв.м. и прописано 4 человека, то молодая семья не будет считаться нуждающейся в получении социальной поддержки.

Более того, претенденты на участие в подпрограмме могут быть не признаны участниками по причине «умышленного ухудшения жилищных условий». Их действия могут признать таковыми, например, при прописке мужа к жене (и наоборот), если при этом уменьшились квадратные метры, причитающиеся на каждого члена молодой семьи. Хотя такую прописку можно считать законной, так как проживание и прописка всех членов в одной квартире являются вполне естественными.

Согласно ст.53 Жилищного Кодекса РФ «Последствия намеренного ухудшения гражданами своих жилищных условий» – гражданами, которые с намерением приобретения права

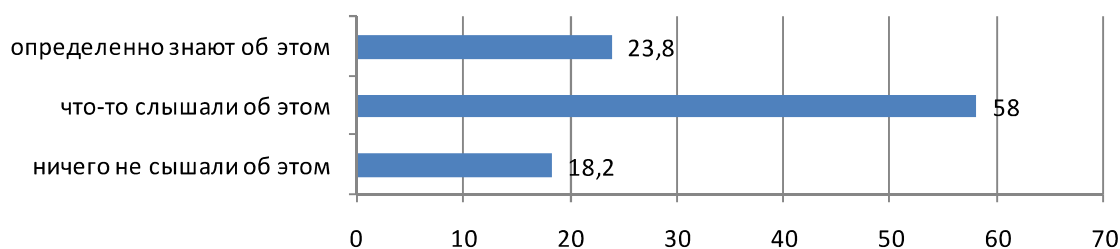

Рис. 4. Степень информированности респондентов о возможностях получения жилищных субсидий (%).

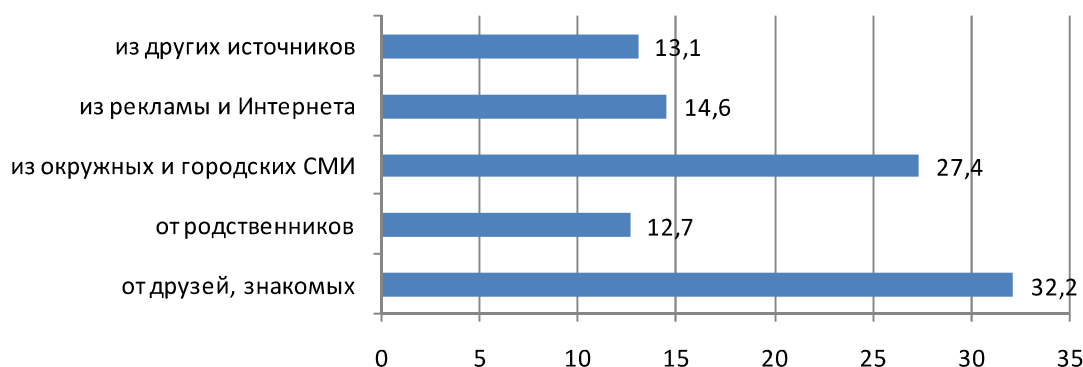

Рис. 5. Источники информации о возможности участия в подпрограмме (%).

состоять на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях совершили действия, в результате которых такие граждане могут быть признаны нуждающимися в жилых помещениях, принимаются на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях не ранее чем через пять лет со дня совершения указанных намеренных действий.

Незнание законодательства, а также условий участия в подпрограмме приводит к тому, что молодые семьи отказываются от участия в ней, не разобравшись в сути отказа.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что респонденты недостаточно информированы в вопросах получения жилищных субсидий (рис. 4).

В ходе опроса было установлено, что информацию о возможности получения жилищных субсидий респонденты получили из следующих источников (рис. 5).

Существует и такая проблема, как невозможность купить квартиру по причине того, что в период выдачи субсидий цены на жилье резко возрастают. Несмотря на то, что срок действия сертификата составляет около 9 месяцев и участник программы может сам решать, в какой момент ему удобно его реализовать, тем не менее, семьи стремятся решить жилищную проблему сразу после получения такого права. Но, даже если не брать в расчет проблему роста цен на жилье в

период выдачи субсидий, существуют и другие нюансы. Например, проблема, связанная с возрастным критерием участников подпрограммы. Так, чтобы получить право на получение субсидии возраст обоих супругов не должен превышать 35 лет. В программе существует пункт, где говорится, что если в момент получения средств, одному из супругов исполнится 36 лет, то семья не может являться участником программы.

Данный пункт вызывает множество споров. Не одна сотня семей обратилась в суд с требованием признать недействительным это условие, из-за которого их исключили из программы. Если семью признали нуждающейся в улучшении жилищных условий, и государство взяло на себя обязательства о реализации права граждан на жилье, то оно должно их исполнять, а не отказываться уже в процессе участия семьи в программе под предлогом обстоятельств, которые не могут не изменяться с течением времени.

Делая вывод по исследованию в целом, автор условно сгруппировал обозначенные проблемы в следующие блоки:

1. Трудности в доказательстве статуса «нуждаемости семьи в улучшении жилищных условий».

2. Плохая информированность молодых семей о нормативном регулировании и условиях участия в подпрограмме.

3. Отсутствие у молодых семей финансовых возможностей для оплаты части стоимости жилья.

Система мероприятий по совершенствованию реализации подпрограммы в округе долж-

на включать направления: нормативно-правовое и методологическое обеспечение; финансовое обеспечение; организационное обеспечение.

Список литературы

1. Хайруллина, Н.Г. Межэтнические отношения в Тюменской области: социальное самочувствие граждан. // Социосфера. – 2014, № 3. – С. 113-118.
2. Осипова, Л.Б., Смоленская, Л.Г. Основные направления государственной политики стабилизации семьи как фактора формирования ценностных ориентаций молодежи // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Стратегия повышения социальной защищенности отдельных групп населения» 15 июня 2007 г. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – С. 65-68.
3. Устинова, О.В. Репродуктивное поведение жителей Уральского федерального округа. / О.В. Устинова. // Здоровый образ жизни российской молодежи: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 5-летию программы утверждения и сохранения Трезвости в России «Трезвость – воля народа!». – Тюмень, 2014. – С. 245-251.
4. Устинова, О.В, Артюхов, А.В. Влияние ценностных ориентаций граждан на их репродуктивное поведение / О.В. Устинова, А.В. Артюхов // Социология. Экономика. Политика. Известия высших учебных заведений. – Тюмень, 2012, №4. – С. 56-59.
5. Ustinova, O.V. An Investigation into the Motives Behind the Reproductive Conduct of the Ural Federal District Scopus. // World Applied Sciences Journal – 2014. 31 (5). – P. 910-914.
6. Ustinova, O.V. Deformation of values system as a reason of demographic crisis in Russia. Scopus. // Life Sci J 2014.11(8s.) – P. 465-468.

Сведения об авторе

Бердова Юлия Сергеевна – ассистент, Тюменский государственный нефтегазовый университет. yberdova@yandex.ru.

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 119–123.*

PROBLEMS OF REALIZATION OF THE SUBPROGRAM “AFFORDABLE HOUSING FOR YOUNG FAMILIES” IN KHMAO-YUGRA

Julia S. Berdova

assistant, Tyumen State Oil and Gas University, yberdova@yandex.ru

The transformation processes that characterize the Russian society in transition, has had negative repercussions on the institution of the family, the sanctity and stability which, apparently, did not cause any doubts. In the hardest hit have been young families, a key issue is housing. The article presents the results of a study whose objective was to identify the problems of implementing the program “Affordable housing for young families” Program of KHMAO-Yugra “improving the living conditions of the population of KHMAO-Yugra” 2005-2015.

Keywords: the family, the problems of a young family, housing problem, the state program.

References

1. Chajrullina, N.Q. Mezetnicheskij jtnoshenij v Tçumenskoj jblasti: sozialçnoe samochuvstvie qragdan. // Soziosfera. – 2014, № 3. – P. 113-118.

2. Osipova, L.B., Smolenskaj, L.Q. Osnovnie napravlenij gosudarstvennoj politiki stabilizacii semei kak faktora formirovanij cennostnish orientacij molodegi //Materiali Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Strategij povishenij sozialnoy zashishennosti otdeľnich grupp naselenij» 15 iunij 2007 g. – Irkutsk: Izd-vo BQUEP, 2007. – P. 65- 68.

3. Ustinova, O.V., Reproductivnoe povedenie zitelej Ural'skogo federal'nogo okruqa. / O.V. Ustinova //Zdorovij obraz szizni rossijskoj molodezi: Materiali Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjshennoj 5-letiu programmi utverzhdenia i sochranenia Trezvosti v Rossii «Trezvost' – volja naroda!». – Tumen', 2014. – P. 245-251.

4. Ustinova, O.V., Artuchov, A.V. Vlijanie zhennostnish orientacij qragdan na ich reproductivnoe povedenie / O. V. Ustinova, A. V. Artuchov // Sozhiologii. Ekonomika. Politika. Izvestij visshich uchebnych zavedenij. – Tumen', 2012, № 4. – P. 56-59.

5. Ustinova, O.V. An Investigation into the Motives Behind the Reproductiv Conduct of the Ural Federal District Scopus. // World Applied Sciences Journal – 2014. 31 (5). – P. 910-914.

6. Ustinova, O.V. Deformation of values system as a reason of demographic crisis in Russia. Scopus // Life Sci J 2014.11(8s.) – P. 465-468.

Статья публикуется впервые, согласна на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

С. Е. Вершинин, О. И. Власова

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЫХ РОССИЯН О СВОЕМ ПЕНСИОННОМ БУДУЩЕМ

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-33-01012
«Пенсионные стратегии молодого поколения россиян»*

В статье рассматриваются представления молодых россиян о своем пенсионном будущем, полученные при анализе работы фокус-групп. Отмечается преобладание краткосрочной временной ориентации при планировании индивидуальной и групповой жизни, ярко выраженное недоверие к социальным институтам.

Ключевые слова: пенсионное будущее, пенсионная политика, социальное недоверие, краткосрочная ориентация, модели экономического поведения.

Проблема реформирования системы пенсионного обеспечения населения стала одной из самых обсуждаемых в средствах массовой информации и политических институтах-партиях, Государственной думе, правительстве и т.д. Эта реформа в самом общем виде должна распространяться, с одной стороны, на различные государственные и негосударственные организации, с другой стороны, на население России. В данной статье мы будем рассматривать, прежде всего, второй аспект проблемы, а более конкретно – представления молодых россиян – жителей мегаполиса – о своем пенсионном будущем. В рамках грантового исследования нами были проведены три дискуссионные фокус-группы с молодежью в возрасте 25-35 лет, имеющей разные ориентации на пенсионное будущее. В состав первой группы (1) вошла молодежь, не имеющая никаких представлений о пенсионном инвестировании, о порядке формирования будущей пенсии, не интересующаяся состоянием и изменениями пенсионного законодательства. Участники второй фокус-группы (2) представляли собой потенциальных инвесторов, это молодые люди, которые в среднесрочной и долгосрочной перспективе планируют совершать действия, связанные с инвестированием в будущую пенсию. Третья группа (3) – молодежь, совершающая в настоящий момент инвестиционные вложения в будущую пенсию, интересующаяся проблемами пенсионной сферы. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

Представления молодых россиян о своем пенсионном будущем проявились отчетливее

всего по отношению к историческому времени и к социальным институтам.

Прежде всего, это общий вопрос о будущем – как его видят и воспринимают молодые россияне. Здесь можно выделить количественные и качественные аспекты. При решении вопроса о том, на сколько лет вперед заглядывают вперед участники всех трех фокус-групп, выяснилось, что временная дистанция определяется достаточно ограниченно – большинство участников всех трех фокус-групп называли срок 5-10 лет. Это время, на которое распространяется планирование своей личной, профессиональной и социальной жизни. Это означает, что преобладает краткосрочная ориентация. Для прояснения подобной ориентации возможно использование классификации культур известного голландского социолога Г. Хофштеде. Сравнивая различные культуры по определенным показателям, он пришел к выводу, что одной из важнейших характеристик является ориентация как всей культуры, так и ее отдельных представителей на короткое или длинное время. В результате в той или иной культуре преобладает долгосрочная или краткосрочная ориентация как образец группового и индивидуального поведения[□].

Но почему отсутствует долгосрочная ориентация у наших – российских - респондентов? Здесь следует указать на несколько обстоятельств, затрудняющих, по нашему мнению, использование такого типа временной ориентации.

Во-первых, это объективно большая временная дистанция. Молодые люди вряд ли бу-

дуг задумываться о том, что будет в необозримом будущем: «Накопленный опыт российско-го пенсионного реформирования говорит о том, что человек, начинающий работать, даже приблизительно не может представить, что будет с его отчислениями в пенсионную систему через 40 лет, к моменту его выхода на пенсию» [4].

Во-вторых, это специфически русско-российское отношение к историческому времени, о котором писал еще Д.С. Лихачев. Будучи специалистом по Древней Руси, он обратил внимание, что все письменные и устные тексты свидетельствуют о постоянном и напряженном интересе к прошлому и уповании на будущее, которое всегда предстает в мифологизированном виде. Настоящему в его исторически-конкретной, повседневной, социальной форме места нет [6]. Другие исследователи русской культуры, в частности, Ю. Лотман и Б. Успенский также отмечали «сжатость» настоящего полюсами прошлого и будущего, и квалифицировали отношение к историческому времени как преимущественно утопическое [7].

В-третьих, это культурно-исторический поворот от социализма к капитализму, который повлек за собой изменение множества ценностных ориентаций. Советская культурно-идеологическая стратегия делала упор на прошлое и будущее. Прошлое выступало в двух ипостасях: как мрачное царское и славное революционное. Будущее выступало как гармоничное состояние, где были решены многие проблемы, существующие в настоящем. Настоящее рассматривалось как некое промежуточное состояние, в котором прошлое представлено «пережитками», подлежащими искоренению, а в настоящем уже присутствуют «ростки будущего», на которые необходимо ориентироваться [5, 9]. Кроме того, от каждого человека требовалась активная вовлеченность в актуальные процессы, умение быстро реагировать на изменения в текущей политике, а забота о собственном будущем передоверялась властным инстанциям. Советская система к концу эпохи сталинизма выработала способы закрепления человека по месту жительства [прописка] и по месту работы. Постоянство и привязанность каждого работника к своей организации [борьба с «летунами»] давала гарантии благополучного будущего. Размер пенсии полностью зависел от этого постоянства, а также непрерывной вовлеченности в государственную службу. В этом плане отдельное, индивидуальное будущее не было предметом

специальной заботы, главное, чтобы гражданин демонстрировал преданность построению общего государственного будущего, каким бы неопределенным оно не казалось.

Напротив, современная постсоветская культурная стратегия настаивает на жизни в настоящем, и, главное, на успешности сегодня. Общество массового потребления предполагает активное погружение в настоящее, использование различных благ и услуг здесь и теперь. «Текущая современность» в обществе модерна означает, что все быстро изменяется, а опыт одних поколений становится непригоден для других [1]. Применительно к нашей ситуации это означает, что первые молодые «капиталистические» поколения, входящие на рынок рабочей силы и услуг, не имеющие исторического опыта старения и получения пенсии, активно пользуются этими благами и услугами, а господствующая идеология потребления препятствует размышлению о далеком будущем.

В-четвертых, существуют политические причины сосредоточения на настоящем. Отсутствие долгосрочной, хорошо продуманной, стратегии развития страны – не столько в экономическом, сколько в социальном и культурном аспектах – создает ощущение нестабильности как в правящей политической, экономической и других элитах, так и на уровне широких слоев населения.

В рамках нашего анализа важно отметить непредсказуемость социальной политики правящей элиты. Достаточно посмотреть на публикации первого полугодия 2015 года, чтобы заметить серьезное противостояние двух блоков нынешнего правительства – экономического и социального. Как известно, за повышение, например, пенсионного возраста выступает финансовый блок – в частности, глава Министерства финансов А. Силуанов, глава Российского союза промышленников и предпринимателей А. Шохин, первый вице-премьер И. Шувалов, глава министерства экономического развития А. Улюкаев, бывший министр финансов А. Кудрин. Напротив, за сохранение существующего пенсионного возраста выступают президент РФ В. Путин, премьер-министр РФ Д. Медведев, вице-премьер РФ О. Голодец, руководитель комитета Госдумы А. Исаев. Другой пример: на прошедшем в июне 2015 г. в Санкт-Петербурге экономическом форуме: О.Ю. Голодец утверждала, что мораторий на накопительную часть пенсий может быть продлен, а И. Шувалов тут же за-

являл обратное [12]. Непонятна и ситуация с отказом от индексации пенсий на уровне инфляции [10].

Постоянные дебаты вокруг накопительной части пенсии, дискуссия вокруг вопроса о невозможности повышения пенсии в соответствии с нормой инфляции, которые должны были бы вестись с участием экспертов, политиков, представителей общественности, превратились в публичное вбрасывание мало продуманных версий. Такая политическая практика создает достаточно нервную обстановку, на которую молодые работники отвечают отказом от будущего. Респонденты утверждают: «прогнозировать бесполезно», «ну, мы реально живем всю жизнь в хаосе, можно сказать, так наша страна живет. Все меняется кардинально практически с каждым днем. Вообще кардинально... не то чтобы чуть-чуть» [1], «у меня, наверное, планы в лучшем случае на год, дальше загадывать не стоит, потому что неизвестно, что произойдет в нашей стране, судя по тому, какая экономика и что происходит, ну, пока работать» [3].

Неопределенность коллективного будущего переносится и на собственное личное, семейное, групповое будущее и создается впечатление, что существует симметрия неопределенности коллективного и индивидуального будущего.

Если долгосрочная ориентация отсутствует или присутствует минимально, то задумываются ли вообще молодые люди о старости? Исследование показало, что можно обнаружить несколько поводов. Самым распространенным является обсуждение в кругу близких родственников предстоящий выход на пенсию родителей, дедушек и бабушек. Среди других поводов назывались: вид нищих бабушек на улице; болезни родственников старшего поколения; смерть близких людей; «мама на пенсию выходит»; «родители достигли пенсионного возраста» [1], [2]. Судьбы стареющих близких часто вызывают тревогу, косвенно свидетельствующую и о тревоге за собственное будущее. Это свидетельствует о том, что импульсы к размышлению и определенные действия респондентов исходят чаще от семейного и реже – от профессионального окружения, а не являются реакцией на предлагаемые социальные инициативы различных пенсионных фондов.

Если же реакция есть, то она носит негативный характер «все эфемерное», «НПФ – это финансовая пирамида» [2]. НПФ представля-

ют абсолютно новые для России финансовые институты, предполагающие длительный цикл инвестирования, которых ранее не существовало. Большое значение имеет и отсутствие в репрезентациях молодого поколения реальных примеров их эффективности: «В самом деле, непрозрачность, то есть я не вижу, куда, допустим, отчисляется и отчисляется ли вообще, то есть, даже если негосударственный фонд, где процент может быть выше, тоже непонятно, в самом деле ли это так, или, может быть, 5-6 процентов, а платят два или вообще ничего не платят» [1]. «Заявление-то я написала, но информации дальше, что с этим сделалось, перевелось ли, открылся ли у меня какой-то счет, у меня нет никакой информации. То есть меня никто не ставит в известность дальше. Что будет с этим? Зачем я вообще это сделала?» [2].

Как интерпретировать вышеуказанное обстоятельство? Нам кажется, что здесь на сознание и поведение индивидов оказывает влияние такой важный фактор, как социальное недоверие. Оно существует у населения в целом, и молодежи, в частности, по отношению к экономическим и политическим социальным институтам.

Сначала следует отметить общепризнанный факт, что переход от одного типа обществ к другому всегда связан с изменением геометрии доверия и недоверия. Например, в традиционных обществах индивиды в своих взаимодействиях опираются на родственные, соседские, общинные взаимосвязи, местные традиции. Резкое разделение на своих и чужих означает, что доверие направлено на своих, а недоверие против конкретных и обобщенных чужих. Напротив, развитие капитализма и переход к индустриальному обществу способствует росту доверия к «чужим» – социальным институтам рынка, бизнеса, политической системы и т.д.

В своеобразной форме тенденция доверия к социальным институтам культивировалась и в советском обществе – как доверие к правящей коммунистической партии, профсоюзам, системе образования, армии, трудовому коллективу. Доверие и недоверие к родственникам, друзьям, знакомым, коллегам стало производным от доверия или недоверия к какому-либо социальному институту[□]. Следовало доверять скорее другим, чем себе – таков был один из механизмов формирования социальности [11].

Напротив, в постсоветском обществе ситуация изменилась на противоположную. В условиях слабости социальных институтов,

неустойчивости экономической жизни и прочих обстоятельств, происходит отказ от доверия социальным институтам, в данном случае государству и его пенсионной политике*. Респонденты отмечали в своих высказываниях, что не доверяют банковским вкладам, акциям, покупке недвижимости. Диапазон реакции в данном случае достаточно широк: от отказа перечислять часть своего заработка в пенсионные фонды до подозрительного отношения ко всем нововведениям и инициативам, идущим сверху. Здесь имеет место сочетание незнания – многие респонденты отмечали, что не знают про пенсионную политику государственных и негосударственных пенсионных фондов – и априорного недоверия государственной политике.

Радиус доверия сужается и замыкается на небольших кругах своих родственников, знакомых, одноклассников, бывших соучеников по университету. Происходит скорее выстраивание доверия по горизонтали и недоверия по вертикали – к местным и федеральным властям, государству в целом, политическим партиям и т.д. Есть и другие варианты, о чем говорили респонденты на фокус-группе инвесторов, когда руководство организации приводит представителя негосударственного пенсионного фонда и работники под прямым или косвенным давлением соглашаются перечислять взносы в этот фонд.

Недоверие усугубляется еще и тем, что, на наш взгляд, существуют различные модели экономического поведения, которые условно можно обозначить как «модель сверху» и «модель снизу». Модель экономического поведения, предлагаемая и предполагаемая экспертами правительства и политическими чиновниками [«модель сверху»] – это модель человека, который самостоятельно принимает решения, индивидуально оценивает риски, минимизирует издержки и занимается разнообразными инвестициями. Во главу угла здесь ставятся экономически эффективные показатели – говоря традиционным социологическим языком, это экономическое целерациональное действие. Для оптимального расчета своего пенсионного будущего требуется рациональное понимание пенсионной политики, умение прогнозировать тенденции развития общества и своей профессии, осознание собственной ответственности за свое будущее и будущее своей семьи.

* Мы имеем в виду, прежде всего, русский этнос. В других этнических – более традиционных – группах ситуация может выглядеть иначе.

Модель экономического поведения, наблюдаемая у многих молодых россиян («модель снизу»), и которую мы зафиксировали в ходе проведения фокус-групп – это модель человека, который ориентирован на семью или неформальную группу, который социализирован, то есть придерживается принятых в данной культуре не только норм и правил, но и традиций. Он может быть социально инертен, то есть повторять образцы поведения своих родителей – не слишком задумываться о будущем, полагаться на государство и т.д. Ответственность и выбор определенной пенсионной стратегии в таком случае, во многом, перекладывается индивидом на внешние факторы и других субъектов пенсионной политики. Такое поведение индивида может быть названо экономически ценностно-рациональным.

Эти модели противоречат друг другу с точки зрения основных ценностных ориентаций. Преодоление подобного расхождения двух моделей осуществляется со стороны разработчиков и представителей пенсионной системы путем демонстрации ужасающих последствий для тех, кто не примет данную реформу или не платит налоги. Однако внедрение пенсионного реформирования путем устрашения имеет мало шансов на успех. Респонденты не раз подчеркивали – необходима «открытость пенсионной политики», «глобальный интерактивный форум», «онлайн-контроль» за формированием своего пенсионного счета.

Здесь возникает вопрос о степени влияния внешних факторов – например, все чаще повторяющихся вбросов информации о дефиците бюджета ПФР, об увеличении трудоспособного возраста – на принятие собственных решений: «Нет смысла обсуждать – из-за новостей», а на вопрос, что же будут делать нынешние молодые люди, когда достигнут пенсионного возраста, следует достаточно типичный ответ: «Работать... В огороде работать»**.

Это обстоятельство, на наш взгляд, скорее повышает негатив отношения к социальным институтам – как некий общий знаменатель, который потом может оказать влияние на выбор одного из двух вариантов собственной пенсионной стратегии: индивидуализации решений о своем финансовом будущем или пассивном принятии существующих тенденций. Нам кажется, что существует некая социальная инерция на индивидуальном уровне. Государство,

** См., например, раздел: «Товарищи» и «враги»: советское общество доверия» в журнале Неприкосновенный запас [8]

как и прежде, несет, по мнению респондентов, главную ответственность на пенсионную политику и при этом на нее нельзя никак повлиять: «гражданин ничего не может сделать», его мнение «никак не повлияет».

Если принимается такая социальная позиция, то молодые россияне просто повторяют судьбу своих родителей в советское время. Они будут стараться сделать карьеру, но что будет с накопленными деньгами через 30 лет, никто не может сказать. Здесь следует отметить определенный элемент незнания: хотя пенсионный калькулятор уже существует и можно гипотетически посчитать размер своей будущей пенсии, но присутствующие на всех фокус-группах вообще не упоминали его. Данную ситуацию можно представить и как противоречие между потенциальной экономической свободой и актуальными практиками ее использования: незнание сочетается с неумением и нежеланием пользоваться существующими возможностями. Если и говорить о проекте будущего, то это скорее некая темпоральная осторожность – лучше пожертвовать потенциальной экономической свободой в пользу авторитарной, но относительно надежной системы распределения. Ответственность государства – в этом, пожалуй, единственная точка схождения интересов верхов и низов. Остается принять модель патерналистского поведения, и потому в ответах подавляющего числа респондентов на вопрос, кто несет ответственность за формирование пенсий, звучал один ответ – государство. Некоторые респонденты указывали на возможность крупных компаний выплачивать корпоративную пенсию.

С другой стороны, новая капиталистическая действительность* и новые образцы поведения заставляют думать о своем индивидуальном будущем и потому стараться что-то приобрести на будущее – акции, металлы, недвижимость. На вопрос, от чего зависит увеличение пенсии, ответы были таковы: «высокая белая заработная плата», «стаж работы», «вид деятельности», «государственный или негосударственный пенсионный фонд». Таким образом, можно зафиксировать противоречивое сочетание патерналистских и индивидуалистских настроений у опрошенных респондентов.

* Некоторые чиновники-теоретики пенсионного дела относятся к подобного рода перспективам с некоторым высокомерием: «Большинство сейчас выбирают стратегию работать до смерти. Мне кажется, что это извращенное понятие старости» [3]. Однако как должен выживать будущий пенсионер?

Во что же будут вкладываться молодые люди? Если рассматривать финансовое поведение в трех аспектах – как пенсионное, сберегательное и инвестиционное поведение – то можно констатировать первенство инвестиционного поведения по сравнению с первыми двумя аспектами. Оно выглядит наиболее реальным, однако скорее это инвестиции в настоящее, а не в будущее время. На вопрос «Если у вас появилась сумма денег, не на неотложные нужды, на что вы их используете?» респонденты отвечали, что используют эти деньги на «путешествие, квартиру, земельный участок, фонд помощи бабушкам, помощь детям, просто отложили бы»... Это имущественные вложения или действия снова демонстрируют ориентацию на немедленный результат, а если речь идет о социальной солидарности, то также только в форме немедленной отдачи. Об общественном договоре между поколениями вообще нет речи.

Проведенное исследование показало наличие противоречивого отношения к государственной пенсионной политике. С одной стороны, негативное отношение вызывает непрозрачный механизм формирования пенсий в государственном пенсионном фонде России, а также негосударственные пенсионные фонды. В групповой дискуссии присутствовало общее ощущение того, что государственный пенсионный фонд (ПФР) не сможет обеспечить достойное качество жизни. С другой стороны, надежды возлагались большинством именно на государство и государственную пенсионную политику. Вместе с тем состояние неопределенности оказывает решающее влияние на представления о своем пенсионном будущем – как выразился один из респондентов, «а вдруг все будет не так?».

Ответы респондентов свидетельствовали о недостаточной информированности по поводу происходящих перемен в пенсионной политике. При переходе от государственно-патерналистской системы пенсионного обеспечения к индивидуально-накопительной (сочетание страховой, накопительной, корпоративной и пр. пенсий) необходим новый финансовый всеобщий просвещение населения. Финансовое просвещение должно быть усилено – сами респонденты неоднократно предлагали начинать его со школы.

Во-вторых, состояние неопределенности по поводу своего пенсионного будущего переходит в стратегии личного и коллективного недоверия к системе пенсионного обеспечения.

Такое недоверие заставляет сокращать горизонты планирования своего будущего до 5-10 лет и делать упор на жизнь в настоящем. Таким образом, далекое пенсионное будущее перестает существовать для многих респондентов как тема для размышлений и реальных действий.

Список литературы

1. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Болтански, Л., Кья пелло, Э. Новый дух капитализма / Болтански Л., Кьяпелло Э. – М.: НЛЮ, 2011. – 979 с.
3. Диспут-клуб АНЦЭА «Пенсионная реформа: мифы и реальность» Горлин vs Якушев. URL: <http://pensionreform.ru/files/94612/Disput%20Club%202015-03-19%20web.pdf> (дата обращения 30.08.2015).
4. Ефимова, Л.А., Макарова, С.Д., Тукмакова, Ю.О. Возможности и ограничения использования зарубежного опыта в процессе реформирования пенсионной системы РФ / Л.А. Ефимова, С.Д. Макарова, Ю.О. Тукманова // Экономический анализ: теория и практика N24, июнь 2014. URL: <http://pensionreform.ru/75594> (дата обращения 15.08.2015).
5. Кларк, К. Советский роман: история как ритуал / Кларк К. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-т, 2002. – 262 с.
6. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Лихачев Д.С. – М.: Наука, 1979. – 376 с.
7. Лотман, Ю.М., Успенский, Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры [до конца XVIII века] / Лотман Ю.М., Успенский Б.А. // Избранные труды, том I. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Гнозис, 1994. – 684 с.
8. Неприкосновенный запас. 2013. № 6 // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/6/> (дата обращения 16.08.2015).
9. Паперный, В. Культура – Два. / Паперный В. – М.: НЛЮ, 1996. – 384 с.
10. Правительство задумалось об отказе от индексации пенсий. URL: <http://pensionreform.ru/96944> (дата обращения 30.08.2015).
11. Хархордин, О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности» / Хархордин О. – СПб; М: ЕУСПб, Летний Сад, – 2002.
12. Шувалов не исключил вероятность продления моратория на накопительную часть пенсий. URL: <https://news.mail.ru/economics/22411825/> (дата обращения 30.08.2015).
13. Hofstede, G., Hofstede, G.-Jan. Cultures and Organizations: Software of the Mind / Hofstede G., Hofstede, G.-Jan. – New York., 2004. 300 p.

Сведения об авторах

Вершинин Сергей Евгеньевич - доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальной работы Российского государственного профессионально-педагогического университета.

sergejwerschinin@mail.ru.

Власова Ольга Ивановна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Российского государственного профессионально-педагогического университета, Российский государственный профессионально-педагогический университет.

vlasovaolga@list.ru.

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 124–130.*

REPRESENTATIONS OF YOUNG RUSSIANS ABOUT THEIR RETIREMENT FUTURE

Sergej E. Vershinin

Doctor of philosophy, Professor of the department of sociology and social work at Russian State Vocational Pedagogical University, sergejwerschinin@mail.ru

Olga I. Vlasova

Candidate of Sociology, Associate Professor of the department of sociology and social work at Russian State Vocational Pedagogical University, vlasovaolga@list.ru

The article discusses the views of young Russians about their future pension received at the analysis of the focus groups. It is noted the prevalence of short-term temporal orientation in the planning of individual and group life, pronounced distrust of social institutions.

Keywords: Pension future, pension policy, social distrust, short-term orientation, models of economic behavior

References

1. Bauman, S. Tekuchaja sovremennost [Liquid Modernity] – SPb.:Piter, 2008. – pp. (In Russ.).
2. Boltanski, L., Chiapello, E. Novyj duh kapitalisma [The New Spirit of Capitalism]. – Moscow: NLO, 2011. (In Russ.).
3. Disput-klub ANZEA “Pensionnaja reforma: mify i realnost. Gorlin vs Jakushev [Pension reform: myths and reality. Gorlin vs Jakushev] // <http://pensionreform.ru/files/94612/Disput%20Club%202015-03-19%20web.pdf>(In Russ.).
4. Efimova, L.A., Makarova, S.D., Tukmakova, J.O. Vosmoshnosti i ogranichenija ispolsovanija sarubeshnogo opyta v prozesse reformirovanija pensionnoj sistemy RF [The capabilities and limitations of using foreign experience in the process of reforming the pension system of the Russian Federation] // *Ekonomicheskij analiz: teorija i praktika*. N 24, une 2014 // <http://pensionreform.ru/75594>(In Russ.).
5. Klark, K. Sovetskij roman: istorija kak ritual [The Soviet Novel: History as Ritual] – Ekaterinburg: isd-vo Ural.gos. un-tet, 2002. – 262 pp. (In Russ.).
6. Lihachev, D.S. Poetika drevnerusskoj literatury [The Poetics of Early Russian Literature] – Moscow: Nauka, 1979. – 376 pp. (In Russ.).
7. Lotman, J.M., Uspenskij, B.A. Rol dualnyh modelej v dinamike russkoj kultury (do konza 18 v.) [The role of dual models in the dynamics of Russian culture (up to the end of the eighteen century)] // *Uspenskij B.A. Isbrannye trudy, tom 1. Semiotika istorii*. – Moscow: Gnosis, 1994. – 684 pp. (In Russ.).
8. Neprikosnovennyj zapas [NZ-Debats on politics and culture], 2013, № 6 // <http://magazines.russ.ru/nz/2013/6/> (In Russ.).
9. Papernyj, V. Kultura-dva [Culture-2] – Moscow: NLO, 1996. – 384 pp. (In Russ.).
10. Pravitelstvo sadumalos ob orkase ot indeksazii pensij [The government is thinking about abandoning the pensions indexation] <http://pensionreform.ru/96944>(In Russ.).
11. Harhordin, O. Oblichat i lizemerit: genealogija rossijskoj lichnosti [Revealing and dissimulation: the genealogy of Russian personality] – SPb, Moscow: EUSPb, Lentij sad, 2002. (In Russ.).
12. Shuvalov ne iskljuchil verojatnost pproflenija moratorija na nakopitelnuju chast pensij [Shuvalov did not rule out the probability of extension the moratorium on the funded part of pensions] // <https://news.mail.ru/economics/22411825/> (In Russ.).
13. Hofstede, G., Hofstede, G.-Jan. Cultures and Organizations: Software of the Mind. – New York., 2004. – 300 p.

Статья публикуется впервые, согласны на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

Е. А. Колесник

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО РЫНКА ТРУДА РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье представлена структура молодежного рынка труда и его взаимосвязь с институтами. Выделена роль государственных и негосударственных институтов в формировании молодежного сегмента рынка труда. Определены ключевые проблемы занятости молодежи, выделены основные направления политики обеспечения занятости в формировании и развитии этого сегмента рынка труда.

Ключевые слова: рынок труда, институциональная структура рынка труда, молодежь, занятость, политика занятости, безработица.

Современное развитие молодежного сегмента характеризуется усилением противоречий между спросом на рабочую силу молодежи и ее предложением, деформацией региональной, отраслевой и секторной структуры занятости, усложнением процесса привлечения молодежи в сферу продуктивной трудовой деятельности, а также несовершенством механизма его государственного регулирования. Этим и обуславливается актуальность темы исследования.

Теоретической основой исследования молодежных аспектов занятости являются зарубежные и отечественные авторы. В России эту проблематику рассматривают Л.Г. Борисова, Н.А. Свиридов, И.Н. Чистяков и др. Несмотря на многообразие направлений исследований, до сих пор остаются недостаточно изученными и проработанными институциональные аспекты формирования и развития молодежного сегмента рынка труда. Поэтому основной целью настоящего исследования является изучение институциональных аспектов формирования и развития молодежного рынка труда России, выделения основных тенденций и путей содействия молодежной занятости.

В свою очередь следует отметить, что институциональные аспекты рынка труда стали объектами серьезных исследований лишь в эпоху позднего капитализма, когда рыночные отношения начали приобретать всеобщий характер. Именно с этого периода начала формироваться и приобрела современный вид институциональная структура рынка труда, рассматриваемая многими исследователями (С. Кирдина, Г. Клейнер, В. Вольчик, Н. Хлеб-

никова) как совокупность взаимосвязанных социально-экономических институтов, устойчиво воспроизводящих социальные, трудовые, политические, правовые, экономические и другие отношения и влияющие на экономику страны в целом.

Далее проведем анализ некоторых институциональных аспектов формирования молодежного сегмента рынка труда России.

Согласно Постановлению Верховного Совета РФ «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» от 3 июня 1993 г. № 5090-1 [1] к молодежи относятся молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет. Помимо этого, молодежь принято делить на четыре возрастные группы: 14-16 лет (подростки), 17-19 лет (юношество), 20-24 года (собственно молодежь) и 25-30 лет (старшая молодежь). Эти группы в силу своих возрастных особенностей, способности и желания выполнять определенную работу, профессиональной подготовленности, профессиональных амбиций, инициативы, мобильности и др. подвержены риску остаться без работы. Это подтверждается и данными МОТ, согласно которых в мире около 75 млн. молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет являются безработными. В Европе их число достигло 5,5 млн. В настоящее время молодежная безработица составляет 22%, что в два раза превышает долю безработных среди взрослого населения [4].

В России безработица в молодежной среде выглядит следующим образом: по сравнению с сентябрем 2013 г. уровень безработицы в возрасте 15-19 лет увеличился на 2,7 %, наблюдается уменьшение уровня в возрасте 20-24 лет

(на 0,6 %) [5]. В среднем среди молодежи в возрасте 15-24 лет уровень безработицы в сентябре 2014 г. составил 13,6%, в том числе, среди городского населения – 12,6%, среди сельского населения – 16,4% [5]. Увеличение уровня безработицы (по данным на октябрь 2015 г.) наблюдалось в возрастной группе 15-19 лет (30,3%) и 20-24 лет (15,3%), и составил 25,6% (в том числе, в возрасте 15-19 лет – 4,1% и 20-24 лет – 21,4%) [5] (рис.1). По федеральным округам самый низкий уровень безработицы отмечается в Центральном федеральном округе, самый высокий – в Северо-Кавказском (рис.2).

Несмотря на задекларированное «право на защиту от безработицы» (ст. 37 п.3 Конституции РФ) и снижение ее уровня в последние годы, это не гарантирует положительных изменений на рынке труда вообще, и в ее молодежном сегменте, в частности. Притом, что в России практически во всех отраслях экономики и регионах наблюдается дефицит трудовых ресурсов, который трудовая миграция не ком-

пенсирует. Причинами этого, на наш взгляд, является: снижение роста экономики в России (в 2011 г. ВВП вырос на 4,3%, в 2013 году на 1,3%, а в 2014 на 0,6% [5]); дополнительно ухудшение социально-экономической ситуации связано с введением санкции со стороны США и Западной Европы (в первом полугодии 2014 г. темп прироста ВВП снизился до 0,8% [5]); рост цен, сохраняющаяся инфляция (в 2013 году – 6,45%, в 2014 году – 11,36%, за 9 месяцев 2015 года – 10,39% [5]). Поэтому государственные ведомства не могут рассчитывать даже на минимальный экономический рост. А это может привести к росту уровня безработицы.

Непростая ситуация сложилась и с предприятиями в моногородах. Именно поэтому градообразующие предприятия взяты сейчас под контроль федеральными властями, так как они являются потенциальным источником массовых увольнений работников.

Помимо этого, на безработицу в молодежной среде влияют и внутренние причины. Од-

Рис. 1. Уровень безработицы по возрастным группам и виду поселения (в октябре 2015 г.) [5].

Рис.2. Уровень безработицы по федеральным округам [5].

ной из основных проблем молодежи является отсутствие на рынке труда в достаточном количестве тех профессий, которым молодые люди обучались в стенах учебных заведений. Оторванность системы образования от реалий жизни приводит к тому, что они не могут трудоустроиться согласно полученной специальности. Поэтому на рынке труда России сохраняется тенденция нетрудоустроенности среди выпускников начальных, средних и высших учебных заведений. В качестве примера приведем данные экономической активности выпускников 2013 года (см. таблицу).

Согласно данным таблицы, на рынке труда России сохраняется тенденция невостребованности на внутреннем рынке труда молодых специалистов, получивших среднее и начальное профессиональное образование. Уровень безработицы среди них остается довольно вы-

соким: 15,1% и 17,7%, соответственно. Как следствие происходит, во-первых, отток молодежи, как во внутренний рынок, так и во внешний. Во-вторых, перелив рабочей силы в разные сектора экономики: из государственного в негосударственный сектор; из деятельности, требующей высокой квалификации, в деятельность, менее квалифицированную. Молодые дипломированные специалисты, оказавшись не удел, вынуждены получать другую более востребованную на рынке труда профессию и т.д. При этом утрачивая время и средства, а экономика – значительную долю экономически активного населения в наиболее продуктивном возрасте.

Ситуация с трудоустройством городской и сельской молодежи также различается, т.к. в крупных, средних и небольших городах работу найти проще, чем в селе. Положительную роль

Таблица

Экономическая активность выпускников в 2013 г., тыс. чел. [5]

	Всего, тыс. человек	из него		Уровень экономической активности, %	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %
		занятые в экономике	безработные			
Экономически активное население – всего	1972	1722	250	86,4	75,4	12,7
в том числе по уровню образования:						
высшее проф. образование	1284	1143	141	88,6	78,8	11,0
среднее проф. образование	475	403	72	83,1	70,6	15,1
начальное проф. образование	213	175	38	81,2	66,8	17,7
Городское население - всего	1564	1374	190	87,0	76,5	12,2
в том числе по уровню образования:						
высшее проф. образование	1076	962	115	89,0	79,5	10,7
среднее проф. образование	346	294	52	83,7	71,1	15,1
начальное проф. образование	141	118	23	81,4	68,1	16,4
Сельское население – всего	408	348	60	83,8	71,5	14,7
в том числе по уровню образования:						
высшее проф. образование	208	182	26	86,3	75,5	12,5
среднее проф. образование	128	109	19	81,7	69,4	15,1
начальное проф. образование	72	57	15	80,8	64,4	20,2

в этом играют федеральные и региональные программы содействия занятости молодежи, а также государственные услуги, оказываемые органами занятости на местах.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что, выходя на рынок труда, молодежь сталкивается с проблемами, которые сама не в состоянии решить т.к. их разрешение лежит в иной плоскости и зависит от той молодежной политики, которая проводится на государственном, федеральном, региональном и местном уровнях. Каждое государство формирует свой рынок труда с учетом специфики и собственной экономики, поэтому одни страны ориентированы на внешний рынок труда, другие – на внутренний.

Проведенный нами контент-анализ позволил выделить следующие перспективные направления, обеспечивающие повышение устойчивости положения молодежи и ее развитие (рис.3).

В процессе исследования были выделены следующие два направления повышения

устойчивости положения молодежи и ее развития: содействие общеобразовательной и профессиональной подготовке молодежи к труду (соответствует 1, 2) и содействие трудовой занятости молодежи (соответствует 3-7). Согласно анализу, наиболее перспективными направлениями государственной поддержки являются: поддержка предприятий и организаций, создающих новые рабочие места для молодежи; формирование постоянных рабочих мест; создание инфраструктуры учреждений и предприятий для содействия занятости молодежи.

Таким образом, Россия, как государство, целевые ориентиры которой направлены на формирование качественно нового образа, включающего высокие стандарты благосостояния человека, социальное благополучие и т.д., при разработке молодежной политики должна также учитывать:

– существующий разрыв потребности рынка труда с образовательным сегментом в подготовке молодых специалистов;

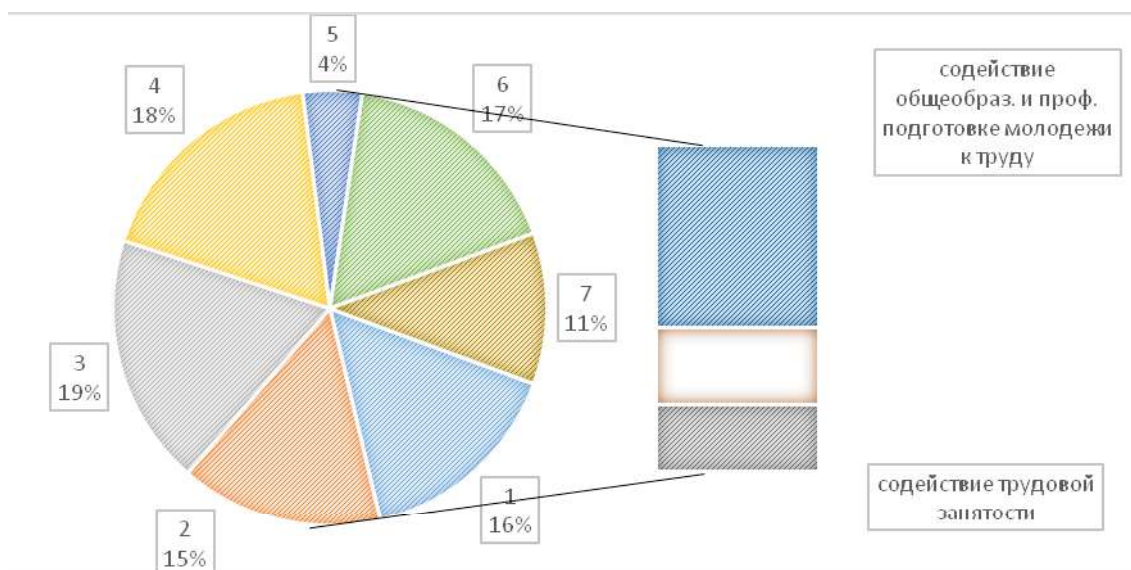

Рис.3. Перспективные направления,

обеспечивающие повышение устойчивости положения молодежи и ее развитие */**

* исследовано и обобщено автором;

** 1 – оказание посильной помощи учебным заведениям в воспитании и социализации учащихся и студентов, реализации их интересов;

2 – развитие самодетельности и инициативы учащихся и студентов, государственная поддержка их общественных объединений;

3 – поддержка предприятий и организаций, создающих новые рабочие места для молодежи;

4 – формирование постоянных рабочих мест;

5 – создание возможностей для организации вторичной занятости подростков и молодежи;

6 – создание инфраструктуры учреждений и предприятий для содействия занятости молодежи;

7 – поддержка молодежного предпринимательства на всех уровнях.

– неустойчивость спроса и предложения, которые обусловлены изменчивостью ориентации молодежи, ее социально-профессиональной неопределенностью;

– низкую конкурентоспособность молодежи по сравнению с другими возрастными группами.

Подготовка специалистов в рамках сложившейся системы профессионального образо-

вания, как высшего и среднетехнического, не соответствует требованиям работодателей ни по содержанию, ни по численности обученных по профессиям, ни по изменяющимся требованиям к профессиям. Необходимо увеличить и возможность регионов по профессиональному обучению и переобучению молодежи, согласно региональным особенностям.

Список литературы

1. Белоножко, М.Л., Ткачева, Н.А. Миграционная политика и безопасность личности, общества и государства (монография). – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного нефтегазового университета, 2013. – 236 с.

2. Колесник, Е.А. Социально-демографические аспекты функционирования и развития рынка труда России // Энергосбережение и инновационные технологии в топливно-энергетическом комплексе: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых и специалистов. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – С. 252-256.

3. Колесник, Е.А. Зайнятість та безробіття як соціально-економічна характеристика ринку праці: регіональний аспект/ Е.А. Колесник, М.П. Попов // Вісник Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля. – 2013, № 9 (198). – Частина 2. – С. 84-88.

4. «Стратегия государственной молодежной политики в РФ до 2016 года» № 1760-р от 18 декабря 2006г [Электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.newurengoy.ru/2016.html>.

5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.gks.ru>.

Сведения об авторе

Колесник Елена Андреевна, к.э.н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Института менеджмента и бизнеса Тюменского государственного нефтегазового университета.

eakolesnik-10@mail.ru.

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 131–136.*

PROBLEMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF YOUTH LABOUR MARKET IN RUSSIA: INSTITUTIONAL ASPECT

E. A. Kolesnik

Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Marketing and Municipal Management of Tyumen State Oil and Gas University, eakolesnik-10@mail.ru

The article presents the structure of the youth labour market and its relationship with institutions. It is highlighted the role of state and non-state institutions in the development of the youth segment of the labor market. In the article are identified the key challenges of youth employment, highlighted the main directions of employment policy in the formation and development of this segment of the labour market.

Keywords: the labour market, the institutional structure of the labour market, youth employment, employment policy, unemployment.

References

1. Belonozhko, M.L., Tkacheva, N.A. Miqrazhionnaja politika i bezopasnost lichnosti, obshestva i gosudarstva (monografija). – Tumen': Izd-vo Tumenskogo gosudarstvennogo nefteqazovogo universiteta, 2013. – 236 p. (In Russ.)
2. Kolesnik, E.A. Sozhialno-demograficheskie asspekti funkzhionirovanij i razvitij rinka truda Rossii // Energoberezhenie i innovazionnie teshnologii v toplivno-energeticheskom komplekse: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferenzhii studentov, aspirantov, molodish uchenish i spezhialistov. – Tumen': TšumQNQU, 2014. – P. 252-256. (In Russ.)
3. Kolesnik, E.A. Zanatost' i bezrobotizca kak sozhialno-ekonomicheskaja sharakteristika rinka truda: regionalnij aspekt / E.A. Kolesnik, M.P. Popov // Vestnik Ukrainского nazhional'noqo universiteta imeni Vladimira Dalja. – 2013, № 9 (198). – Ch. 2. – P. 84-88. (In Ukr.)
4. «Strateqij gosudarstvennoj molodiezhnoj politiki v RF do 2016 qoda» № 1760-p ot 18 dekabry 2006 q. UN [online] // Available at: - <http://www.newurengoy.ru/2016.html>.
5. Federalnaja sluzhba gosudarstvennoj statistiki UN [online] // Available at: - <http://www.gks.ru>.

Статья публикуется впервые, согласна на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

Ю. О. Баикина

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ЯНАО

В настоящее время отношение к молодежи является важным фактором для государства и общества. Оно вбирает в себя освоение новыми поколениями достигнутого уровня общественно-го развития общества, а, следовательно, важно знать, как молодежь воспринимает современные трансформационные общественные процессы, как оценивает свое место в социуме и в какой степени молодежь может способствовать процессу стабилизации развития государства.

Ключевые слова: государство; регион; молодежь; молодежная политика; социум; воспитание.

В новой социально-политической, нравственной и информационной ситуации в России происходят динамичные и глубокие изменения социальных характеристик молодого поколения. В сложившихся условиях эффективная государственная молодежная политика является не только фактором социально-экономической стабильности региона, но и гарантом безопасности государства. Углубление самостоятельности региона и развитие системы органов самоуправления на местах предопределяет содержание региональной молодежной политики. Проблемы повышения эффективности, поиска и внедрения современных форм, методов и технологий реализации региональной молодежной политики являются актуальными и требуют теоретического научного и практического анализа молодежной проблематики.

Молодежная политика – это постоянно развивающееся динамичное явление, находящееся в прямой зависимости от состояния общества, государства и происходящих в них процессов. Считаем необходимым подчеркнуть, что в России молодежная политика выделилась в самостоятельную сферу государственной деятельности относительно недавно. Термин «молодежная политика» вошел в отечественную юридическую систему с принятием Закона «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР». Данное понятие стало все чаще упоминаться в общественно-политической и научной литературе, а в настоящее время имеет различные толкования.

По мнению В.Т. Лисовского, «существует три основных понимания термина «молодежная политика»: во-первых, это очень широкая многофункциональная политика, включающая

большой перечень мер, которые затрагивают прямо или косвенно молодое поколение с момента рождения и до 29 лет. Во-вторых, под «молодежной политикой» подразумевается деятельность специализированных центральных и муниципальных учреждений, комитетов, комиссий по делам молодежи. В-третьих, термин «молодежная политика» охватывает только политику в сфере свободного времени и образования молодежи» [7]. Как утверждает И.М. Ильинский, под «государственной молодежной политикой понимается внутренняя политика государства с точки зрения интересов всего общества и самой молодежи; как часть социальной политики в её человеческом, гуманитарном измерении, которая замыкается на молодежи» [1].

Общепризнано, что молодежная политика – целенаправленная деятельность государства, политических партий, общественно-политических организаций и движений, имеющая целью воздействовать на социальное развитие молодежи, а тем самым на будущее состояние общества [4]. При этом государство должно активно действовать в отношении молодежи, вести постоянный контроль, осуществлять планомерную деятельность для решения ее насущных проблем, так как сама она порой неспособна их разрешить. Это можно подтвердить высказыванием К.Г. Барбаковой и В.А. Мансурова, что государство играет ключевую роль в успехах общества и каждой личности. Эффективность действий субъектов государственной власти определяется их взаимодействием с общественными организациями, с рыночными механизмами, с постоянно действующим диалогом с населением всей страны. Следовательно, государственная молодежная политика в со-

временных условиях должна представлять собой исключительно механизм управления процессами социализации молодежи в интересах государства.

Рассмотрение законопроекта «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» [2] вызвано необходимостью создания унифицированного подхода к осуществлению молодежной политики в целом в Российской Федерации, субъектах Российской Федерации и формулированию основных перспектив развития, признанных на государственном и региональном уровне. Целью государственной молодежной политики в ЯНАО является создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи в интересах инновационного развития региона. На реализацию целей государственной молодежной политики направлен целый комплекс мероприятий органов власти. Исполнительным органом государственной власти, осуществляющим реализацию полномочий в сфере молодежной политики, является департамент молодежной политики и туризма Ямало-Ненецкого автономного округа.

Инфраструктурное обеспечение региональной молодежной политики представлено 34 учреждениями различного организационно-правового статуса, на базе которых действуют кружки, секции, детские и молодежные объединения. Основными направлениями региональной молодежной политики являются:

- вовлечение молодежи в социальную практику посредством активизации деятельности молодежных трудовых отрядов, детских и молодежных общественных объединений (ГАУ ЯНАО «Молодежный центр технологий занятости», ГБУ ЯНАО «Окружной Молодежный Центр»);

- формирование ценностных ориентиров молодежи через реализацию мероприятий по духовно-нравственному, гражданско-патриотическому воспитанию, внедрение принципов здорового образа жизни в молодежной среде (ГБУ ЯНАО «Региональный центр патриотического воспитания»);

- развитие творческого потенциала молодежи, позитивных форм организации молодежного досуга, развитие системы лидерских школ и проектов для активной молодежи (ГБУ ЯНАО «Окружной Молодежный Центр»);

- обеспечение эффективной социализации молодежи, находящейся в трудной жизненной ситуации (ГБУ ЯНАО «Окружной Молодеж-

ный Центр», ГБУ ЯНАО «Региональный центр патриотического воспитания»);

- организация отдыха и оздоровления детей и молодежи автономного округа (ГБУ ЯНАО «Окружной Молодежный Центр»);

- поддержка и развитие внутреннего, въездного и социального туризма в автономном округе (ГБУ ЯНАО «Ямалтур»).

Указанные направления составляют содержательную часть окружной программы «Развитие туризма, повышение эффективности реализации молодежной политики, организация отдыха и оздоровления детей и молодежи (2014-2020гг.)». Одновременно регулирование вопросов в области молодежной политики происходит в рамках долгосрочных окружных целевых программ «Молодежь Ямала» (2011-2014гг.), «Дети Ямала» (2011-2014гг.) [5], «Организация отдыха и оздоровления детей и учащейся молодежи в ЯНАО (2012-2014гг.)». Благодаря этим программным документам в автономном округе выстроена система взаимодействия основных субъектов реализации государственной молодежной политики и расширена деятельность по 15 направлениям.

Реализацией подпрограммы «Развитие системы гражданского и военно-патриотического воспитания молодежи Ямала» обеспечена действенная поддержка военно-патриотическому движению в автономном округе, получили развитие военно-прикладные виды спорта. Патриотическое воспитание – приоритетное направление государственной молодежной политики в ЯНАО, позволяющее сохранять и развивать особый дух культуры, формировать у детей и молодежи верность своей земле, Отечеству. С каждым годом увеличивается количество объединений военно-патриотической направленности, а, соответственно и количество их участников. Яркими примерами могут служить мероприятия: «Стена Памяти», «Мы помним», «Я – гражданин России», фестивали «Димитриевская суббота» и «Огненные версты», акция «Достижения молодых во славу Победы». По итогам участия во Всероссийском конкурсе молодежных проектов, организованных Росмолодежью, 15 проектов ЯНАО стали победителями, 8 из которых в номинации «Патриотизм». Важнейшим направлением является подготовка молодежи к службе в армии. В рамках соглашения с Курганским пограничным институтом ФСБ регулярно проводится окружной оборонно-спортивный оздоровительный лагерь «Патриот Ямала». Первона-

чальную подготовку в ней прошло 3700 юнармейцев. Кроме того, в летний период в округе для допризывной молодёжи организованы обзорно-спортивный лагерь-экспедиция «Крылатая пехота» на базе гвардейского артиллерийского полка десантно-штурмовой дивизии в г. Анапе Краснодарского края, окружной лагерь – экспедиция «Эдельвейс» в Краснодарском крае и сборы по туристическому многоборью «Роза ветров» в г. Ноябрьске на базе Центра патриотического воспитания. Практика организации данных лагерей позволяет молодым людям получить начальную военную подготовку, укрепить морально и физически, достойно подготовиться к прохождению службы в рядах Вооружённых Сил Российской Федерации. Специфика округа заключается в том, что на Ямале не дислоцируются воинские части и подразделения, на базе которых можно было бы осуществлять целый комплекс военно-патриотической работы с молодёжью.

В результате реализации подпрограммы «Содействие самореализации молодежи в общественной жизни» оказывается существенная поддержка развитию молодежного движения в автономном округе. Благодаря этим программным мероприятиям в 8 муниципальных образованиях автономного округа созданы молодежные отделения региональной общественной организации «Ямал – потомкам!». Следует отметить положительную динамику роста численности членов детских и молодежных общественных объединений примерно на 4,2%. Одним из значимых событий молодежной политики автономного округа стал ежегодно проводимый Форум молодежи Ямала «Молодёжь и власть», организованный с целью вовлечения молодых людей в процессы развития гражданского общества. Он объединил более 200 молодых людей из всех муниципальных образований региона. Положительным примером позиционирования деятельности общественной организации является формирование Молодежного правительства автономного округа, действующего под прямым руководством Губернатора ЯНАО. Становление и активная работа Молодежных советов при главах муниципальных образований помогают воплотить в жизнь многие молодежные инициативы. В настоящее время в 6 муниципальных образованиях автономного округа (гг. Ноябрьск, Новый Уренгой, Губкинский, Лабытнанги, Приуральский и Тазовский районы) работают молодежные приёмы.

Комплексный подход в развитии физической культуры и спорта в ЯНАО способствует повышению уровня здоровья населения региона. Сегодня на территории развивается 86 видов спорта, физической культурой и спортом систематически занимаются 150,6 тыс. молодых человек (28,4% населения автономного округа). Сборные команды ЯНАО (6610 человек) приняли участие в 496 спортивных мероприятиях всероссийского и международного уровня, из них 118 зонального уровня, 303 всероссийского, 75 международного уровня. В ЯНАО 897 спортивных объектов, в том числе 388 спортивных зала, 1 ледовый дворец, 4 крытых спортивных сооружения с искусственным льдом, 32 плавательных бассейна, 184 плоскостных сооружения, 30 лыжных баз [6].

Реализация мероприятий окружной долгосрочной целевой программы «Молодёжь Ямала» по развитию КВН – движения и дополнительного финансирования данного направления из окружного бюджета позволили обеспечить представительство команд автономного округа в официальных лигах международного союза КВН.

В округе успешно реализуется окружная долгосрочная программа «Организация отдыха и оздоровления детей и молодежи (2013–2016 годы)». С начала ее реализации отдохнули 22 882 чел., из них детей, находящихся в трудной жизненной ситуации – 3707. Ямальская молодежь отдохнула в оздоровительных лагерях и санаторно-курортных учреждениях Краснодарского края, юга Тюменской области, в регионах средней полосы России и за рубежом: Болгарии, Италии и Черногории.

В округе стабильно растет количество молодых семей. С целью повышения статуса семьи в обществе, формирования у молодых семей социально-активной позиции в ЯНАО традиционно проводятся конкурсы фотоколлажей «Семейное обозрение» (г. Лабытнанги), «Когда семья вместе, сердце на месте» (г. Губкинский), «Клуб молодых семей ЯНАО» (г. Ноябрьск), «Молодая семья – 2013» (г. Салехард). Таким образом, многолетний опыт реализации молодежной политики в автономном округе свидетельствует о том, что эффективным механизмом решения проблем в молодежной сфере является программно-целевой подход, позволяющий комплексно осуществлять необходимые мероприятия и наиболее рационально и адресно использовать финансовые, кадровые и организационные ресурсы.

Список литературы

1. Ильинский, И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория: / И.М. Ильинский. – М.: Голос, 2008. – 696 с.
2. Законопроект Федеральный Закон Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации 2014г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: bestpravo.ru/rossijskoje/di-zakony/10b.htm.
3. Закон ЯНАО «О молодежной политике в Ямало-Ненецком автономном округе» от 25 сентября 2009 года № 70-ЗАО.
4. Концепция государственной молодежной политики Российской Федерации // Проблемы развития человеческого потенциала в деятельности Совета Федерации (наука, образование, культура) / Аналитический вестник Совета Федерации – ФС РФ, № 10 (141) – 2001.
5. Окружная долгосрочная целевая программа «Дети Ямала» на 2011 – 2016 годы».
6. Панфилова Е. А., Осипова Л.Б. Молодежная политика как фактор социального развития молодежи / Е.А. Панфилова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014, №5. – С.24-29.
7. Социология молодежи: Учебник / Под ред. В.Т. Лисовского. – М., 1996. – С.411-412.

Сведения об авторе

Баикина Юлия Олеговна, кандидат социологических наук, доцент кафедры Маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета.
lev1025@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 137–140.*

TRENDS OF REGIONAL YOUTH POLICY YaNAO

Julia O. Baikina

Candidate of Sociology, Associate Professor of Marketing and the municipal government of the Tyumen State Oil and Gas University, lev1025@yandex.ru.

Currently, treatment of young people is an important factor for the state and society. It incorporates the development of new generations reached level of social development of society, and therefore, it is important to know how young people perceive the modern social transformation processes as estimates his place in society and the extent to which young people can contribute to the stabilization of the state.

Keywords: state; region; youth; youth policy; society; education.

References

1. Ilyinsky, I.M. Youth and youth policy. Philosophy. History. The theory / IM Ilyinsky. – М.: Voice, 2008. – 696 p.
2. The draft Federal Law On State Youth Policy of the Russian Federation in 2014. [Electronic resource] – Access to the res-bestpravo.ru > rossijskoje / di-zakony / 10b.htm.
3. Law YaNAO “Youth Policy in the Yamalo-Nenets Autonomous District” dated September 25, 2009 № 70 JSC.
4. The concept of State Youth Policy of the Russian Federation // Problems of development of human potential in the activities of the Federation Council (science, education, culture) / Analytical Bulletin of the Federation Council, № 10 (141) – 2001.
5. The district long-term target program “Children of Yamal» for 2011 – 2016 years”.
6. Panfilova E.A., Osipova L.B. Youth policy as a factor in the social development of young people [Text] / E.A. Panfilov // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. – 2014. – № 5. – S.24-29.
7. Sociology of Youth: A Textbook / Ed. VT Lisowski. – М., 1996. – S. 411-412.

Статья публикуется впервые, согласна на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 659.1
ББК 88.5

Л. В. Ребышева, Л. Б. Осипова, Ю. П. Савицкая

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Трансформация российского общества затронула все сферы жизнедеятельности людей. Предстоящие задачи по модернизации общества требуют реалистического осмысления его основных тенденций. Молодое поколение, живущее в современных условиях, выросло в сложной обстановке разрушения стереотипов поведения, стремительной и не всегда гладко проходившей социально-экономической и общественной трансформации. Поэтому для сегодняшней России вопросы о том, что представляет собой современная молодежь, каков ее потенциал, особенно актуальны.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, молодежь, студенчество, молодежные организации, досуг.

В настоящее время ситуация в сфере развития молодого поколения неоднозначна. С одной стороны, современную молодежь отличает рост самостоятельности, практичности и мобильности, ответственности за свою судьбу, резкое повышение заинтересованности в получении качественного образования и профессиональной подготовки, влияющей на дальнейшее трудоустройство и карьеру. С другой стороны, молодым людям присущ низкий уровень интереса и участия в событиях политической, экономической и культурной жизни. В последнее время наблюдается процесс криминализации в молодежной среде.

Учитывая вышесказанное, Р. Т. Насибуллин и Ф. Г. Хайруллин отмечали, что «любое общество цементируется на базе общепринятых ценностных ориентиров, переходящих из поколения в поколение по всем сферам общественной жизни, в том числе, по формам устройства государства и экономической системы, духовной культуры и социальной системы» [2]. Они утверждали, что это способствует активному формированию идеи гражданственности, являющейся стрержнем социальной самоидентификации человека, определения его принадлежности к определенной системе ценностей, осознания своего «Я» [4].

Очень важно уяснить, в какой степени культура определяет ценности общества, обуславливает его уровень развития и содержание. Исторический характер ценностей раскрывается в работах многих авторов, в частности, Б.А. Грушина, Н.И. Лапина, Ф.Т. Михайлова. Так, Лапин Н.И. писал: «система ценностей об-

разует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов индивидов и социальных общностей. Она, в свою очередь, оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступая важнейшим мотивом социального действия и поведения индивидов» [1. С. 98-104]. Следовательно, в современных условиях по-новому формируются общественные отношения, а значит, меняется и структура самого общества, что не может не оказать влияние на жизненные приоритеты молодежи и их поведенческие установки.

В современных условиях особую значимость приобретает необходимость детального и всестороннего изучения структуры и динамики системы ценностных ориентаций личности, характер которых служит своеобразным индикатором его социального развития. Изучение ценностного самосознания молодежи позволяет не только определить степень сформированности базовых ценностей личности, но и направление осуществления социокультурной модернизации традиционных ценностей. По мнению Ж.Т. Тощенко, анализируя ценностные ориентации в структуре общественного сознания, моральные и поведенческие установки человека, можно получить достаточно точное представление о степени развитости культуры, индивида и общества.

Любая цивилизация характеризуется наличием традиционных ценностей, ориентированных на установление норм жизни и воспроизводство современных ценностей, возникающих под влиянием изменений в обществен-

ной жизни [6]. Следует учесть, что структура ценностного сознания молодежи, являющаяся составной частью общественного сознания, достаточно сложна, а ее отдельные элементы способствуют как ускорению общественных процессов, так и стабилизации состояний общества. В связи с этим авторами предпринята попытка детально изучить систему ценностных ориентаций студенческой молодежи.

Известно, что студенчество представляет собой социально-демографическую группу с определенным общественным положением, ролью и статусом, которая характеризуется общностью интересов и образом жизни [4]. Методом исследования избрано анкетирование. Опросу подлежали студенты Тюменского государственного нефтегазового университета в количестве 130 человек.

В ходе исследования треть респондентов отметили, что переход к рыночным отношениям восприняли как объективную социальную реальность, указав при этом на успешную адаптивность и приспособленность к происходящим переменам. Причем половина опрошенных выразила уверенность, что получаемая ими профессия в будущем может способствовать раскрытию их индивидуальных способностей, предоставит возможность зарабатывать без ограничений, так считают 22,3% респондентов, 11,0% опрошенных думают, что смогут в полной степени удовлетворить свои потребности. Лишь 10,0% респондентов усомнились в возможности раскрытия своих способностей в профессиональной сфере.

Существует множество проблем, которые особенно волнуют молодое поколение и через которые часто дается оценка их ценностных ориентаций. Так, инфляция и рост цен вызывает тревогу у 33,5% респондентов; 21,0% обеспокоены экологическими проблемами; разрушение отечественной культуры волнует 18,5%; социальное расслоение общества – 18,2%; рост преступности – 27,4%; состояние социальной сферы – 23,5%.

Исследуя потребности, желания и надежды молодежи, целесообразно подчеркнуть, что в ее ориентациях наблюдаются прагматические настроения, устремленность в сферу профессиональной деятельности, позволяющая повысить социальный статус, а для некоторой части молодежи, к сожалению, просто выжить. На основании результатов опроса респондентов можно сделать вывод о необходимости проведения целенаправленной работы по созданию среды для самореализации молодежи.

На вопрос: «С каким чувством вы смотрите в будущее?» респонденты ответили следующим образом: с чувством надежды и оптимизмом – 35,4%; не ждут особых перемен для себя – 18%; с тревогой и неуверенностью – 11%; со страхом – 3%, другие ответы – 6%. Несмотря на весьма значительные трудности, с которыми сталкиваются молодые люди, треть респондентов сохраняет оптимизм и веру в то, что в будущем предвидятся положительные изменения в социально-экономической и общественной жизни.

На вопрос: «Какие личностные качества, по Вашему мнению, наиболее важные?» результаты оказались следующими (рис. 1):

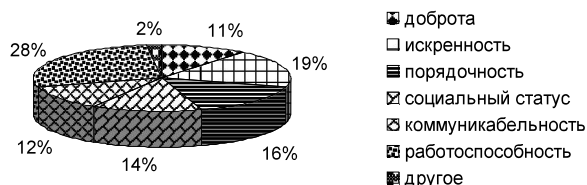

Рис. 1. Мнения респондентов о важности личностных характеристик человека (%).

Современная общественная ситуация часто усложняет процесс социализации молодежи, определение жизненных траекторий, формирование моральных установок. Порой это проявляется в неспособности молодых людей понять многогранность и неординарность происходящих социальных процессов. Важным

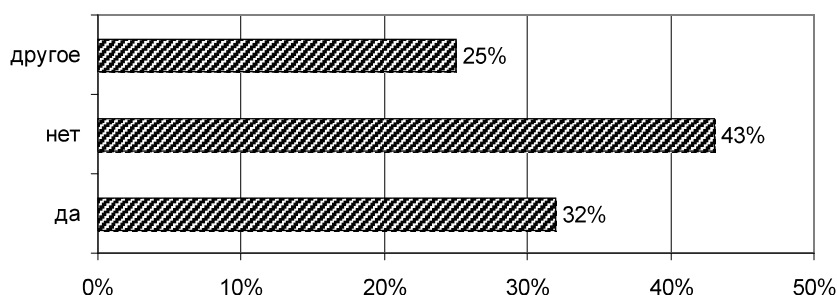

Рис. 2. Участие респондентов в деятельности молодежных организаций (%).

элементом может стать создание молодежных организаций, и активное участие молодежи в их деятельности.

Опрос показал, что сегодня властные структуры уделяют пристальное внимание проблеме творческой самореализации молодежи, привлечению к продуктивной деятельности.

Отношение к молодежной общественной организации студенты выразили следующим образом: 32,2% респондентов хотели бы состоять в организациях по интересам, 25,2% – в организациях сверстников-единомышленников, в спортивных – 23,1%, военно-патриотических – 15,0%, религиозных – 1,6%, затруднились с ответом – 3%. По мнению авторов, формирование системы ценностных ориентаций возможно только при использовании программно-целевого подхода к воспитанию молодежи.

Возникает вопрос, на какие ценности и жизненные приоритеты сориентирована современная молодежь? К сожалению, выбор осложняется многими обстоятельствами, в том числе неподготовленностью частью молодых людей к самостоятельному выбору, инерцией мышления, многообразием существующих в обществе ценностей. В результате формируются молодые люди с неустойчивыми, постоянно меняющимися ценностными ориентациями. Это, в свою очередь, мешает молодежи активно участвовать в социальных переменных.

Задача жизнеспособной личности – стать индивидуальностью, сформировать свои смысл-жизненные установки, самоутвердиться, реализовать свои задатки и творческие возможности. На вопрос «Чего бы Вы больше всего хотели добиться в жизни?», ответы распределились следующим образом (3 варианта ответов):

Таблица

№	Жизненные приоритеты	%
1	Получение качественного образования	63
2	Создание семьи	45
3	Достижение карьеры	37
4	Поиск смысла жизни	32
5	Материальное благополучие	41
6	Власть	15
7	Возможность проявления таланта и способностей	21
8	Независимость положения	47
9	Наличие авторитета	48
10	Приносить пользу людям	38

Данные, представленные в таблице, подтверждают, что в сознании молодежи преобладает желание сделать карьеру (37%). На половину снижено стремление к власти – 15,0%. Наличие авторитета является приоритетным у половины респондентов (48%). Высокие места в рейтинге желаний заняли позиции: получение качественного образования (63%) и тем самым стать квалифицированным специалистом, наличие семейного счастья (45%) и одновременно добиться независимого положения (47%). Материальное благополучие выступает ведущим мотивом в самореализации молодежи, поскольку предоставляет возможность стать хозяином своей жизни, успешно реализовать свои способности.

Таким образом, трансформация ценностных установок молодежи показывает, что в молодежной среде взят курс на утверждение прагматических настроений, способствующих достижению личного успеха. Многие молодые люди под успехом рассматривают получение достойного образования, достижение материального благополучия и карьеры, обретения высокого социального статуса.

Список литературы

1. Лисовский, В.Т. Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи). / В.Т. Лисовский // Социологические исследования. – 1998, № 5. – С. 98-104.
2. Молодежь Югры: вчера, сегодня, завтра. Материалы научно-практической конференции. – Ханты – Мансийск, 1999. – 266 с.
3. Осипова, Л.Б. Ценностные ориентации школьников старшего подросткового возраста. Монография / Л.Б. Осипова. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – 175 с.
4. Социологический энциклопедический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. – М., 1998. – 225 с.
5. Толмачева, С.В., Осипова, Л.Б. Динамика формирования ценностных ориентаций молодежи г. Тюмени / С.В. Толмачева, Л.Б. Осипова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014, № 2 (29). – С. 174-179.

6. Тощенко, Ж.Т. Прогнозирование социальное: энциклопедия / Ж.Т. Тощенко. – М.: Мысль, 2003. – 864 с.

Сведения об авторах

Ребышева Лидия Васильевна, к.с.н., доцент кафедры МиМУ Тюменский государственный нефтегазовый университет.

rebisheva_lida@mail.ru.

Осипова Любовь Борисовна, к.с.н., доцент кафедры ГМУиП Тюменский государственный архитектурно-строительный университет.

lev1026@yandex.ru.

Савицкая Юлия Петровна, ассистент кафедры МиМУ Тюменский государственный нефтегазовый университет.

saviczka.y@mail.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 141–144.

PROBLEMS OF FORMATION OF VALUE ORIENTATIONS STUDENT'S YOUTH

L. V. Rebysheva

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Tyumen State Oil and Gas University, rebisheva_lida@mail.ru

L. B. Osipova

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Tyumen State Architectural University, lev1026@yandex.ru

J. P. Savitskaya

Assistant, Tyumen State Oil and Gas University, saviczka.y@mail.ru

The transformation of Russian society has affected all spheres of human activity. An upcoming challenge of the modernization of society requires a realistic understanding of its basic trends. Living in the present conditions younger generation, this has grown in a challenging environment fracture behaviors, impetuous and not always smooth held socio-economic and social transformation. Therefore, very important questions for Russia today are what are the modern youth, what is its potential.

Keywords: value, value orientation, youth, students, youth organizations, leisure.

References

1. Lisowski, V.T. Dynamics of Social Change (experience Comparative Social Research of the Russian youth). / VT Lisowski // Sociological researches. – 1998, № 5 – S.98-104.
2. Youth of Ugra: yesterday, today and tomorrow. Proceedings of the conference: Khanty - Mansiysk, 1999. – 266 s.
3. Osipova, L.B. Value orientations of students older adolescents. Monograph. / L.B. Osipova – Tyumen: TSOGU, 2011. – 175 s.
4. Sociological Encyclopedic Dictionary // Ed. G.V. Osipova. – M., 1998. – 225 p.
5. Tolmachev, S.V., Osipova, L.B. Dynamics of formation of valuable orientations of youth in Tyumen / S.V. Tolmachev, L.B. Osipova // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2014, № 2 (29). – S. 174-179.
6. Toshchenko, Z.T. Forecasting social: Encyclopedia / Z.T. Toshchenko. – Moscow: Thought, 2003. – 864 s.

Статья публикуется впервые, согласны на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

Б.С. Павлов, В.Н. Козлов, Л.П. Бердник

СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЁЖИ ГОРОДА И СЕЛА НА УРАЛЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В статье рассматриваются актуальные проблемы процесса социализации городской и сельской молодёжи на Урале в контексте социально-поселенческой ассимиляции. Авторы анализируют особенности городского и сельского образа жизни родительских семей, социально-экономические детерминанты взросления подростков, место и значение социального окружения в становлении поколенческой культуры и жизненного самоопределения молодых уральцев.

Ключевые слова: город, село, молодёжь, семья, социализация, труд, образование, социально-поселенческая ассимиляция, ценностные ориентации, образ жизни.

Постановка цели и задач воспитания жизнеспособного и самосохраняющего поколения – проблема, которая требует к себе пристального внимания не только родителей, но и специалистов в области экономики, экологии и валеологии, социальной психологии, социологии молодежи, экономической демографии. В условиях процесса урбанизации необходимо создавать такие социально-экономические и педагогические технологии демографической политики, которые были бы способны формировать жизнеспособное и жизнестойкое поколение молодых россиян [1].

Одним из механизмов урбанизации общества является социально-поселенческая ассимиляция, предполагающая сближение образа жизни различных больших и малых социальных групп, проживающих в разных типах поселений. В широком смысле под понятием «ассимиляция» (от лат. *assimilatio* – уподобление, слияние, усвоение) понимается процесс, в ходе которого две или более группы, ранее различавшиеся внутренней организацией, ценностными ориентациями, культурой, создают новую общность, в которой происходит смена групповой самоидентификации, утрачивается ощущение своей самобытности, специфичности.

Наиболее рельефно имеющиеся социально-поселенческие различия в России отражены в понятии «село-город». Основные ассимиляционные изменения населения предопределяются, прежде всего, процессами, идущими в молодёжной части социума и проявляются в трансформации образа жизни поколений «отцов и детей».

В представленной статье нами использованы материалы ряда комплексных региональ-

ных исследований по проблемам жизнедеятельности сельских и городских семей на Урале, их роли в подготовке детей к вступлению во взрослую жизнь. Конкретно-социологические исследования проводились авторами в 2008-2013 гг. в Институте экономики УрО РАН на базе ряда городов и сельских поселений Урала.

В 2008 г. – в 7-ми городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено пять категорий респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел.; б) учащиеся средних и старших классов сельских школ – 540 чел. в) родители опрошенных учащихся городских школ – 770 чел. – «Молодёжь-1».

В 2009 г. – опрос 680 студентов старших курсов технических и гуманитарных факультетов УГТУ–УПИ о причастности молодых людей к религиозной культуре – «Молодёжь-2».

В феврале-марте 2013 гг. – был проведен социологический опрос 510 учащихся средних и старших классов 15 общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга и 300 учащихся 9 школ ЗАТО «Лесной» Свердловской области, связанный с анализом процессов социализации и подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни (юноши – 46%, девушки – 54%) – «Молодёжь-3».

Прежде всего, отметим, что особенности сельского образа жизни (в отличие от городского) связаны с особенностями труда и быта жителей: подчиненностью их жизнедеятельности ритмам и циклам года; более тяжелыми, чем в городе, условиями труда; малыми возможностями для профессионально-трудовой мобильности селян; большой слитностью тру-

да и быта, непреложностью и трудоемкостью труда в домашнем и подсобном хозяйствах. Так, работа на приусадебных участках, в саду и огороде на Урале занимает буквально полжизни селян (в среднем около 180 дней в году); набор занятий в свободное время сравнительно ограничен.

Нашим юным респондентам в ряде уральских городов и сёл «Молодёжь-1», а также в больших и малых городах (Екатеринбурге и Лесном – «Молодёжь-3») задавался вопрос: «Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять «самых-самых важных для Вас» – нами были получены следующие ответы – (табл. 1).

Наиболее предпочтительные жизненные ценности, к которым, по мнению молодых горожан и селян, может стремиться молодой человек (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в 2008 г. – опрос 900 городских и 570 сельских подростков; в 2013 г. – опрос 510 подростков г. Екатеринбурга и 300 подростков – ЗАТО «Лесной»).

Прежде всего, не может не удивлять практическая идентичность в распределении ответов у юных горожан и селян в опросе 2008 г. Разница по различным позициям в пределах статистической погрешности. Подобную схо-

жесть в ценностных ориентациях мы связываем, по преимуществу, с воздействием на молодёжь единого в городе и селе информационно-идеологического поля, создаваемого Интернетом телевидением, радио и другими СМИ. Пятилетний лаг, прошедший между опросами («Молодёжь-1» и «Молодёжь-3»), практически не изменил структуру ценностных ориентаций учащихся в сфере материального благосостояния, но несколько повысил претензии и ожидания молодых горожан в сфере духовной жизни («друзья», «досуг», «польза людям», «доброе имя») [2, 3].

Попробуем ответить на вопрос, в какой мере сегодня родительские семьи «зажигают в детях жажду серьёзного труда». Взрослая жизнь – это не только возрастной период, но и участие в труде, и выполнение семейных обязанностей. Однако без надлежащей подготовки к взрослой жизни, в том числе, семейной, даже в том случае, когда сформировавшиеся позиции или модели поведения молодежи не могут быть адаптированы к изменяющимся социальным условиям, период юности может стать временем утраченных возможностей и повышенного (с медицинской точки зрения) риска. Обратимся к результатам опроса «Молодёжь-1». Ответы на вопрос «Умеете ли Вы выполнять (более или менее «сносно») следу-

Таблица 1

Жизненные ценности, к которым следует стремиться	Группы учащихся			
	«Молодёжь-1»		«Молодёжь-3»	
	город	село	Екат-г	Лесной
Хорошая семья и дети	87	88	н.д.*	н.д.
Хорошие родители	н.д.	н.д.	57	62
Хорошее здоровье	68	70	72	78
Хорошие товарищи, верные друзья	66	54	81	77
Любимая работа, успешная деловая карьера	68	67	н.д.	н.д.
Возможность обучения в ВУЗе на любимую профессию	н.д.	н.д.	68	69
Возможность самому зарабатывать деньги для собственных нужд	н.д.	н.д.	61	51
Материальное благополучие, экономическая независимость, самостоятельность	58	46	52	47
Хорошие жилищные условия	42	46	40	49
Сознание того, что приносишь пользу людям	23	25	31	30
Содержательный, интересный досуг	27	20	47	44
Порядочность, совестливость, доброе имя	23	23	30	33
Чувство безопасности от насилия, воровства	н.д.	н.д.	29	29
Вера в Бога	н.д.	н.д.	21	13

* Вставка «н.д.» обозначает, что этот пункт вопроса не был включён в анкету соответствующего опроса.

ющие работы?» показали, что 47 % современных 16-17-летних сельских девушек (заметим, в недалёком будущем – жён, матерей) умеют «варить борщи, супы», 40 % – «стряпать пироги», 17% – заготавливать варенья, соленья? Да, скорее всего, хорошо для семей их родителей и для будущих их собственных семей. Но посмотрим на эти цифры с другой стороны. По самооценкам наших молодых респондентов-селянок, к 10-11-у классу 53 % от общего числа опрошенных – «не научились» варить борщ, 60 % – стряпать пироги и 83 % не умеют заготавливать варенья, соленья. Заметим, что речь шла не о городских девушках, максимально «приближенных» к услугам общепита, а о селянках, «приближенных к земле», к натуральному хозяйствованию.

Как показал опрос «Молодёжь-3», «не перерабатывают» особо в домашнем хозяйстве и городские подростки на Урале. На вопрос анкеты «Какую работу по дому и саду ты выполняешь регулярно (более или менее постоянно)?» ответы учащихся школ двух уральских городов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных по каждому городу; в числителе – ответы респондентов из г. Екатеринбурга 510 чел., в знаменателе – из ЗАТО «Лесной» – 300 чел.):

а) выполнение работ в квартире

- убираю пыль пылесосом	- 67 / 64
- мою, чищу посуду	- 65 / 66
- регулярно хожу в магазин за продуктами	- 49 / 51
- делаю влажную уборку, мою полы	- 46 / 46
- готовлю еду (суп, второе блюдо)	- 32 / 32
- глажу бельё	- 27 / 28

«Интеллектуализм» современного подростка, большой объем усвоенных им знаний нередко достигается ценою полного освобождения его от трудовых обязанностей в семье и в процессе школьной учебы. А между тем проблема трудового воспитания органически связана с формированием социальной зрелости подростка, далеко не синхронной с ускорением физического развития и насыщением информацией. И здесь на первое место выступает трудовое воспитание, способствующее формированию уважительного отношения к материальным ценностям, к труду, воспитанию чувства долга и ответственности перед собой и окружающими поколения [4].

Освоение сельской молодёжью «основ» девиантной субкультуры городских сверстников одна из значимых составляющих процесса социально-поселенческой ассимиляции населения [5]. Небезынтересным представляется выявление нравственно-этические позиций молодых людей в сфере асоциальных проявлений и как они отражаются в социализационном процессе. Известно, что в православии к числу восьми греховных страстей отнесены: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордыня. Грех для христиан – это не просто проступок или провинность, но и само желание не следовать заповеданному; а также нечто, противоречащее человеческой природе (ведь человек создан по образу и подобию Божию), порочность человеческого существа, проявление его падшей природы, которую он приобрёл при грехопадении.

Для того чтобы прояснить представления молодежи о грехе, в исследовании «Молодёжь-2» молодым людям задавался вопрос: «Какие из перечисленных поступков, действий, на Ваш взгляд, являются грехом?». Вот какие мы получили ответы (% от общего числа опрошенных в группе; в числителе – массив в целом – 680 чел.; в знаменателе – студенты, причисляющие себя к православию – 330 чел.):

а) «тяжкий грех»

- убийство	- 89 / 93
- самоубийство	- 80 / 84
- аборт	- 72 / 78
- проституция	- 64 / 72
- измена (жене / мужу)	- 61 / 66
- гомосексуализм	- 52 / 56
- употребление легких наркотиков	- 50 / 63

б) «грех средней тяжести»

- ложь в личных интересах	- 43 / 51
- пьянство	- 43 / 50
- употребление матерных слов	- 25 / 36
- развод в семье	- 25 / 34
- курение	- 25 / 33

в) практически «не грех»

- посещение стриптиз-бара	- 13 / 20
- половые отношения до вступления в брак для ДЕВУШКИ	- 13 / 19
- половые отношения до брака для ЮНОШИ	- 9 / 13
- сокрытие доходов от налоговой инспекции	- 12 / 14

В условиях интенсивных миграционных процессов «село-город», отношения крупных городов (в первую очередь, городов-миллионников), с одной стороны, и, с другой, мелких городов и сельских поселений, можно представить как патерналистские отношения «старших» с «младшими братьями» в развитии урбанистической культуры России [6]. А итоги этих отношений не радуют. За последние десятилетия с карты РФ исчезли десятки тысяч сёл, деревень, мелких городов. В «Красную книгу поселений» необходимо вносить ещё тысячи ранее процветавших, а ныне стагнирующих городов, рабочих посёлков, крупных поселений. Заметим, что процесс угасания одних поселений идёт, в подавляющем большинстве своём, на фоне стремительного роста и благоустройства незначительного числа крупных и круп-

нейших городов. Не составляют исключения здесь уральские города-миллионники.

Не вдаваясь подробно в обозначенную проблему (это особое исследование), выскажем своё предложение относительно составления и реализации стратегических планов развития таких «успешных» городов. Нарастивая свою красоту, фешенебельность, силу и инвестиционную привлекательность, они («старшие урбанистические братья») не должны забывать о глубинных корнях-источниках такого «всплеска» развития. Другими словами, речь идёт о воссоздании своеобразного института «урбанистического патернализма», т.е., заботы и непреложной ответственности больших городов за «социально-экономическое здоровье» и достойное выживание окружающих их селитебных территорий.

Список литературы

1. Павлов, Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала) / Институт экономики УрО РАН. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. – 575 с.
2. Павлов, Б.С., Бондарева, Л.Н. О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале // Аграрный вестник Урала. – 2013, № 12. – С. 90-94.
3. Козлов, В. Н. Молодежь как стратегический ресурс развития российского общества: Голицынские чтения // Сборник научных трудов – № 5 / Отв. ред. А.Ю. Даванков. – Челябинск: ЧелГУ, 2009. – С. 85-88.
4. Павлов, Б.С. Из школьного в рабочий класс. – М. Советская Россия. 1989. – 240 с.
5. Павлов, Б.С. Над опасным «социальным Придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. – 2013, № 2. – С. 69-80.
6. Берсенев, В.Л., Важенин, С.Г., Павлов, Б.С. Особые грани современной российской экономики и не только // Экономика региона. – 2011, № 1. – С. 264-267.

Сведения об авторах

Павлов Борис Сергеевич – ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН, доктор философских наук, профессор.
pavlov_boris@mail.ru.

Козлов Вадим Николаевич – профессор кафедры социальной работы и социологии ЧелГУ, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.
kozlovvn@list.ru.

Бердник Людмила Павловна – доцент кафедры социальной работы и социологии ЧелГУ, кандидат социологических наук.
sociology@csu.ru.

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).
Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 145–149.*

SOCIALIZATION OF YOUNG GENERATION IN TOWNS AND VILLAGES IN THE URALS: GENERAL AND SPECIAL

Boris S. Pavlov

Leading Research Officer, Institute of Economics of UB RAS, Doctor of Philosophy, Professor, pavlov_boris@mail.ru

Vadim N. Kozlov

Senior Research Officer, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of Social Work and Sociology Department, CSU, kozlovvn@list.ru

Ludmila P. Berdnik

Candidate of Sociology, Associate Professor of Social Work and Sociology Department, CSU, , sociology@csu.ru

The article discusses the current problems of the socialization process of urban and rural youth in the Urals in the context of socio - settlement assimilation. The authors analyze the characteristics of urban and rural lifestyles of parent families, the socio- economic determinants of maturing of teenagers, the place and importance of the social environment in the development of generational culture and life of self-determination of young Urals.

Keywords: City, village, youth, family, socialization, work, education, social and settlement assimilation, values and lifestyles.

References

1. Pavlov, B.S. Vosproizvodstvo chelovecheskogo kapitala v regione: teoreticheskie i metodicheskie aspekty socialno-ekonomicheskogo analiza (na primere Urala)/ Institut ekonomiki Uro RAN – Ekaterinburg: Institut ekonomiki Uro RAN 2014. -575 s.
2. Pavlov, B.S., Bondareva, L.N. O problemah vosproizvodstva selskogo naseleniya na Urale// Agrarnuy vestnyk Urala 2013 № 12. S. 90-94
3. Kozlov, V.N. Molodeg kak strategicheskiy resurs razvitiya rossiyskogo obchestva. Golikovskie chteniya. Sbornik nauchnyh trudov №5 otv A.Y. Davankov. Chelyabinsk: Chelgu 2009 s 85-88
4. Pavlov, B.S. Is shcoly v rabochiy class – M. Sovetskaya Rossia 1989 240 s.
5. Pavlov, B.S. nad opasnym “socialnym Pridon'em” (o deviantnoy subculture podrostkov)// Sociologicheskie issledovaniya 2013 №2ы 69-80
6. Bersenev, V.L., Vagenin, S.G., Pavlov, B.S. Osobyie grani sovremennoy rossiyskoy ekonomiki I ne tolko // Ekonomike regiona 2011 №1 s 264-367

Статья публикуется впервые, согласны на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

Л. Н. Бибик, Г. О. Барбаков

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Семья является уникальным социальным институтом, посредником между индивидом и государством, транслятором фундаментальных ценностей от поколения к поколению. В ней заключен мощный потенциал воздействия на процессы общественного развития, воспроизводства рабочей силы, становления гражданских отношений.

Трансформационные процессы, характеризующие российское общество в переходный период, негативным образом отразились на институте семьи, незыблемость и стабильность которого, казалось бы, не вызывала ни у кого сомнений. В наиболее трудных условиях оказались молодые семьи. В статье представлены результаты авторского исследования, целью которого стало выявление проблем современной молодой семьи.

Ключевые слова: семья, молодежь, проблемы молодой семьи.

Проблемы молодой семьи – это целый комплекс психологических, социологических, экономических, юридических проблем [1]. Проблемы молодой семьи – это проблемы взросления и становления каждого отдельного молодого человека как личности, его переход и адаптация в новых для него условиях взрослой жизни, обучение умению совместного сосуществования [2]. В сущности, проблемы молодого поколения существовали всегда. Каждое новое поколение обладает своим специфическим набором потребностей. На каждом этапе развития человека и цивилизации проблемы молодой семьи различны. Супругам-студентам необходима помощь в трудоустройстве по специальности, так как в условиях современного рынка труда они не являются конкурентоспособной рабочей силой в условиях спроса на специалистов с опытом работы, а также в силу их учебной и семейной занятости. Молодым семьям, имеющим детей, необходимо приобретение отдельной жилплощади. Отсутствие постоянного заработка и (или) постоянного места работы. Сегодня актуальны вопросы организация доступного досуга молодежи [3].

Наиболее важное изменение современной молодой семьи – это тенденция к малодетности и откладывание рождения даже первого ребенка. [4] Основными причинами, препятствующими рождению детей, являются материальные трудности, отсутствие собственного жилья, а также стремление реализовать личностный потенциал, достичь определенного карьерного роста в трудовой деятельности [5]. Российская Федерация даже по западным меркам характе-

ризуется уникально низкой рождаемостью. Согласно информации ИТАР ТАСС в четырех из семи наиболее развитых странах сохраняется устойчивый естественный прирост населения: в Великобритании – 1,6, Франции – 3,4, Канаде – 4,8, США – 5,6 на 1000 человек [6]. В России наблюдается устойчивая депопуляция населения не только по причине низкой рождаемости, но и за счет сверхсмертности младенцев и мужчин в трудоспособном возрасте. В то же время известно, что в полной семье люди живут гораздо дольше и дольше трудятся [7].

Сегодня дети не являются основным условием функционирования молодой семьи и скрепляющим элементом в супружеских отношениях. На первый план выдвигаются новые механизмы устойчивости брака. В их числе решающим становится условие удовлетворения в семье потребности в любви, счастье, выполнение семьей функции «психологического убежища», а также возможность для супругов реализации личностного потенциала [8].

Претерпела изменение и экономическая функция молодой семьи. Материальное благополучие становится все более значимым фактором в удовлетворенности браком молодыми супругами и оказывает самое непосредственное влияние на психологический климат в семье. В самом деле, основные экономические трудности – отсутствие собственного жилья, бытовая неустроенность, низкая заработная плата, ограниченные возможности в проведении досуга и т.д. – все это отражается на взаимоотношениях и приводит к конфликтам в молодой семье.

С одной стороны, для успешного функционирования общества необходима устойчивая, стабильная семья, с другой – для успешного развития семьи нужны благоприятные социокультурные условия, то есть объективные факторы, воздействующие со стороны общества на семью; культурные ценности, поддерживающие статус молодой семьи, экономическая помощь и социальная защита.

Изучение проблематики молодой семьи требует выхода за рамки общестатистических данных о росте количества разводов и снижении деторождений. Необходимо глубокое изучение детерминантов, субъективных и объективных сторон функционирования современной семьи, ее нормативных и ценностных оснований [9].

С целью выявления приоритетных проблем молодой семьи в 2013 году автором проведено социологическое исследование (методом анкетного опроса). В качестве опрашиваемых выступили совершеннолетние жители г. Покачи (42% от выборки) и г. Сургута (58%). Оба города расположены в Ханты-Мансийском автономном округе. Всего в опросе приняло участие 300 человек, из них 38% мужчин и 62% женщин.

Более половины респондентов состоят в официальном браке; каждый четвертый проживает в гражданском браке; 8% указали, что у них неполная семья с детьми, а 3,6% – это матери или отцы-одиночки (рис. 1).

Анализ ответов на вопрос «Изменилась ли Ваша жизнь с появлением семьи?» показал, что больше половины респондентов (66,4%), как мужчин, так и женщин, считают, что с появлением семьи их жизнь изменилась в лучшую сторону. Индикатором благополучия семейной жизни является отсутствие жилищных, материальных, финансовых и других проблем, приводящее к повышению интенсивности вну-

трисемейного общения. Наличие же проблем увеличивает вероятность возникновения семейных конфликтов. Остановившись на общественных проблемах, которые беспокоят респондентов, в первую очередь, респондентам разрешалось выбрать пять наиболее актуальных для них (рис. 2).

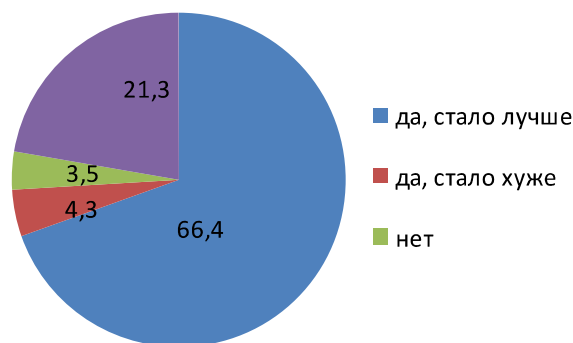

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос «Изменилась ли Ваша жизнь с появлением семьи?» (%).

Три четверти опрошенных основной проблемой назвали отсутствие отдельного жилья, равное количество респондентов (41,3 и 40,6%, соответственно) к ним отнесли нехватку денежных средств на содержание семьи и проблему трудоустройства (рис. 3).

К другим приоритетным проблемам респондентами были отнесены и такие, как: вредные привычки супруга (и), высокий уровень цен и низкая зарплата, отсутствие помощи со стороны государства.

Менее половины опрошенных имеют квартиру в благоустроенном доме – 28%, собственный дом – 17%, снимают жилье примерно одна четвертая часть респондентов (25,3%), проживают в коммунальной квартире, в общежитии (пансионате) чуть менее 15% (рис. 4).

Анализ ответов на данный вопрос в зависимости от возраста существенных различий не

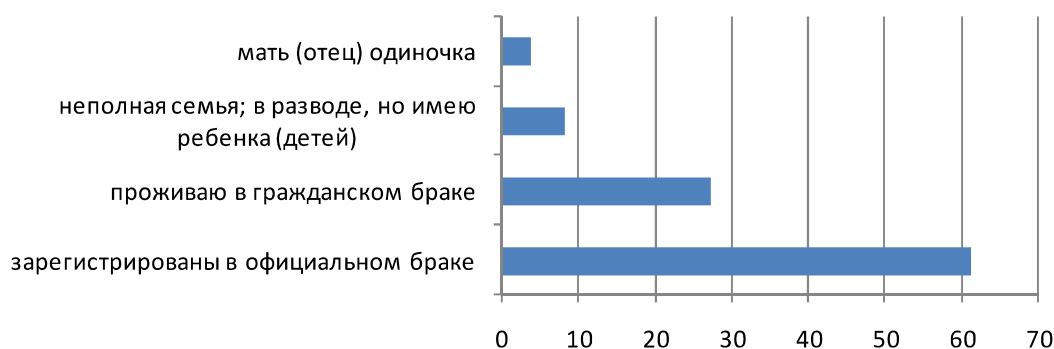

Рис. 1. Тип семьи, членом которой является респондент (%).

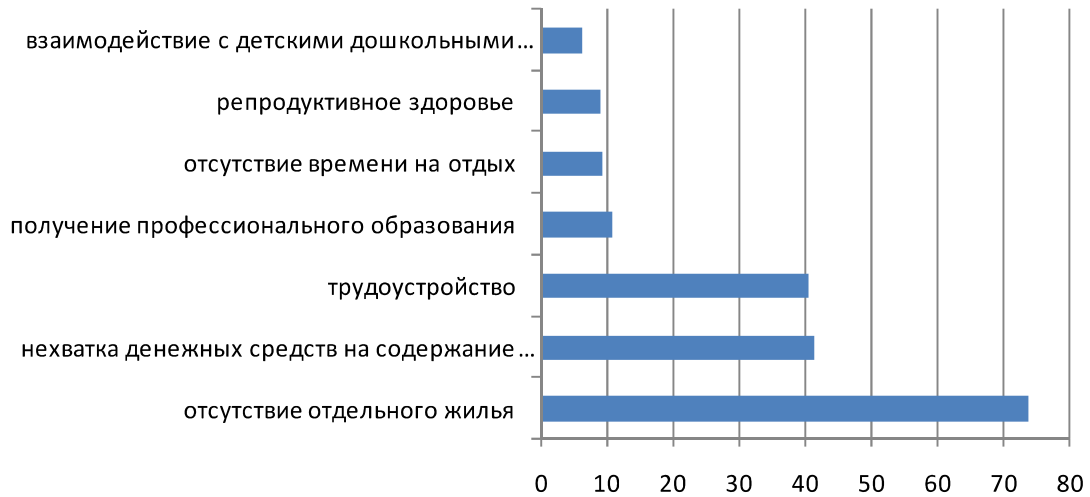

Рис. 3. Мнения респондентов о наиболее приоритетных для молодых семей проблемах (вопрос предполагал множественный ответ) (%).

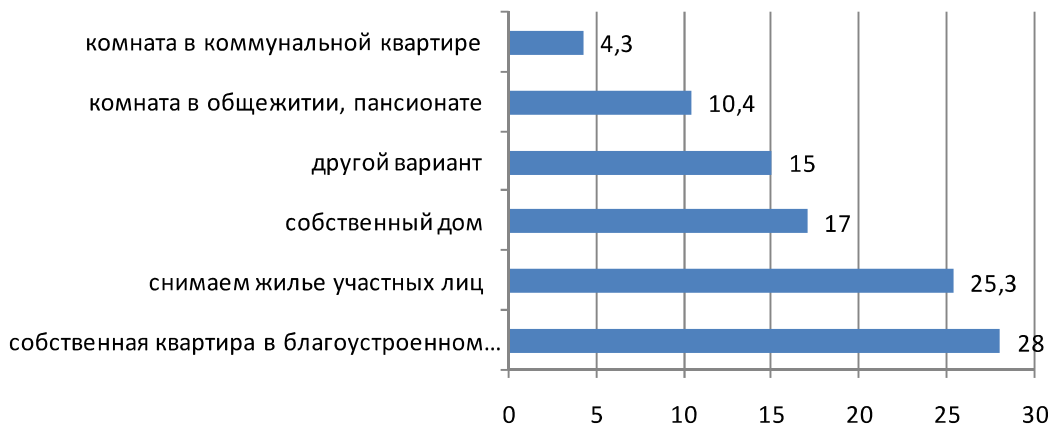

Рис. 4. Жилье, которое имеют респонденты (%).

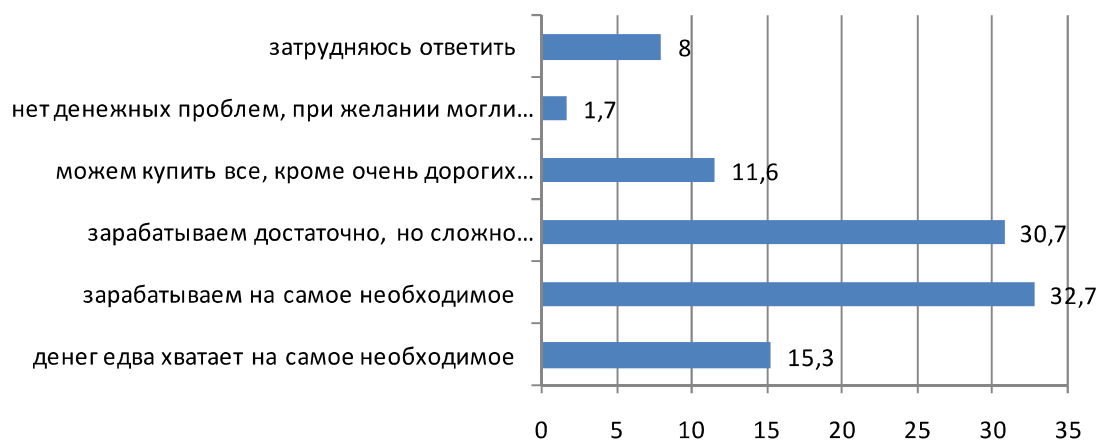

Рис. 5. Самооценка материального положения респондентов (%).

выявил. А вот уровень благосостояния респондентов, как показало исследование, влияет на тип их жилья – чем выше уровень благосостояния, тем чаще респонденты имеют собственное жилье в благоустроенном доме.

Как было отмечено ранее, наиболее приоритетной проблемой молодых семей является отсутствие отдельного жилья. Не случайно большинство респондентов (87,8%), отвечая на вопрос «Считаете ли Вы доступной государ-

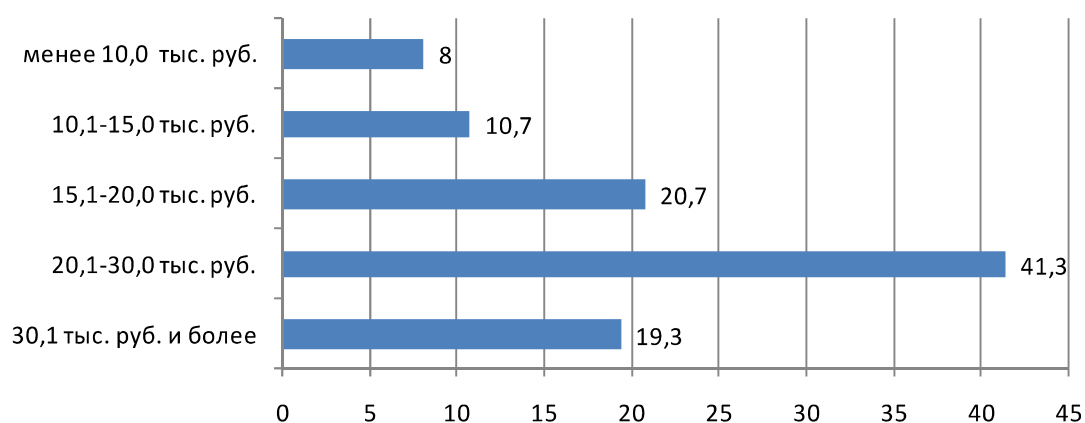

Рис. 6. Ответы респондентов на вопрос «Сколько денег нужно сейчас Вашей семье в расчете на одного человека в месяц, чтобы «жить нормально»?» (%)».

ственную программу по обеспечению жильем молодых семей?», прямо указали, что получить жилье по программе могут лишь единицы. Противоположное мнение высказало лишь 12,2% респондентов.

Другой приоритетной проблемой молодой семьи является проблема недостатка денежных средств на содержание семьи. Как видно из рис. 5, распределение респондентов по материальному положению выглядит следующим образом: большая часть имеет доход, при котором денег хватает на самое необходимое (32,7%): денег достаточно, но сложно скопить на дорогостоящие вещи (30,7%). Незначительные доли респондентов живут богато или бедно (1,7 и 15,3%, соответственно).

Поэтому неудивительно, что на вопрос «Как Вы считаете, может ли молодая семья, где оба супруга работают, прожить в настоящее время на свой заработок без материальной помощи родителей?», каждый четвертый ответил отрицательно. Около 60% опрошенных считают, что молодая семья, где оба супруга работают, может прожить в настоящее время на свой заработок без материальной помощи родителей. Причем почти каждый третий ответил на этот вопрос положительно, но с оговоркой, что если в семье нет детей (40,4%). Одновременно каждый шестой затруднился ответить на поставленный вопрос (17%).

Вопрос относительно того, сколько денег нужно современной семье в расчете на одного человека в месяц, чтобы жить нормально, показал следующее. Сегодня молодой семье не-

обходимо до 30 тыс. руб. в расчете на одного человека в месяц для того, чтобы жить нормально. Такого мнения придерживается 41,3% респондентов. Чуть более завышены потребности у 19,3% респондентов, они указали сумму свыше 30 тыс. руб. Те, кому необходимо от 15 до 20 тыс. руб. в месяц составляют пятую часть респондентов (рис. 6).

Анализ ответов на данный вопрос в зависимости от количества детей позволил выявить следующее: чем больше детей в семье респондентов, тем меньше притязаний имеют респонденты к сумме на одного человека, чтобы «жить нормально». Возраст же, как показало исследование, не является фактором, влияющим на запросы человека.

Таким образом, результаты опроса показали, что у молодых семей существует множество проблем, ключевые из которых – отсутствие отдельного жилья, нехватка денежных средств на содержание семьи и сложности в трудоустройстве.

В современных условиях, когда исторически обусловленные процессы трансформации семьи сочетаются с острейшими проблемами, вызванными социально-экономическим реформированием, возникает необходимость модернизации социально-управленческой деятельности в отношении семьи и брака. Молодая семья, будучи в основе своей неустойчивым образованием, особенно сильно нуждается в поддержке и регулировании со стороны государства.

Список литературы

1. Павленок, П.Д. Основы социальной работы. / Под. ред. П.Д. Павленок. – М.: Инфра-М., 1999. – 69 с.
2. Афанасьева, Т.М. Семья. – М.: Просвещение, 2006. – С. 81.
3. Дорохова, М.В. Основные проблемы семей, обращающихся в Центр социально-психологической реабилитации. – М., 2008. – С. 99.
4. Устинова, О.В., Осипова, Л.Б. Семья – основной институт воспроизводства населения (на примере юга Тюменской области) // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. – 2013, №2. – С. 204-206.
5. Кузнецова, М.В. Молодая семья и ее социальная защита в современном обществе // Социальная работа с семьей. – М., 2005. – С. 72.
6. Информационное телеграфное агентство России. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.itar-tass.com/c9/741589.html>.
7. Родина, В.Н., Фарахутдинов, Ш.Ф., Устинова, О.В. Взаимобусловленность брачности и рождаемости // Современные проблемы науки и образования. – 2015, № 1. – С. 915.
8. Черепанова, В.Н., Устинова, О.В. Государственное управление воспроизводством населения. // Современные проблемы науки и образования. – 2015, № 1. – С. 946.
9. Устинова, О.В, Пилипенко, Л.М., Валикина, Ю.Р. Воспроизводство населения как объект социологии управления. / В сборнике: Математические методы и модели в управлении, экономике и социологии. / Сборник научных трудов. / Отв. ред. О.М. Барбаков, Ю.А. Зобнин. – Тюмень, 2014. – С. 443-446.

Сведения об авторах

Бибик Лариса Николаевна, ассистент Тюменского государственного нефтегазового университета.

larisa_bibik@mail.ru.

Барбаков Григорий Олегович, кандидат юридических наук, доцент Тюменского государственного архитектурно-строительного университета.

bara79@bk.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 26 (381).

Philosophy. Sociology. Culturology. Issue 38. Pp. 150–155.

PROBLEMS OF MODERN YOUNG FAMILY

Larisa N. Bibik

assistant, Tyumen State Oil and Gas University, larisa_bibik@mail.ru

Gregory O. Barbakow

*Candidate of Juridical Sciences, associate professor of Tyumen State Architectural University,
bara79@bk.ru.*

The family is a unique social institution, an intermediary between the individual and the state, the translator of the fundamental values from generation to generation. It has huge potential to influence the processes of social development and reproduction of the labour force, the emergence of civil relations.

The transformation processes that characterize the Russian society in transition, had negative repercussions on the institution of the family, the sanctity and stability which, apparently, did not cause any doubts. In the most difficult conditions appeared to be young families. The article presents the results of a study whose objective was to identify the problems of modern young family.

Keywords: family, youth, the problems of a young family.

References

1. Pavlenok, P.D. Osnovi sotsialnoj raboti. / Pod. red. P.D. Pavlenok. – M.: Infra-M., 1999. – 69 p.
2. Afanaseva, T.M. Semj. – M.: Prosveshenie, 2006. – P. 81.
3. Dorochova, M.V. Osnovnie problem semej, obrashaushichsj v Zentr sozhialno-psihologicheskoi reabilitazhii. – M., 2008. – P. 99.
4. Ustinova, O.V., Osipova, L.B. Semj – osnovnoj institut vosproizvodstva naselenia (na primere uqa Tumenskoj oblasti) // Vestnik Kazanskoqo gosudarstvennoqo teshnicheskogo universiteta im. A.N. Tupoleva. – 2013, № 2. – P. 204-206.
5. Kuznezhova, M.V. Molodaj semj i ee sozhialnaj zashita v sovremennom obshestve // Sozhialnaj rabota работ s semej. – M., 2005. – P. 72.
6. Informazionnoe telegrafnoe agentstvo Rossii. // [electronic resource]. Access: <http://www.itar-tass.com/c9/741589.html>.
7. Rodina, V.N., Farashutdinov, S.H.F., Ustinova, O.V. Vzaimoobuslovlennost brachnosti i rozhdaemosti // Sovremennie problem nauki i obrazovanij. – 2015, № 1. – P. 915.
8. Cherepanova, V.N., Ustinova, O.V. Gosudarstvennoe upravlenie vosproizvodstvom naselenij // Sovremennie problem nauki i obrazovanij. – 2015, № 1. – P. 946.
9. Ustinova, O.V., Pilipenko, L.M., Valikina, U.R. Vosproizvodstvo naselenij kak obekt sozhologii upravlenij. / V sbornike: Matematicheskie metodi i modeli v upravlenii, ekonomiki i sozhologii. / Sbornik nauchnish trudov. / Otv. red. O.M. Barbakov, U.A. Zobnin. – Tumen, 2014. – P. 443-446.

Статья публикуется впервые, согласны на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА

«ПОСТУПОК СМЕЛЫЙ И НЕСЛЫХАННЫЙ» ИЛИ КТО ПЕРВЫМ СТАЛ ПРЕПОДАВАТЬ В РОССИИ ФИЛОСОФИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Первым в России лекцию на русском языке по философии прочитал русский философ и переводчик Николай Никитич Поповский (1730/28 – 1760) – профессор словесности и магистр философии, воспитанник Московской Славяно-Греко-Латинской академии; был выбран В.К. Тредиаковским для обучения в Академическом университете и в 1748 отправлен в Петербург, где 31 марта вместе с другими студентами держал экзамен, на котором присутствовал М.В. Ломоносов, впоследствии высоко ценивший его за литературные опыты. Н. Поповский родился в Москве в семье священника церкви Василия Блаженного, умер в Москве 13 февраля 1760 г.

С 15 мая 1748 он начал слушать лекции В. Тредиаковского и Х. Крузиуса по латинскому языку, элоквенции (красноречию), античной истории и литературе, а затем Г.-В. Рихмана по математике. 20 декабря в рапорте Г.-Ф. Миллера Поповский был назван «между лучшими» у Тредиаковского и Крузиуса. У Рихмана, после экзаменов в 1750 получил аттестацию: «В математике и философии имеет успех посредственный, а впредь с ним не без надежды, ибо он понятие имеет и показывает немалое прилежание; ... Он переводит нечто по-русски и потом по-латински чисто и хорошо», «читает по-французски и по-немецки». После экзаменов в 1751 комиссия дала отзыв о нем: «... в словесных и философских науках такой опыт искусства оказал, что на все вопросы изрядно отвечивал, а сверх того, сообщил своего сочинения стихи на российском и латинском языках, которые с немалой его похвалою читаны. В словесных науках и философии далее простирается желает, которые, по нашему

рассуждению, надлежит ему продолжить таким образом, чтобы со временем быть стихотворцем и оратором Академии».

В 1753 г. Поповский стал ректором академической гимназии, а в 1755 г. назначен в Московский университет для чтения «философских лекций» и 26 апреля 1755, в день открытия университета обратился к студентам и публике с речью «О пользе и важности теоретической философии» (пока еще на латинском языке). Впоследствии, вопреки европейской традиции, читал лекции по философии на русском языке. Он считал философию «изображением храма вселенной» и признавал за ней «нравственное значение...», был против господства в философии латинского языка и настаивал на преподавании философии на русском языке, уделял внимание становлению философского языка как необходимой основы русской национальной традиции («Нет такой мысли, кою б по-русски изъяснить было невозможно»). Задачи философии понимал предельно универсально («мать всех наук и художеств»), подчеркивая важность натурфилософии для философского постижения «главных законов Вселенной». Кроме того, Н. Поповский много писал в стихах и прозе. В «Письме о пользе наук и о воспитании в оных юношества», обращенного к куратору университета графу И.И. Шувалову, доказывал необходимость научного образования. Из его переводов особенно ценился современниками перевод в стихах «Опыта о человеке» А. Попа. Переводил оды и сатиры Горация, а также он перевел на русский язык «Мысли о воспитании» Д. Локка. Он стал первым издателем и редактором «Московских Ведомостей».

Сочинения Н.Н. Поповского: «Ода на восшествие на престол Елизаветы Петровны» (1754); «Похвальное слово Елизавете Петровне» (1756); «Речь, говоренная в начатии философских лекций при Московском университете гимназии ректором Николаем Поповским»; «К портрету М.В. Ломоносова». В кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 1. — М., 1952; О пользе наук и о воспитании во оных юношества; О

воспитании детей. — Антология педагогической мысли в России XVIII в. — М., 1985; 7 сентября 1753 Поповский выступил с речью «О несправедливом презрении нравоучительной философии, особливо у древних философов, прежде Сократа бывших» и со «стихами латинскими и российскими» (тексты не найдены).

Рубрику ведет доктор исторических наук Кузнецов В.А.

В философский словарь-справочник

(Из краткого словаря-справочника по истории, мифологии, религии, философии, искусству Древней Индии и Древнего Китая В.А. Кузнецова)

Кешава (санскр. – кудрявый, лучистый, прекрасноволосый) – в инд. мифол. эпитет Вишну-Кришны как олицетв. солнца (лучи солнца уподобляются волосам, кудрям).

Саньсан – в кит. фольклоре гигантское дерево без ветвей, ствол кот.-го тянется от преисподней до неба.

«**Гуан-цзы**» – назв. трактата кит. философа ГуаньЧжуна (VII в. до н.э.).

Законы перевоплощения – важнейшее понятие в буддизме, в соответствии с кот.-м все сущее в мире переходит друг в друга, ибо все вращается внутри гигантского Колеса судеб. Лишь Будды находятся вне круга судеб и не подвластны закону кармы.

Либаний (315-393) – греч. философ-софист и ритор родом из Антиохии (Сирия), учился в Афинах, преподавал ораторское искусство в Константинополе, Никомедии и Антиохии; стремился «оживить» античную религию. Сторонник императора Юлиана Отступника, кот.-й воспринял некоторые его идеи. Учениками Либания были Иоанн Златоуст, Василий Кесарийский, историк Аммиан Марцеллин.

Ясна, Йасна – честь Зенд-Авесты, священной книги древних персов, содержащая молитвы.